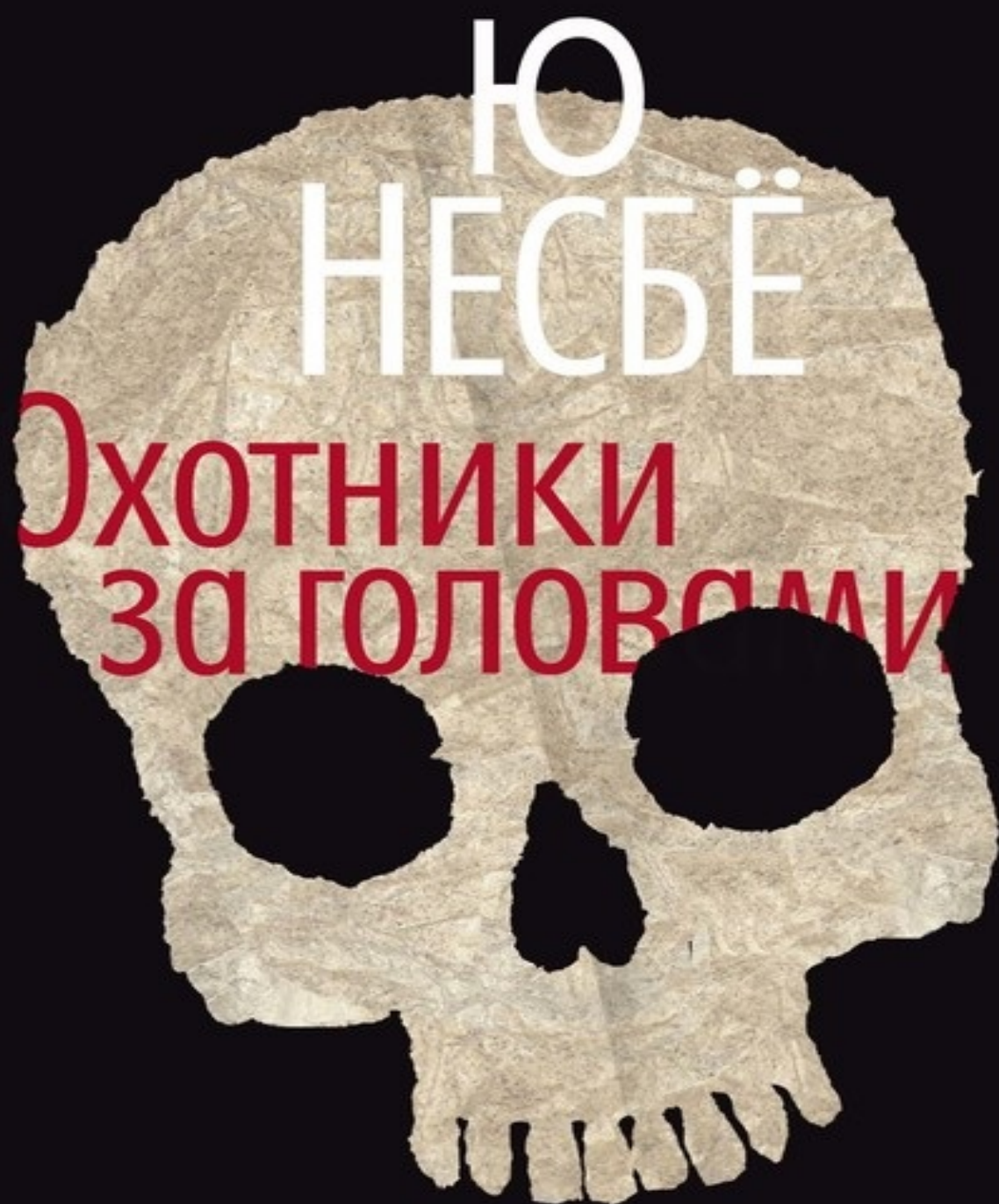

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Ю
НЕСБЁ

Охотники
за головами

Несбё неуклонно нагнетает напряжение, подводя к шокирующей развязке. Захватывающее чтение.

Booklist

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

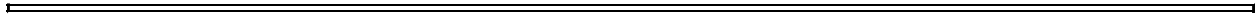
Роджер Браун – блестящий «охотник за головами», незаменимый специалист по подбору топ-менеджеров для крупнейших норвежских фирм. Чтобы удержать красавицу-жену, Роджер давно уже живет не по средствам и, пользуясь своим служебным положением, крадет дорогие картины у кандидатов на руководящие должности.

Однажды он встречает голландца Класа Граафа – идеального кандидата и одновременно владельца картины Рубенса, которая поможет Роджеру решить все семейные и финансовые проблемы. Но внезапно «охотник за головами» сам превращается в добычу...

- [Ю Несбё](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1. Кандидат](#)
 - [2. В третичном секторе экономики](#)
 - [3. На вернисаже](#)
 - [4. Конфискация](#)
 - [5. Признание](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [6. Рубенс](#)
 - [7. Беременность](#)
 - [8. G11sus4](#)
 - [Часть третья](#)
 - [9. Повторное собеседование](#)
 - [10. Порок сердца](#)
 - [11. Курацит](#)
 - [12. Наташа](#)
 - [13. Метан](#)
 - [14. «Мэсси Фергюсон»](#)
 - [15. Время для посещений](#)
 - [16. Машина «ноль-один»](#)
 - [17. «Кухни „Сигдал“»](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [18. Белая королева](#)

- [19. Преднамеренное убийство](#)
 - [20. Воскрешение из мертвых](#)
 - [21. Приглашение](#)
 - [22. Немое кино](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [23. «Вечерняя редакция»](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Ю Несбё

Охотники за головами

Jo Nesbø

HODEJGERNE

Copyright © Jo Nesbø 2008

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© Е. Чевкина, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Столкновение двух тел – простая физика. Все случайно, но все случайности описываются уравнением: сила, действующая на тело, равна массе, умноженной на ускорение. Стоит подставить вместо случайностей конкретные числа, и получится прогноз, простой, ясный и неумолимый. Из него понятно, например, что будет, когда полностью загруженный трейлер массой двадцать пять тонн на скорости восемьдесят километров в час столкнется с легковым автомобилем массой восемьсот килограммов, идущим с той же скоростью. Исходя из таких случайностей, как точка столкновения, характеристики кузовов и угол расположения тел относительно друг друга, можно получить множество вариантов сценария, но у всех у них будет как минимум два общих свойства: исход всегда трагический и всегда для легковой машины.

Тут удивительно тихо, я слышу, как ветер вздыхает в кронах и как струится в реке вода. Рука меня не слушается, сам я вишу вниз головой, тесно зажатый внутри плоти и железа. Сверху, с пола, капает кровь и бензин. Подо мной, на крыше салона в шахматную клетку, лежат маникюрные ножницы, оторванная рука, два мертвых человека и раскрытая косметичка. В мире нет красоты, осталась только косметика. Белая королева свергнута, я – убийца, и никто тут больше не дышит. Даже я. Поэтому я скоро умру. Закрою глаза и сдамся. Это так чудесно – сдаться. Мне больше нечего ждать. И поэтому я спешу рассказать свой вариант этой истории про угол расположения тел относительно друг друга.

Часть первая

Первое собеседование

1. Кандидат

Кандидат был перепуган до безумия.

Он был в экипировке из бутика Гуннара Эйе: серый костюм от Эрменеджильдо Зеньи, сшитая вручную рубашка от Борелли и бордовый галстук в мелкий сперматозоид – по моим прикидкам, «Черрути-1881». А насчет туфель я точно знал: «Феррагамо» ручной работы. У меня самого когда-то были такие.

Бумаги, лежащие передо мной, гласили, что на счету кандидата – сданный выпускной экзамен Норвежской высшей школы экономики и управления бизнесом в Бергене со средней оценкой почти в семь баллов, один депутатский срок в стортинге от партии «Хёйре» и четырехлетняя история успешного руководства неким норвежским промышленным предприятием среднего бизнеса.

И тем не менее Иеремиас Ландер был до безумия перепуган. Верхняя губа блестела от пота.

Он поднял стакан с водой, который мой секретарь поставил на низкий столик между ним и мной.

– Мне хотелось бы... – сказал я и улыбнулся.

Не той открытой, бесхитростной улыбкой, словно приглашающей совершенно постороннего человека к огоньку, нет, не настолько *несерьезной*. Но вежливой и чуть тепловатой, которая, согласно специальной литературе, сигнализирует о профессионализме специалиста по подбору кадров, его объективности и аналитической дистанции. Именно отсутствие эмоциональной вовлеченности специалиста по кадрам позволяет кандидату сохранить к нему доверие. А кандидат при этом тоже – согласно той же литературе – будет сообщать о себе более трезвую, объективную информацию, поскольку у него возникнет ощущение, что любое актерство тут же раскусят, преувеличения разоблачат, а за уловки накажут. Но я улыбаюсь так совсем не по рекомендации специальной литературы. Ведь я плевал на специальную литературу, эту копилку патентованной муры разной степени заумности; все, что мне надо, – это Инбау, Рейд и Бакли с их девятишаговым методом допроса свидетелей. Нет, я улыбаюсь так, поскольку в самом деле таков: профессионален, логичен и эмоционально не вовлечен. Я охотник за головами. Вообще-то, это не очень трудно. Но я – царь горы.

– Мне хотелось бы, – повторил я, – чтобы вы рассказали теперь о

своей жизни вне работы.

– А такая существует?

Его смешок прозвучал на полтона выше, чем следовало. Когда человек отпускает подобные вымученные шутки во время собеседования, то ему приходится не только самому улыбаться, но еще и следить взглядом за принимающей стороной – дошло ли?

– Надеюсь, – сказал я, и его смешок превратился в покашливание. – Я полагаю, руководству предприятия важно, чтобы жизнь их нового шефа была сбалансированной. Им нужен человек, который сможет просидеть на этом месте не один год, стайер, способный рассчитывать силы. А не такой, что выгорит за четыре года.

Иеремиас Ландер кивнул и выпил залпом полстакана воды.

Он был примерно на четырнадцать сантиметров выше меня и тремя годами старше. То есть ему было тридцать восемь. Немного молод для такой работы. И он это знал и потому чуть подкрасил волосы – в легкую седину на висках. Я это еще раньше заметил. Я все заметил раньше. Я заметил, что кандидат, страдая от потливости ладоней, пришел с куском мела в правом кармане пиджака и ответил мне сухим и белоснежным рукопожатием. Из горла Ландера вырвался клеткот. Я пометил в анкете: «Высокая мотивированность. Ориентирован на поиск решения».

– Вы живете тут, в Осло? – спросил я.

Он кивнул:

– В Скёйене.

– И женаты на...

Я полистал его бумаги и сделал раздраженное лицо, показывающее кандидатам, что это от них ожидается инициатива.

– На Камилле. Мы женаты десять лет. Двое детей. Школьники.

– А как вы охарактеризуете ваш брак? – спросил я, не поднимая глаз. Дал ему две долгие секунды и продолжил, когда он так и не собрался с ответом: – Вы считаете себя по-прежнему женатыми, притом что последние шесть лет проводили на работе две трети вашей жизни?

Я поднял глаза. Растерянность во взгляде, как и ожидалось. Я был непоследователен. Сбалансированная жизнь. И требование самоотдачи. Вместе они плохо сочетаются. Прошло четыре секунды, прежде чем он ответил. Одна секунда – лишняя.

– Надеюсь.

Уверенная, отработанная улыбка. Но все же недостаточно отработанная. Для меня. Он ответил мне моим же словом, и я зачел бы это в плюс, будь тут осознанная ирония. Однако в данном случае это лишь

бессознательное копирование реплики человека, чей статус воспринимается как более высокий. «Низкая самооценка», – записываю я. К тому же он «надеется», он не знает, не выказывает прогноза, не читает будущего в хрустальном шаре и даже понятия не имеет о том, что всякий руководитель должен как минимум производить впечатление ясновидящего.

«Не импровизатор. Не пилот хаоса».

– Она работает?

– Да. В адвокатской конторе, в центре.

– Каждый день, с девяти до четырех?

– Да.

– А когда дети болеют, кто остается дома?

– Она. Но к счастью, Никлас и Андерс очень редко...

– Так у вас ни домработницы, ни кого-то другого, кто находился бы дома в дневное время?

Он колебался, как все кандидаты, когда они не уверены, какой ответ предпочтительнее. Врут они при этом до обидного редко. Ландер помотал головой.

– Судя по вашему виду, вы следите за своим здоровьем, Ландер?

– Да, регулярно занимаюсь спортом.

Никаких колебаний на этот раз. Все знают, что предприятиям не нужен топ-менеджер, которого хватит инфаркт на первой же крутой горке.

– Бег трусцой и на лыжах, надо полагать?

– Да-да. Вся моя семья любит бывать на природе. У нас даже горный домик есть в Нуреуфьелле.

– Ясно. Значит, и собака есть.

Он покачал головой.

– Нет собаки? Аллергия?

Энергичное мотание головой. Я записал: «Возможно, отсутствует чувство юмора».

Потом я откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев. Жест, конечно, преувеличенно вызывающий. А что тут сказать? Я такой.

– Как вы оцениваете свою репутацию, Ландер? И что вы сделали, чтобы у нее была цена?

Он нахмурил взмокший лоб, силясь понять. Две секунды, капитуляция:

– В смысле?

Я вздохнул так, чтобы он услышал. Огляделся, словно в поисках какого-нибудь педагогического примера, к которому до сих пор не

прибегал. И, как обычно, нашел его на стене перед собой.

– Вы интересуетесь искусством, Ландер?

– Немного. Жена интересуется, во всяком случае.

– Моя тоже. Видите вон ту картину? – Я указал на картину «Сара раздевается», двухметровой высоты портрет на латексе: женщина в зеленой рубашке, скрестив руки, собирается снять через голову красный свитер. – Подарок моей жены. Художник Джулиан Опай, вещь ценой в четверть миллиона крон. У вас есть какой-нибудь предмет искусства такой ценовой категории?

– Вообще-то, да.

– Поздравляю. Можно ли при взгляде на него догадаться, сколько он стоит?

– Вряд ли.

– Вот именно, вряд ли. Эта картина состоит из нескольких штрихов, голова женщины – это овал, ноль без лица, а краска нанесена ровно, без всякой текстуры. К тому же она оцифрована и может быть распечатана в одно нажатие клавиши.

– Ужас.

– Единственное – на мой взгляд, единственное – основание для того, чтобы картина стоила четверть миллиона, – это репутация художника. Слухи о том, что он хорош, вера рынка в то, что он гений. Потому что гениальность – такая вещь, которую руками не пощупаешь, в ней никто никогда до конца не уверен. То же и с руководителями, Ландер.

– Я понимаю. Репутация. Руководитель должен внушать доверие.

Помечаю у себя: «Не дурак».

– Конечно, – продолжаю я. – Все зависит от репутации. Не только зарплата руководителя, но и биржевая цена акций предприятия. Так каким же произведением искусства вы владеете и как высоко оно оценивается?

– Автолитография Эдварда Мунка «Брошь». Цены я не знаю, но...

Я нетерпеливо махнул рукой.

– На последнем аукционе она шла за триста пятьдесят тысяч, – сказал он.

– А как подобная ценность защищена от кражи?

– В нашем доме хорошая охранная система, – сказал он. – «Триполис». У всех соседей такая.

– «Триполис» хорош, но дорог, – у меня он у самого стоит. Тысяч восемь в год. А сколько вы инвестировали в собственную профессиональную репутацию?

– В смысле?

– Двадцать тысяч? Десять тысяч? Меньше?

Он пожал плечами.

– Ни единого эре, – сказал я. – У вас резюме и карьера, которые стоят раз в десять дороже, чем картина, о которой вы говорили. Однако никто за всем этим не присматривает, никакой охранник. Потому что вы не видите такой необходимости. Вы считаете, что результат вашего руководства акционерным обществом сам за себя говорит. Ведь так?

Ландер не ответил.

– Однако, – сказал я, подавшись вперед и понизив голос, словно собираясь сообщить некую тайну, – это не так. Результат – это картина Опая: несколько штрихов и ноль без лица. Картина – ничто, репутация – все. Это-то мы и можем предложить.

– Репутацию?

– Вы тут сидите передо мной, один из шести хороших кандидатов на руководящую должность. Только не думаю, что вы ее получите. Потому что для такой должности ваша репутация слабовата.

Рот у него раскрылся, словно для протестующего крика. Которого так и не последовало. Я снова откинулся на высокую спинку кресла, оно скрипнуло.

– Господи, да вы же добивались этой работы! А всего-то и надо было, чтобы какое-нибудь подставное лицо просто указало нам на вас, а вы бы потом, при встрече с нами, уверяли, что знать об этом не знаете. Ведь за топ-менеджером надо еще охотиться, они не появляются сами, готовенькие – подстреленные и освежеванные.

Я видел, что мои слова возымели действие. Он был глубоко потрясен. Это вам не обычная анкета для собеседования, не Кюте, не Диск и не какой-нибудь еще из подобных тупых и неудобных вопросников, выдуманных психологами с более или менее выраженной психологической тугоухостью и так называемыми специалистами по человеческому потенциалу, которые сами такового начисто лишены. Я вновь понизил голос:

– Надеюсь, ваша жена не слишком расстроится, когда вы ей все это расскажете сегодня вечером. Что вожденная работа вам так и не досталась. Что карьера в этом году пока повисает в режиме ожидания. Как было и в прошлом году...

Он вздрогнул. В десятку! Еще бы. Это же Роджер Браун в действии, ярчайшая звезда на кадровом небосклоне на сегодняшний день!

– В прошлом?

– А разве нет? Вы ведь предлагались на руководящую должность в

«Деня». Майонез и печеночный паштет, правильно?

– Я полагал, там все конфиденциально, – кротко проговорил Иеремиас Ландер.

– Безусловно. Но у меня такая работа – отслеживать все. Вот я и отслеживаю. Доступными мне методами. Глупо добиваться должности, которую не получишь, особенно в вашем положении, Ландер.

– В моем положении?

– Ваши бумаги, ваши профессиональные достижения, результаты тестов и мое впечатление от вас говорят мне, что все необходимое у вас есть. Что вам не хватает только репутации. А в репутации главное – эксклюзивность. Метания в поисках негарантированной работы подрывают эксклюзивность. Вы руководитель, вы ожидаете не места – но место! Ту самую, единственную работу. И она вам будет предложена. На серебряном блюдечке.

– Правда? – сказал он, снова пытаясь изобразить уверенную улыбку. На этот раз безуспешно.

– Я очень хотел бы заполучить вас в нашу конюшню. Вы не должны искать никаких других мест. Не должны соглашаться, когда вам позвонят из других агентств по подбору персонала с привлекательно выглядящими предложениями. Вы должны держаться только нас. Быть эксклюзивом. Дать нам выстроить вашу репутацию и охранять ее. Позволить нам стать для вашей репутации тем, чем «Триполис» стал для вашего дома. Через два года вы придете к жене с гораздо более хлебной должностью, чем эта, о которой мы толкуем. С гарантией.

Иеремиас Ландер провел большим и указательным пальцем вдоль тщательно выбритого подбородка.

– Хм. Это несколько иной поворот, чем я думал.

Поражение словно успокоило его. Я наклонился к нему. Развел руки. Приподнял ладони. Посмотрел ему в глаза. Исследования показали, что семьдесят восемь процентов впечатления во время собеседования создается при помощи языка тела и только восемь – того, что ты говоришь. Остальное – это одежда, запах изо рта и подмышек и то, что висит у тебя на стенке. Языком тела я владел великолепно. И в данный момент с его помощью транслировал открытость и доверительность. Пригласил наконец кандидата к огоньку:

– Послушайте, Ландер. Завтра сюда придет председатель правления заказчика и его руководитель службы информации для встречи с одним из кандидатов. Я хотел бы, чтобы они встретились и с вами тоже. В двенадцать часов – годится?

– Прекрасно, – ответил он, не притворяясь, что ему надо сперва заглянуть в свой ежедневник.

Он мне нравился все больше.

– Я хотел бы, чтобы вы выслушали, что там у них есть, а потом вежливо отказались, поскольку вас это в настоящий момент уже не интересует, объяснили бы, что это не то предложение, на которое вы рассчитывали, и пожелали бы им удачи.

Иеремияс Ландер склонил голову набок:

– А я не покажусь им несерьезным?

– Вы покажетесь им амбициозным, – сказал я. – Человеком, знающим себе цену. Человеком, чьи услуги эксклюзивны. И это – начало истории, которую мы... – Я взмахнул рукой.

– Репутация?

– Она. Ну что, договорились?

– На два года.

– Гарантирую.

– А как именно вы это гарантируете?

Я записал: «Чуть что – снова переходит в оборону».

– Потому что я назначу вас на одно из мест, о которых говорю.

– Но как? Не вы же принимаете решение.

Я снова прикрыл глаза. Это выражение лица ассоциировалось у Дианы, моей жены, с образом ленивого льва, пресыщенного владыки саванны. Образ мне нравился.

– Моя рекомендация – это решение заказчика, Ландер.

– В смысле?

– Так же точно, как вы никогда больше не будете искать работу, не зная наверняка, что ее получите, я никогда не даю таких рекомендаций, которым бы не следовал заказчик.

– Неужели? Никогда?

– Старожилы не припомнят. Я никого никому не порекомендую, если на сто процентов не уверен, что заказчик последует моей рекомендации, – в противном случае пусть лучше заказ уйдет к конкурентам. Даже если у меня три блестящих кандидата и я уверен на девяносто процентов.

– Но почему?

Я улыбнулся:

– Ответ начинается на букву «р». На которой выстроена вся моя карьера.

Ландер покачал головой и улыбнулся:

– Мне говорили, что вы феноменальный, Браун. Теперь я понимаю, что

имелось в виду.

Я улыбнулся и встал.

– Теперь я предлагаю вам отправиться домой и сообщить вашей красавице жене, что вы отказались от этой работы, так как решили, что надо метить повыше. Ручаюсь, вас ждет приятный вечер.

– Почему вы это делаете для меня, Браун?

– Потому что коммиссионные, которые ваш работодатель заплатит нам, составляют треть вашей номинальной зарплаты за первый год. Вам известно, что Рембрандт имел обыкновение ходить на аукционы, чтобы поднимать цену на свои картины? Зачем мне продавать вас за два миллиона в год, если мы, немного поработав над репутацией, сможем это сделать за пять? Единственное, чего мы требуем, – чтобы вы доверили это нам. Ну что, договорились? – Я протянул ему руку.

Он жадно схватил ее:

– У меня чувство, что это была полезная беседа, Браун.

– Присоединяюсь, – сказал я, отметив для себя, что надо будет дать ему пару рекомендаций насчет техники рукопожатия, прежде чем он встретится с заказчиком.

Фердинанд проскользнул в мой кабинет, едва Иеремиас Ландер ушел.

– Бэ-э! – сказал он и скорчил рожу, помахав перед носом ладошкой. – «Eau de camoufla^[1]ge».

Я кивнул, открывая окно, чтобы проветрить. Фердинанд имел в виду, что кандидат крепко надушился, чтобы перебить запах нервного пота, обычно заполняющий наши допросные.

– По крайней мере, это был «Клайв Кристиан», – сказал я. – Жена купила. Как, кстати, и костюм, туфли, рубашку и галстук. И это была ее идея – подкрасить виски в седину.

– А ты откуда знаешь? – Фердинанд опустился в кресло, в котором прежде сидел Ландер, но тут же снова вскочил с омерзением на лице, почувствовав влажное тепло, все еще державшееся в обивке.

– Он побелел как полотно, стоило мне нажать на кнопку «жена», – ответил я. – Я предсказал, как она будет разочарована, когда он сообщит ей, что эта работа ему не достанется.

– Кнопка «жена»! Откуда это у тебя, Роджер?

Фердинанд пересел в другое кресло, положил ноги на стол – довольно сносную имитацию кофейного столика от Ногучи, – взял апельсин и стал счищать с него кожуру, так что фонтан едва видимых брызг оросил его наглаженную рубашку. Для гомосексуалиста Фердинанд был чересчур

неряшлив. И чересчур гомосексуален для охотника за головами.

– Инбау, Рейд и Бакли, – сказал я.

– Ты и раньше говорил, – сказал Фердинанд. – Ну и как оно при ближайшем рассмотрении? Лучше, чем Кюте?

Я улыбнулся:

– Это девятишаговая система ведения допроса, Фердинанд. Это автомат по сравнению с рогаткой, штука, которая грязи не боится и пленных не берет, но дает быстрый и надежный результат.

– И какой же результат, Роджер?

Я знал, чего он хочет, Фердинанд, и это было нормально. Он хотел вывести, в чем тут фишка, из-за которой я был лучшим, а он – соответственно – не был. И я дал ему то, чего он хотел. Потому что так полагается, знаниями надо делиться. И потому, что он все равно никогда не станет лучше меня, потому что он всегда будет ходить в рубашках, благоухающих цитрусовой кожурой, и подглядывать, вдруг у кого-то есть система, метод, секрет лучше, чем у него самого.

– Подчинение, – ответил я. – Признание. Честность. Система строится на простейших принципах.

– Типа?

– Типа того, что ты начинаешь расспрашивать подозреваемого о семье.

– Ха, – сказал Фердинанд. – Я и сам так делаю. От этого они чувствуют себя увереннее – когда могут поговорить о том, что знают, о чем-то близком. А заодно сами приоткрываются.

– Естественно. Но еще это помогает нащупать их слабые места. Ахиллесову пяту. Которую можно будет потом использовать в ходе дальнейшего допроса.

– Ух, ну и терминология!

– А потом, уже в ходе допроса, когда придется говорить на болезненные темы – о том, что случилось, об убийстве, в котором человек подозревается, когда он почувствует себя настолько одиноким и всеми покинутым, что ему захочется куда-нибудь спрятаться, ты следишь, чтобы бумажное полотенце находилось на столе на таком расстоянии от подозреваемого, чтобы тот не мог дотянуться.

– Зачем это?

– Затем, что естественным образом нарастает крещендо и настает время нажать на чувствительную кнопку. Ты должен спросить, что подумают его дети, когда узнают, что их отец – убийца. И тут, когда на глаза его наворачиваются слезы, ты ему и протягиваешь это самое бумажное полотенце. Ты становишься тем, кто все поймет, кто поможет, кому можно

довериться и поведать про все, что так мучает. Рассказать про это глупое-глупое убийство, которое и произошло практически как-то само.

– Убийство? Что-то я ни черта не понимаю. Мы же набираем персонал, а не пытаемся пришить им убийство!

– Лично я пытаюсь, – сказал я и схватил свой пиджак, висевший над столом. – Вот почему я лучший в городе охотник за головами. Кстати, пойдешь завтра в двенадцать на собеседование клиента с Ландером.

– Я?

Я открыл дверь и пошел по коридору вместе с семенящим следом Фердинандом – мимо двадцати пяти остальных кабинетов, вместе составляющих «Альфу», средней величины фирму по подбору персонала, существующую уже пятнадцать лет и каждый год приносящую от пятнадцати до двадцати миллионов, которые, за вычетом до крайности скромных бонусов лучшим из нас, отправляются в карман собственника в городе Стокгольме.

– Да ерунда. Все данные в файле. Договорились?

– Договорились, – сказал Фердинанд. – При одном условии.

– Условию? Это я делаю тебе услугу.

– Вернисаж в галерее, который сегодня вечером устраивает твоя жена...

– Да, что с ним?

– Можно мне туда сходить?

– А ты приглашен?

– Вот! А я приглашен?

– Не думаю.

Фердинанд резко остановился и пропал из моего поля зрения. Я шел дальше, зная, что он стоит уронив руки, смотрит мне вслед и думает, что и на этот раз ему не удастся ни попить шампанского в компании золотой молодежи, ночных фей, звезд и богатеев Осло, ни потусоваться в том легком гламуре, который окружает Дианины вернисажи, ни завязать контакты с потенциальными кандидатами на эксклюзивные места, включая постель, или иные порочные связи. Бедняга.

– Роджер? – Это была девчонка за столом в приемной. – Вам было два звонка. Один...

– Не сейчас, Ода, – ответил я на ходу. – Я выйду на сорок пять минут. И принимать звонки не надо.

– Но...

– Сами перезвонят, если что-то важное.

Ничего девочка, только ее еще учить и учить, эту Оду. Или она Ида?

2. В третичном секторе экономики

Свежий солоноватый осенний воздух, пахнувший выхлопными газами, рождал ассоциации с морем, нефтедобычей и валовым внутренним продуктом. Косые лучи солнца отражались в окнах офисных зданий, отбрасывающих резкие прямоугольные тени на то, что некогда было промзоной. Теперь она стала районом супердорогих бутиков и квартир и супердорогих офисов супердорогих консультантов. С точки, где я стоял, мне было видно три фитнес-центра, где все часы уже зарезервированы, с утра до самого вечера. Молодой парень в костюме от Корнелиани и очочках в стиле «я ботан» почтительно поздоровался со мной, едва мы поравнялись, и я милостиво кивнул в ответ. Я понятия не имел, кто он, знал только, что он наверняка из какой-нибудь другой фирмы по подбору персонала. Эдвард У. Келли, что ли? Только охотник за головами может так почтительно здороваться с себе подобным. Или, выражаясь проще, никто, кроме охотников за головами, не станет со мной здороваться, потому что не знает, кто я. Во-первых, я ограничил свои социальные контакты обществом моей жены Дианы. Во-вторых, я работаю в фирме, которая – в точности как фирма Келли – относится к числу эксклюзивных, которые избегают светиться в СМИ и о которых вы, как вам кажется, никогда не слышали; но если у вас достаточно квалификации, чтобы занять одну из ведущих должностей в этой стране и в один прекрасный день вам позвонили от нас, то у вас внутри что-то щелкнет: эта контора, «Альфа», где же я слышал это название? Может, на совещании руководства концерна в связи с назначением нового директора подразделения? Так что вы о нас все же слышали. Но ничего не знаете. Ведь скромность – наша главная добродетель. И единственная. Потому что все остальное – это большей частью вранье самого примитивного сорта, как, например, то, что вы слышите, когда я завершаю очередное собеседование постоянной мантрой: «Вы – тот самый человек, какого я искал для этой должности. Для которой вы, думаю, а вернее, точно знаю, подходите оптимально. А значит, и эта должность оптимально подходит для вас. Уж поверьте мне».

Ну-ну. Верить мне не стоит.

Н-да, я предположил бы Келли. Или Амрупа. Судя по прикиду, чувак, по крайней мере, не из этих крупных, беспонтовых, неэксклюзивных контор типа «Мэнпауэр» или «Адеко». Но и не из микроскопических и распонтованных типа «Хоупленд», тогда я бы знал, кто это. Может,

разумеется, быть из солидной конторы средней понтовости, вроде «Меркьюри арвал» или «Дельфы», или из какой-нибудь мелкой, совсем беспонтовой и безымянной, какие набирают средний руководящий состав и только с нашего разрешения конкурируют с нами, большими мальчиками. И проигрывают, и возвращаются назад – подбирать директоров магазинов и главных бухгалтеров. И почтительно здороваются с такими, как я, в надежде, что однажды мы их вспомним и пригласим к себе на работу.

У нас, охотников за головами, не существует никаких официальных рейтингов, никаких опросов общественного мнения, как у агентов по недвижимости, или ежегодных профессиональных фестивалей с наградами, как у телевизионщиков или рекламщиков. Но мы знаем. Знаем, кто царь горы, кто крупно рискует, а кому скоро крышка. Подвиги совершаются в тишине, похороны – в мертвом молчании. Но чувак, который только что со мной поздоровался, знает, что я – Роджер Браун, охотник за головами, который ни разу не промахнулся, предлагая кандидату работу, который, если нужно, запутывает, принуждает, ломает кандидата и припирает его к стенке, чьим оценкам клиенты слепо доверяют и без колебаний отдают судьбу своей фирмы в его, и только его, руки. Иными словами, не совет директоров порта Осло назначил нового руководителя транспортной службы, не автопрокатный концерн AVIS – руководителя отделения «Скандинавия» и уж конечно не коммунальное управление назначило директора электростанции в Сирдале. А я.

Я решил взять чувака на карандаш: «Хороший костюм. Знает, кому следует выказать уважение».

Я набрал номер Уве в автомате возле магазинчика «Нарвесен», а тем временем проверил свой мобильный. Восемь вызовов. Я удалил все.

– У нас есть кандидат, – сказал я, когда Уве наконец взял трубку. – Иеремиас Ландер, Монолитвейен.

– Что, проверить, есть ли он у нас?

– Нет. Я знаю, он у вас есть. Он приглашен на второе собеседование, завтра. С двенадцати до двух. В двенадцать ноль-ноль. Дашь мне час. Заметано?

– Ага. Что-то еще?

– Ключи. В «Суши & Кофе», через двадцать минут?

– Через полчаса.

Я побрел по деревянной мостовой к «Суши & Кофе». Причиной, по которой было выбрано такое дорожное покрытие, более хрупкое, более маркое и к тому же более дорогое, чем обычный асфальт, стала, видимо,

потребность в идиллии, тоска по чему-то исконному, неизменному и подлинному. По крайней мере, более подлинному, чем эта декорация в районе, где некогда в поте лица создавались реальные вещи, продукт гудящего пламени и тяжких ударов молота. А теперь, словно эхо, – гул кофейных машин и лязг железа о железо в фитнес-центрах. Ибо это – торжество работника третичного сектора экономики над фабричным рабочим, торжество фикции над реальностью. И мне оно по душе.

Я глянул на бриллиантовые серьги, которые уже раньше приметил на витрине у ювелира напротив «Суши & Кофе». Замечательно смотрелись бы на Диане. Но стали бы катастрофой для моего бюджета. Я отбросил эту мысль, пересек улицу и вошел в заведение, где, судя по вывеске, подают суши, а на самом деле –дохлую рыбу. Зато к их кофе никаких претензий. Народа внутри было немного. Стройные, только что после пробежки, платиновые блондинки все еще в спортивных костюмах, потому что им даже в голову не могло прийти принять душ в фитнес-центре на виду у всех. Странно вообще-то, ведь они вложили целое состояние в эти свои тела, которые, по сути, тоже торжество фикции. Они тоже сотрудницы третичного сектора, а точнее, часть персонала, обслуживающего богатого мужа. Эти женщины, даже будь они полные дуры, все равно пойдут изучать юриспруденцию, информатику и историю искусства в качестве дополнительного ухода за собой, вынуждая общество финансировать несколько лет их учебы в университете только ради того, чтобы эти образованные куклы сидели потом дома или тут в кафе и делились опытом, как заставить своих папиков быть в меру довольными, в меру ревновать и в меру ходить на задних лапках. Пока наконец не привяжут их накрепко с помощью детей. А с рождением ребенка все, естественно, меняется, центр власти сместился, муж кастрирован и ему мат. Ребенок...

– Двойной кортадо, – заказал я и уселся на табурет у барной стойки.

Я с удовольствием рассматривал женщин в зеркале. Я счастливый муж. Диана совсем не такая, как эти модные безмозглые паразитки. Ей дано все, чего я лишен. Заботливость. Умение сочувствовать. Верность. Благородство. Если коротко: она – прекрасная душа в прекрасном теле. Но ее красота не канонична, пропорции у нее специфические. Диана словно нарисована в стиле манги, как те чуть кукольные персонажи японских комиксов. Лицо у нее маленькое, с очень маленьким, узкогубым ртом, маленьким носом и большими, чуть удивленными глазами, которые делаются чуть навывкате, когда она устает. Но на мой взгляд, именно такие отклонения от стандарта и создают красоту, делают ее несомненной. Что заставило ее выбрать меня? Сына шофера, студента-экономиста чуть более

чем средних способностей, с чуть менее чем средними перспективами и значительно менее среднего роста. Еще лет пятьдесят назад с моими метром шестьюдесятью восемью я не казался бы коротышкой, по крайней мере по среднеевропейским нормам. А почитать историю антропометрии, так всего сто лет назад метр шестьдесят восемь считалось для Норвегии средним ростом. Но развитие человечества пошло в невыгодном для меня направлении.

Ну ладно она выбрала меня тогда, в минуту некоего душевного смятения; непостижимо другое – то, что такая женщина, как Диана, которая могла бы заполучить любого, кого пожелает, каждый новый день просыпается и по-прежнему желает меня. Что за таинственная слепота не дает ей увидеть мое ничтожество, мою вероломную натуру, мою слабость, когда я натываюсь на сопротивление, мою тупую злобу при встрече с тупой злобой? Она не хочет этого видеть? Или все дело в моем умелом и коварном расчете, благодаря которому мое истинное «я» оказалось вне этого благословенного поля зрения влюбленности? И само собой, в ребенке, в котором я до сих пор ей отказывал. Что у меня за власть над этим ангелом в человеческом облике? По словам Дианы, я пленил ее с первого же взгляда смесью заносчивости и самоиронии. Это случилось на одной скандинавской вечеринке в Лондоне, причем мне тогда Диана по первому впечатлению показалась кем-то вроде этих, что тут сидят: белокурая скандинавская красотка из западного Осло, изучающая историю искусства в одной из мировых столиц, в промежутках между занятиями работает моделью, борется против войны и нищеты во всем мире и любит праздники и всякую развлекуху. На то, чтобы понять, что я ошибся, ушло три часа и шесть бутылок «Гиннеса». Во-первых, оказалось, она правда увлечена искусством, почти до одержимости. Во-вторых, она ухитрилась дать понять, что ей искренне неприятно быть частью системы, ведущей войны против людей, не желающих стать частью западного капиталистического мира. Именно Диана объяснила мне тот факт, что эксплуатация развитыми странами развивающихся, даже при условии оказания тем развивающей помощи, всегда была и будет выгодна. В-третьих, она понимала юмор, мой юмор, с помощью которого парень ростом с меня может очаровать даму метра семидесяти с гаком. И в-четвертых – что, несомненно, явилось решающим для меня, – у нее было плохо с языками, но превосходно с логикой. По-английски она изъяснялась, мягко говоря, неуклюже и, улыбаясь, призналась, что ей ни разу в жизни не приходилось применить в деле ни свой французский, ни испанский. Тогда я предположил, что у нее, наверное, мужской склад ума и она любит

математику. Она только плечами пожала, но я не отставал и рассказал о майкрософтовском тесте для собеседований, где кандидатам предлагаются готовые логические задачи.

– Причем то, как кандидаты воспримут такую задачу, не менее важно, чем то, как они сумеют ее решить.

– Давай-давай, – сказала она.

– Если простое число...

– Постой! «Простое число» – это какое?

– Которое делится только само на себя и на единицу.

– Ага.

У нее по-прежнему не было в лице того отсутствующего выражения, какое обычно появляется у женщин, стоит разговору зайти о числах, и я продолжил:

– Часто бывает, что простые нечетные числа следуют подряд. Например, одиннадцать и тринадцать. Семнадцать и девятнадцать. Двадцать девять и тридцать один. Понимаешь?

– Понимаю.

– А существуют примеры трех последовательных нечетных чисел, которые все были бы простыми?

– Нет, конечно, – сказала она и поднесла стакан с пивом ко рту.

– Ага. И почему же?

– Думаешь, я совсем дура? В числовом ряду из пяти последовательных чисел одно из нечетных обязательно кратно трем. И что дальше?

– Дальше?

– Ну да, в чем тут логическая задача?

Она сделала большой глоток пива из стакана и посмотрела на меня с нескрываемым, нетерпеливым любопытством. В «Майкрософте» кандидатам дается три минуты на то, чтобы привести доказательство, которое она дала за три секунды. В среднем эту задачу решали пятеро из ста. И я думаю, что я влюбился в нее именно поэтому. Помню по крайней мере, что я написал тогда на салфетке: «Принять».

И я знал тогда, что могу влюбить ее в себя, только пока мы оба сидим, что, как только я поднимусь, очарование будет разрушено. Так что я продолжал говорить. И говорить. Говоря, я дорастал до метра восьмидесяти пяти. Говорить я умею. Но она перебила меня, едва я разошелся:

– А ты любишь футбол?

– А... а ты? – растерялся я.

– Завтра «Куинс парк рейнджерс» играет против «Арсенала» в Кубке Лиги. Есть интерес?

– Еще бы, – ответил я. Имея в виду интерес к Диане – к футболу я совершенно равнодушен.

В шарфе в синюю полосу она кричала до хрипоты в лондонском осеннем тумане на Лофтус-роуд, пока ее маленькую жалкую команду, «Куинс парк рейнджерс», метелил как хотел большой дядька «Арсенал». Я не мог отвести взгляда от ее страдальческого лица и понял из всей игры только то, что у «Арсенала» шикарный прикид, белый с красным, а у «Рейнджерс» – белый в синюю полосу, отчего игроки напоминали бегающие карамельки.

В перерыве я спросил, почему она не выбрала сильную команду вроде «Арсенала», имеющую все шансы на победу, вместо этих комичных статистов, «Рейнджерс».

– Потому что я им нужна, – ответила она.

Совершенно серьезно. «Я им нужна». Теперь я понимаю мудрость этих слов, которую тогда не уловил. И, рассмеявшись чуть воркующим смехом, она опорожнила пластиковый стакан с пивом:

– Они как беспомощный младенец. Посмотри на них. Они такие лапочки.

– И в ползунках, – сказал я. – «Пустите ко мне малых сих». Это что, твой девиз?

– Хм, – ответила она, склонила голову набок и глянула на меня, широко улыбнувшись. – Пожалуй.

И мы оба засмеялись. Легко и непринужденно.

Результатов матча я не помню. Впрочем, нет, как же: поцелуй возле строгого кирпичного пансионата для девушек «Шепердс-Буш». И одинокая бессонная ночь с безумными и явственными грезами. Десять дней спустя я увидел ее лицо в колеблющемся свете стеариновой свечи, вставленной в винную бутылку у нее на ночном столике. Мы впервые тогда ласкали друг друга, ее глаза были закрыты, жилка на лбу вздулась, а в лице сквозила то злость, то боль, покуда ее бедра яростно бились о мои. То же страдальческое выражение, как тогда, когда ее «Рейнджерс» вылетели из Кубка Лиги. Позже она сказала, что любит мои волосы. Потом это станет рефреном моей жизни, а тогда я услышал это впервые.

Прошло полгода, прежде чем я объяснил ей, что, если мой отец работает в посольстве, это еще не означает, что он дипломат.

– Шофер, – повторила она, притянула к себе мою голову и поцеловала. – Значит, он сможет привезти нас из церкви на посольском лимузине?

Я не ответил, но следующей весной мы обвенчались, с роскошью, но

без помпы, в соборе Святого Патрика в Хаммерсмите. Отсутствие помпы выражалось в том, что я уговорил Диану на свадьбу без друзей и родни. Без отца. Только мы, чистые и невинные. А роскошью была сама Диана, она блистала, как два солнца и луна в придачу. Кстати, и «Рейнджерс» в тот день выиграли, так что такси пробиравлось к ее однокомнатной квартирке в «Шепердс-Буш» сквозь толпу их болельщиков с карамельными флагами и флажками. Мы жили для самих себя. И только когда мы наконец вернулись в Осло, она впервые завела разговор о детях.

Я посмотрел на часы. Уве должен уже прийти. Взглянув в зеркало, я встретился взглядом с одной из блондинок. Взгляды зацепились друг за друга на время, достаточное, чтобы нам неправильно понять друг друга, если бы мы этого захотели. Красотка с порносайта, хорошая работа пластического хирурга. Я не захотел. И мой взгляд скользнул дальше. Именно с этого началось когда-то мое первое постыдное приключение – с чересчур долгого взгляда. Первый акт имел место в галерее. Второй – тут, в «Суши & Кофе». Третий – в маленькой квартирке на Эйлерт-Сундтс-гате. Но Лотте – это закрытая глава, и такого больше никогда, никогда не произойдет. Мой взгляд заскользил дальше по залу и остановился.

Уве сидел за столиком как раз напротив входа.

И делал вид, что читает «Дагенс нэрингслив»^[2]. Что уже само по себе прелесть. Уве Хикерюд мало сказать что абсолютно не интересовался курсами акций и большей частью того, что творится в так называемом обществе, – он и читал не без труда. И писал. До сих пор помню его заявление о приеме на работу начальником охранного агентства – с таким количеством орфографических ошибок, что я повеселился от души.

Я соскользнул с высокого табурета и направился к его столику. Он сидел, сложив «Дагенс нэрингслив», и я кивнул на газету. Он улыбнулся, показывая, что ее можно взять. Я молча забрал ее и вернулся на свое место за барной стойкой. В следующую минуту я услышал, как хлопнула входная дверь, и, глянув в зеркало, увидел, что Уве Хикерюда уже нет. Я полистал газету до разворота с курсами акций, осторожно накрыл рукой лежащий там ключ и опустил его в карман пиджака.

Когда я вернулся в офис, меня ожидало шесть эсэмэсок на мобильном. Я стер пять из них не читая и открыл шестую, от Дианы:

Напоминаю, сегодня вечером вернисаж, ты мой талисман.

Она вставила смайлик в солнечных очках, одну из фенечек телефона от «Прада», который я подарил ей на тридцатидвухлетие прошлым летом. «Я как раз о нем больше всего мечтала!» – воскликнула она, вскрыв нарядную упаковку. Но мы оба знали, о чем она мечтала больше всего. И

чего я ей так и не дал. Но тем не менее она солгала и поцеловала меня.
Можно ли желать большего от женщины?

3. На вернисаже

Метр шестьдесят восемь. Незачем ходить к идиоту психологу, чтобы понять: это требует компенсации, маленький рост требует больших дел. Мы знаем, что невероятное количество величайших произведений человечества создано коротышками. Мы покорили империи, породили гениальнейшие идеи, запечатлели красивейших женщин на киноэкране – короче говоря, мы всегда выбираем себе туфли на высокой платформе. Отдельные придурки, обнаружив, что многие слепые – прекрасные музыканты, а некоторые аутисты могут извлекать в уме квадратные корни, делают выводы, будто всякая ущербность – это скрытое благо. Во-первых, это ерунда. Во-вторых, я все-таки не то чтобы карлик, всего-то чуть ниже среднего роста. В-третьих, более семидесяти процентов людей высшего социального слоя имеют рост выше среднего по своей стране. Высокий рост также напрямую коррелирует с интеллектом, уровнем доходов и рейтингом в общественном мнении. Когда я предлагаю человека на руководящий пост в экономике, рост для меня – один из главных критериев. Высокий рост предполагает уважение, доверие и авторитет. Высокие люди – заметные, они не могут спрятаться, они как мачты, с которых ветром сдувает любую грязь, они могут спокойно стоять там, где стоят. А коротышки шныряют в мутной воде у самого дна, у них есть тайный план, своя программа, в которой главное – что ты коротышка.

Чушь, разумеется, но когда я выбираю кандидата, то руководствуюсь не тем, что данный субъект будет лучше работать, а тем, что он больше понравится клиентам. Я нахожу для них достаточно хорошую голову, сидящую на таком теле, которое бы их устраивало. Судить о первом они сами не в состоянии, зато второе могут видеть собственными глазами. Как богатенькие «ценители» на Дианиных вернисажах: им не хватает образования оценить портрет, зато подпись художника они прочесть в состоянии. В мире множество людей, которые платят бешеные деньги за плохие картины хороших художников. И за посредственные головы на рослых телах.

Я вел мой новый «Вольво-S80» вверх по извилистой дороге, ведущей к нашему новому и чересчур дорогому дому в районе Воксенколлен. Я купил его, потому что у Дианы, когда мы его смотрели, сделалось страдальческое лицо. Жилки на лбу, выступавшие, когда мы с ней любили друг друга, поголубли и запульсировали над миндалевидными глазами. Она подняла

правую руку и заправила короткие, красивые, соломенного цвета волосы за правое ухо, словно чтобы лучше слышать, чтобы вслушаться и проверить, не обманывают ли ее глаза: что это тот самый дом, который она искала. И я понял ее без единого слова. И даже когда огонь в ее глазах погас, после того как агент сказал, что им уже предложили на полтора миллиона выше заявленной цены, я знал, что должен купить ей этот дом. Ибо это единственная жертва, способная искупить то, что я ее отговорил рожать ребенка. Уже не помню, какие именно аргументы я приводил в пользу аборта, но все они были неправдой. А правдой – то, что, если мы на самом деле займем с ней вдвоем все триста двадцать бешено дорогих квадратных метров, места для ребенка тут уже не будет. Вернее, тут не будет места одновременно для ребенка и меня. Ведь я знал Диану. Она, в отличие от меня, однолюб до патологии. Я возненавидел бы этого ребенка с первого же дня. Вместо этого я предложил ей новое поприще. Дом. И галерею.

Я свернул на подъездную дорожку. Камера гаража узнала машину издали, и ворота открылись автоматически. «Вольво» скользнул в прохладный сумрак, и мотор облегченно вздохнул, когда створка ворот бесшумно опустилась за спиной. Я вышел в одну из боковых дверей и направился по мощенной плоскими камнями дорожке к дому. Это было роскошное здание 1937 года постройки, проект Уве Банга, функционалиста, который, однако, считал, что эстетика важнее затрат, и в этом смысле приходился Диане родственной душой.

Я часто думал, что мы могли бы продать дом и перебраться в более скромное, более обычное жилье, более удобное, наконец. Но всякий раз, приходя домой, когда, как теперь, низкое вечернее солнце отчетливо очерчивает силуэты деревьев, рисует их светом и тенью на фоне далекого леса цвета червонного золота, я понимаю, что это невозможно. Я не могу остановиться. Потому что просто-напросто люблю ее и не могу иначе. А отсюда – все остальное: дом, поглощающая все деньги галерея, дорогие доказательства моей любви, которым она не находит применения, и стиль жизни, на который у нас не хватает средств. Все ради того, чтобы заглушить ее тоску.

Я запер за собой дверь, сбросил туфли и отключил сигнализацию за двадцать секунд до того, как сработал бы сигнал на пульте в «Триполисе». Мы с Дианой долго обсуждали пароль, прежде чем пришли к согласию. Она предлагала слово «ДЭМИЕН», в честь ее любимого художника Дэмиена Хёрста, но я считал, что это тайное имя ее нерожденного ребенка, и поэтому настоял на случайном сочетании букв и цифр, чтобы труднее было его подобрать. И она уступила. Как всегда, когда я проявлял

жесткость в ответ на жесткость. Или в ответ на мягкость. Потому что Диана была мягкая. Не слабая, но мягкая и податливая. Как глина, на которой малейший нажим оставляет оттиск. И примечательно, что, чем больше она отступала, тем сильнее делалась. И тем слабее делался я. Так что в конце концов она высилась надо мной гигантским ангелом, облаком моей вины, долга и нечистой совести. И как бы я ни вкалывал, сколько бы голов ни добыл, сколько бы ни нагреб бонусов из центрального стокгольмского офиса, этого все равно было слишком мало.

Я поднялся по лестнице в гостиную и на кухню, стянул с себя галстук, открыл встроенный холодильник «Саб-Зиро» и достал оттуда бутылку «Сан-Мигеля». Не обычного «Especial», а «1516», супермягкое пиво, Диана предпочитала его, потому что оно варится из чистого ячменя. Из окна гостиной я взглянул на сад, гараж и окрестности – Осло, фьорд, Скагеррак, Германия, мир – и обнаружил, что уже опорожнил всю бутылку.

Я взял еще одну и пошел вниз переодеться к вернисажу.

Проходя мимо Запретной комнаты, я заметил, что дверь приоткрыта. Я открыл ее пошире и увидел, что Диана положила свежие цветы к маленькой каменной статуэтке на низком, похожем на алтарь столике у окна. Столик был единственной мебелью в этой комнате, а каменная статуэтка изображала монаха-младенца с блаженной улыбкой Будды. Рядом с цветами лежали крошечные пинетки и желтая погремушка.

Я вошел, отхлебнул пива, сел на корточки и провел пальцами по гладкой голой макушке каменной фигурки. Это был мицуко-дзидзо, персонаж, который в японской традиции охраняет убитых в утробе младенцев, «мицуко» – «водяных младенцев». Я сам и привез статуэтку из Японии, где неудачно поохотился за головами в Токио. Это были первые месяцы после аборта, Диана по-прежнему ходила подавленная, и я подумал, что, может быть, это ее утешит. Английский продавца не позволял понять все нюансы, но японская идея вроде бы состоит в том, что когда плод погибает, то душа ребенка возвращается в свое изначальное текучее состояние – он становится «водяным младенцем». Который – если подмешать немного японского буддизма – ждет своего нового воплощения. А до тех пор следует справлять так называемые «мицуко кюо» – обряды и скромные жертвоприношения, которые защищают душу нерожденного ребенка и одновременно его родителей от мести водяного младенца. Про последнее я Диане рассказывать не стал. Поначалу я был доволен – казалось, она в самом деле нашла утешение в этой каменной статуэтке. Но когда ее дзидзо превратилось в навязчивую идею и она захотела поставить фигурку в спальне, я сказал «стоп». Отныне никаких жертвоприношений и

молитв этой статуэтке не будет. Хотя особой жесткости я проявлять не стал. Потому что прекрасно знал, что рискую потерять Диану. А терять ее мне никак нельзя.

Я прошел в кабинет, включил компьютер и отыскал в Сети «Брошь» Эдварда Мунка в хорошем разрешении, картину, называемую также «Ева Мудочки». Триста пятьдесят тысяч на легальном рынке. От силы двести на моем. Пятьдесят процентов продавцу, двадцать тысяч Хикерюду. Восемьдесят тысяч мне. Обычное дело: овчинка, едва стоящая выделки, но зато никакого риска. Картинка черно-белая, 58 на 45 сантиметров. Вполне можно втиснуть в лист формата А2. Восемьдесят тысяч. Не хватит, чтобы расплатиться по кредиту за дом за следующий квартал. Не хватит и близко, чтобы покрыть убытки галереи, что я обещал бухгалтеру сделать в течение ноября. Вдобавок в силу разных причин все дольше приходится ждать, пока на моем горизонте нарисуеться очередная приличная картина. Последняя, «Модель на высоких каблуках» Сёрена Унсагера, была больше трех месяцев тому назад и принесла мне от силы шестьдесят тысяч. Надо, чтобы что-то срочно произошло. Чтобы «Рейнджерс» нечаянно забили победный гол, который – пусть незаслуженно – даст им путевку на Уэмбли. Говорят, такое бывает. Вздохнув, я отправил Еву Мудочки на принтер.

Ожидалось шампанское, так что я заказал такси. Усевшись в машину, я, как обычно, произнес только название галереи, своего рода тест проведенной маркетинговой подготовки. Но – тоже как обычно – таксист лишь вопросительно посмотрел на меня в зеркало.

– Эрлинг-Шальгсонс-гате, – вздохнул я.

Мы с Дианой обсуждали местоположение галереи задолго до того, как она выбрала помещение. Я был убежден, что помещение должно находиться на оси Шиллебекк – Фрогнер, потому что именно там обретаются как платежеспособные покупатели, так и другие галереи определенного уровня. Оказаться вне стаи для новой галереи означало бы преждевременную смерть. Диана же взяла за образец галерею «Серпентайн» в лондонском Гайд-парке и твердо решила, что она должна выходить не на большую деловую улицу вроде Бюгдэй-алле или Гамле-Драмменсвей, а на тихую улочку, где есть пространство для размышлений. Кроме того, уединенное местоположение подчеркнет эксклюзивность, сигнализируя: это – для посвященных, для знатоков.

Я согласился, надеясь, что и арендная плата тоже окажется менее разорительной.

А Диане сказал, что она сможет тогда использовать дополнительный

метраж для гостиной, чтобы устраивать там фуршеты после вернисажей. Она к тому времени уже присмотрела свободное помещение на Эрлинг-Шальгсонс-гате, по всем параметрам превосходное. А имя придумал я: «Галерея Э», по первой букве в адресе – «Эрлинг-Шальгсонс-гате». Такое название, по ассоциации с самой успешной галереей города, «Галереей К», говорило бы, что мы ориентированы на публику состоятельную, понимающую и стильную.

Я не стал приводить еще одного аргумента – ассоциаций, например, со словом «экссклюзив»: Диана не любила подобных дешевых эффектов.

Контракт на аренду был подписан, масштабный ремонт пошел полным ходом, и на горизонте замаячил финансовый крах.

Когда такси остановилось, я заметил, что у тротуара припарковано значительно больше «ягуаров» и «лексусов», чем обычно. Хороший знак, который, впрочем, мог означать и прием в одном из близлежащих посольств либо вечеринку Селины Мидельфарт в ее гэдээровской крепости^[3].

Внутри струилась из динамиков негромкая, с акцентированными басами музыка в стиле «эмбиент» восьмидесятых годов. Дальше пойдут «Гольдберг-вариации» Баха. Я сам записал этот диск для Дианы.

Публика уже наполовину заполнила помещение, хотя времени было всего полдевятого. Тоже хороший знак: обычно завсегдатаи «Галереи Э» появляются не раньше полдесятого. Диана объяснила, что вернисаж прибитком набитом зале – это слишком вульгарно, а полупустой как раз предполагает утонченность. Хотя вообще-то, по моему опыту, чем больше народу, тем больше продается картин.

Кивая направо и налево без какого бы то ни было ответа, я пробирался к переносной барной стойке. Дианин постоянный бармен Ник протянул мне бокал с шампанским.

– Дорогое? – спросил я, ощущая на языке горечь пузырьков.

– Шестьсот, – ответил Ник.

– Придется продать хоть часть картин, – сказал я. – Художник-то кто?

– Атле Нёрум.

– Я знаю, Ник, как его зовут, но не знаю, как он выглядит.

– Вон там. – Ник мотнул вправо своей большой, черной, как эбеновое дерево, головой. – Рядом с вашей женой.

Я успел заметить только, что художник – плотный бородатый коротышка. Потому что там стояла она.

В белых кожаных брюках, обтягивающих длинные стройные ноги, она казалась еще выше, чем на самом деле. Прямые волосы по обе стороны

прямой челки, и эта прямоугольная рамка усиливала ощущение японского комикса. Свободного покроя белоснежная шелковая блузка в лучах подсветки отдавала в синеву, подчеркивая узкие крепкие плечи и груди совершенной формы – точно две безупречные волны. Боже, как пошли бы сюда те бриллиантовые серьги!

Мой взгляд, неохотно отпустив ее, скользнул дальше. Публика стояла и вежливо беседовала возле картин. Обычный контингент. Богатые, хорошо пахнущие финансисты (костюм с галстуком) и звезды средней величины (костюм с дизайнерской футболкой). Женщины (дизайнерские платья) были актрисами, писательницами или политиками. Также, разумеется, имелся букет молодых, так называемых перспективных и, вероятно, неимущих художников-нонконформистов (рваные джинсы и футболки с надписями), которых я в душе именовал «Куинс парк рейнджерс». Поначалу я морщил нос при виде их в списке, но Диана убедила меня, что нам нужно и что-то «пикантное», что-то более живое и опасное, чем меценаты, расчетливые инвесторы и те, кто ходит сюда в порядке заботы о собственном культурном имидже. Классно, конечно, только я-то знал, что эти субчики явились сюда, потому что выкляли у Дианы приглашение. И потому что Диана сама понимала – они тут ради того, чтобы найти покупателей для себя самих, все ведь знают, что она не может отказать, когда ее просят о помощи. Я заметил, что многие – большей частью мужчины – то и дело поглядывают исподтишка в сторону Дианы. Ничего, обойдутся. Такой прекрасной женщины им не заполучить никогда в жизни. И это не допущение, а бесспорный, неопровержимый факт, вытекающий из того, что она – прекраснейшая. И моя. Насколько последнее бесспорно – этой мыслью я старался себя не грузить. Просто напоминал себе, что до сих пор Диана по-прежнему все так же слепа.

Я пересчитал мужчин в галстуках. Так выглядят возможные покупатели. Квадратный метр Нёрума нынче стоит около пятидесяти тысяч. Пятьдесят процентов комиссионных идет галерее, так что можно продать не слишком много и уже окупить сегодняшний вечер. Вернее, нужно продать хоть что-то, потому что с продажи первого Нёрума прошло уже прилично.

Теперь публика устремилась к дверям, и мне пришлось отойти чуть в сторону, чтобы пропустить остальных к подносу с шампанским.

Я побрел к моей жене и Нёруму, чтобы сообщить ему, как я перед ним преклоняюсь. Преувеличение, конечно, но не то чтобы полное вранье – парень несомненно хорош. Однако, прежде чем я протянул ему руку, художник был атакован неким брызжущим слюной малым, явно давним

знакомцем, и утащен прочь к какой-то женщине, виновато улыбающейся, точно ей приспичило по-маленькому.

– Хорошо выглядишь, – сказал я и встал рядом с Дианой.

– Привет, любимый.

Она улыбнулась мне сверху вниз и одновременно махнула рукой девушкам-близнецам, чтобы те прошли еще один круг с фуршетными закусками. Суши – это уже вчерашний день, и я предложил нового поставщика – «Алжери», североафриканская кухня с французским уклоном, весьма жгучая. Во всех смыслах. Но увидел, что Диана снова заказала все в «Багатели». Тоже вкусно, конечно. И в три раза дороже.

– Хорошие новости, милый, – сказала она, просовывая руку мне под локоть. – Помнишь, ты рассказывал про должность на той фирме в «Хортене»?

– «Патфайндер», да. Ну и что там?

– Я нашла для них отличного кандидата.

Я глянул на нее, слегка опешив. Как охотник за головами, я время от времени, разумеется, использовал Дианину клиентскую базу и ее круг общения, включавший немало значимых в экономике фигур. Причем без особых угрызений – ведь это я финансировал всю эту прорву. Необычным было то, что Диана сама предложила конкретного кандидата на конкретное место.

Она взяла меня под руку, наклонилась и шепнула:

– Его зовут Клас Гreve. Отец голландец, мать норвежка. Или наоборот. В общем, он три месяца назад уволился и только что перебрался в Норвегию, получил дом в наследство и теперь им занимается. У себя в Роттердаме был топ-менеджером в одной из крупнейших европейских фирм по GPS-технологиям. И совладельцем, пока весной их не купили американцы.

– В Роттердаме, – повторил я, отпив шампанского. – А как фирма называется?

– «ХОТЕ».

Я поперхнулся шампанским.

– «ХОТЕ»? Ты уверена?

– Вполне.

– И его сиятельство был там топ-менеджером? Прямо самым-самым топом?

– Гreve – это фамилия, я не думаю, что он...

– Ну да, ну да, а его номер у тебя есть?

– Нет.

Я застонал. «ХОТЕ». Именно эту фирму в «Патфайндере» мне назвали как образец. «ХОТЕ», в точности как теперь «Патфайндер», было маленьким высокотехнологичным предприятием, поставлявшим GPS-технологии европейской оборонной промышленности. И бывший глава этой фирмы – просто самое оно. Надо спешить. Все фирмы по подбору персонала утверждают, что выполняют заказы исключительно в своей узкой, эксклюзивной сфере, только так можно работать серьезно и систематично. Но ради такой большой оранжевой морковки – процентов с номинальной годовой зарплаты, приближающейся к семизначному числу, – принципами можно и поступиться. А должность управляющего директора «Патфайндера» – это очень большая, оранжевая и востребованная морковка. Заявки были размещены в трех агентствах – «Альфа», «ИСКО» и «Корн/Ферри интернешнл». В трех самых лучших. Поэтому дело не только в деньгах. Когда мы работаем по системе «без спасения нет вознаграждения», то берем предварительный платеж на покрытие издержек, потом следующую выплату, если предложенный нами кандидат соответствует требованиям, о которых мы условились с заказчиком. А основную, реальную сумму – только когда заказчик принимает на работу того, кого мы порекомендовали. Жирно, конечно, но речь-то реально – реально! – идет о простой вещи: выиграть. Быть царем горы. Встать на платформу.

Я прислонился к Дианиному плечу:

– Послушай, дорогая, это важно. Нет идей, как мне вообще с ним связаться?

Она улыбнулась:

– Ты такой милый, когда тебе не терпится!

– Ты знаешь, где...

– Естественно.

– Где, где?

– Вон стоит. – Она показала рукой.

Напротив одной из весьма экспрессивных картин Нёрума – истекающий кровью мужчина в садомазохистском кожаном шлеме – маячил некто худощавый, прямой и в костюме. В лысом загорелом черепе отражался свет прожекторов. Взбухшие, узловатые жилы на виске. Костюм явно сшит на заказ. На Сэвил-роу, как я понял. Рубашка без галстука.

– Позвать его, любимый?

Я кивнул и посмотрел ей вслед. Приготовился. Заметил его благосклонный кивок, когда Диана обратилась к нему и указала в мою сторону. Они подошли ко мне. Я улыбнулся, но не слишком широко,

протянул руку чуть раньше, чем он приблизился, – но не слишком рано. Повернулся к нему всем корпусом, глаза в глаза. Семьдесят восемь процентов.

– Роджер Браун, очень приятно, – свое имя я произнес на английский манер.

– Клас Гreve, мне также очень приятно, с моей стороны.

Если не считать этой по-иностранному витиеватой вежливой конструкции, его норвежский был почти безупречен. Рука сухая, горячая, рукопожатие твердое, но в меру, длительность – положенные три секунды. Взгляд спокойный, любопытный, бодрый, непринужденная, дружелюбная улыбка. Единственное, что меня смутило, – он оказался не таким высоким, как я рассчитывал. От силы метр семьдесят – некоторое разочарование, если вспомнить о лидерстве голландцев в антропометрическом отношении: средний рост мужчины – 183,4 см.

Прозвучал гитарный аккорд. Точнее, G11sus4, с которого начинается «A Hard Day's Night» из одноименного альбома «Битлз» 1964 года. Я знал это, потому что сам закачал его в качестве рингтона Диане на ее мобильник от «Прада». Она поднесла тонкую, элегантную вещь к уху и, кивнув с извиняющимся видом, отвернулась.

– Я слышал, господин Гreve перебрался к нам сюда совсем недавно?

Я сам почувствовал, как это прозвучало – репликой из этакой старомодной радиопьесы, но назначение вступительной фразы – подстроиться под собеседника и продемонстрировать собственный низкий статус. А уж преображение себя ждать не заставит.

– Я получил в наследство от бабушки квартиру, на Оскарс-гате. Она два года пустовала и нуждается в ремонте.

– Вот как!

Я, улыбаясь, поднял обе брови – выражение интереса, но без назойливости. Только чтобы дать ему возможность, следуя социальным кодам, ответить чуть более развернуто.

– Да, – сказал Гreve. – Приятно сделать перерыв после многих лет напряженной работы.

Теперь ничто не мешало перейти прямо к делу:

– В «ХОТЕ», насколько я понимаю?

Он глянул на меня в легком изумлении:

– Вы знаете эту фирму?

– У фирмы по подбору персонала, в которой я работаю, среди заказчиков есть их конкурент, «Патфайндер». Знаете их?

– Более-менее. Работает на «Хортен», если не путаю. Маленькие, да

удаленькие, не так ли?

– Даже подросли немножко за те месяцы, пока вас не было в этой отрасли.

– В GPS с этим быстро, – сказал Гreve, вертя в руке бокал с шампанским. – Все нацелены на экспансию, наш девиз – вырасти или умри.

– Это я заметил. Видимо, поэтому «ХОТЕ» и продали?

Улыбка Гreve выразилась только в тонкой сеточке морщин на выдубленной коричневой коже вокруг светло-голубых глаз.

– Самый быстрый способ вырасти – это, как известно, продаться крупной фирме. Эксперты считают, что тем, кто не вошел в один из пяти крупнейших GPS-холдингов, жить осталось года два.

– Но вы с этим, как я понял, не согласны?

– Я считаю, что для выживания главное – инновации и гибкость. И пока есть достаточное финансирование, маленькая, но маневренная единица – это лучше, чем большая. Признаюсь, что если бы даже я сам разбогател от продажи «ХОТЕ», то все равно выступил бы против ее продажи и уволился бы сразу после нее. – И снова эта мгновенная улыбка смягчила его жесткое, но холеное лицо. – Хотя, наверное, это просто у меня такая партизанская натура. Тебе не кажется?

«Тебе». Хороший знак.

– Я знаю только, что «Патфайндер» ищет управляющего директора, – сказал я и сделал знак Нику, чтобы принес нам еще шампанского. – Такого, который смог бы противостоять иностранным попыткам их купить.

– Даже так?

– А у меня создалось впечатление, что ты мог бы оказаться для них очень привлекательным кандидатом. Правда, интересно?

Гreve рассмеялся. Это был приятный смех.

– Очень жаль, Роджер, но мне надо квартирой заниматься.

По имени назвал.

– Я не о самой работе, Клас. А о том, что просто интересно об этом поговорить.

– Ты не видел эту квартиру, Роджер. Она старая. И огромная. Вчера я обнаружил новую комнату, за кухней.

Я взглянул на него. Это не только заслуга Сэвил-роу, что костюм так хорошо на нем сидит. Это еще и отличная физическая форма. Внутренняя форма, я бы сказал. Не бугрящиеся накачанные мышцы, а сухая, жилистая сила, едва выдающаяся себя в сосудах на шее и затылке, в осанке, в медленном дыхании, в голубом кислородном голоде артерий на тыльной

стороне кистей. Впрочем, и о твердости мышц под тканью костюма вполне можно было догадаться. Упертый, подумал я. Беспощадно упертый. Я уже решил для себя: я хочу заполучить эту голову.

– Искусство любишь, Клас? – спросил я, протягивая ему один из бокалов, с которыми вернулся Ник.

– Да. И нет. Я люблю такое искусство, которое показывает. Но то, что я вижу, – это чаще всего заявка на красоту и истину, которых нет. Возможно, на уровне замысла они имеются, но нет коммуникативного таланта это передать. А там, где я не могу увидеть красоты или истины, там для меня их и нет, вот и все. Художник, утверждающий, будто он не понят, почти всегда плохой художник, и вот это, к его несчастью, многим как раз понятно.

– Тут мы сходимся, – сказал я и поднял бокал.

– Я извиняю большинству недостаток таланта, видимо потому, что мне самому его не так много досталось, – сказал Гreve и едва смочил шампанским тонкие губы. – Но не художникам. Мы, бесталанные, работаем в поте лица своего и платим за то, чтобы они могли резвиться вместо нас. Это честно, и так должно быть. Но пусть тогда хоть резвятся хорошо.

Я уже понял и знал то, что результаты тестов и углубленного собеседования только подтвердят. Это тот, кто нужен. Имей «ИСКО» или «Меркьюри арвал» два года на поиски, им бы все равно не найти лучшего кандидата.

– Знаешь что, Клас? Нам надо потолковать. Диана мне как раз это предложила. – Я протянул ему свою визитную карточку. Без адреса, факса или веб-страницы, только имя, мобильный номер и «Альфа» в уголке крохотными буквами.

– Я ведь уже сказал... – начал Гreve и взглянул на мою карточку.

– Слушай, – перебил я. – Человек не знает, что для него благо, как говорит Диана. Я не знаю, о чем мы с тобой потолкуем – давай об искусстве. Или о будущем. Или о ремонте домов – у меня есть, кстати, парочка мастеров на примете, лучшие в Осло и берут умеренно. Но потолковать нам надо. Как насчет завтра, в три?

Гreve мгновение смотрел на меня, улыбаясь. Потом погладил подбородок тонкими пальцами.

– По-моему, изначальная идея визитных карточек – снабдить получателя информацией, нужной для нанесения визитов.

Я достал конклиновскую авторучку, написал офисный адрес на обороте визитки и проследил, как она скрылась в пиджачном кармане

Греве.

– Надеюсь, мы потолкуем с тобой, Роджер, но теперь мне пора домой – набраться сил, чтобы ругаться с моими столярами по-польски. Мой привет твоей очаровательной жене.

Греве четко, по-военному, откланялся, повернулся на каблуках и направился к двери.

Я все еще смотрел ему вслед, когда подошла Диана:

– Ну как, любимый?

– Роскошный экземпляр. Взгляни хотя бы на походку. Хищник семейства кошачьих. Превосходно!

– Ты хочешь сказать...

– Он ухитрился даже притвориться, что эта работа его не интересует. Господи, я должен добыть эту голову, я сделаю из нее чучело с подкрашенными зубами и повешу на стенку.

Диана радостно всплеснула руками, как маленькая:

– Значит, я помогла? Что, правда помогла?

Потянувшись, я обнял ее за плечи.

Зал был уже вульгарно, великолепно набит до отказа.

– Теперь ты дипломированная охотница за головами, мой цветочек. Как с продажами?

– Мы сегодня не продаем. Я разве не говорила?

Какое-то мгновение я надеялся, что ослышался.

– Это что, просто... выставка?

– Атле не хочет расставаться с картинами. – Извиняющаяся улыбка. – Я его понимаю. Тебе ведь тоже было бы жалко лишиться такой красоты?

Я закрыл глаза и сглотнул. Ладно, мягкость против мягкости.

– Думаешь, это было глупо, Роджер? – услышал я огорченный Дианин голос и собственный ответ:

– Да нет.

А потом ощутил ее губы на щеке.

– Любимый, какой же ты милый! А продать мы сможем и позднее. Это создает нам имидж и делает эксклюзивными. Ты же сам говоришь, как это важно.

Я выдавил улыбку:

– Конечно, любимая. Эксклюзивность – это прекрасно.

Она просияла:

– А знаешь что? На фуршет я позвала диджея. Из клуба «Бло», где исполняют соул семидесятых, ты сам говорил, они лучшие в городе...

Она всплеснула руками, и я почувствовал, как моя улыбка отклеилась

от губ, упала на пол и разбилась. Но у моего отражения в Дианином бокале с шампанским она по-прежнему была на месте. Снова прозвучал аккорд G11sus4 Джона Леннона, и Диана полезла за телефоном в карман брюк. Я рассматривал ее, пока она, щебеча, спроваживала каких-то незваных, норовивших пролезть без приглашения.

– Конечно приходите, Миа! Нет, только обязательно возьмите малышку. Подгузники можно менять у меня в кабинете. Конечно, детский крик – это очень кстати, он так оживляет! Только ты мне обязательно дай ее поддержать, обещаешь?

Боже, как я люблю эту женщину.

Мой взгляд снова скользнул на собравшуюся публику. И застрял на маленьком бледном личике. Это могла быть она. Лотте. Те же печальные глаза, которые я впервые увидел именно тут. Это была не она. Закрытая глава. Но образ Лотте преследовал меня всю оставшуюся часть вечера, словно бездомная собака.

4. Конфискация

– Опаздываешь, – сказал Фердинанд, когда я вошел в офис. – И с бодуна.

– Ноги со стола, – сказал я, обошел вокруг письменного стола, включил компьютер и, дернув шнур, опустил жалюзи.

Теперь свет уже не бил в глаза, и я снял темные очки.

– Следует это понимать так, что вернисаж удался? – занял Фердинанд таким голосом, который точно бил в болевую точку у меня в мозгу.

– Были танцы на столах, – ответил я и глянул на часы.

Полдесятого.

– Ну почему самые лучшие праздники вечно те, куда ты не попал? – вздохнул Фердинанд. – Кто-нибудь из известных людей там был?

– Из известных тебе?

– Из знаменитостей, дурачок! – И взмах рукой с вывертом кисти.

Меня уже перестало раздражать его упорное стремление все время выглядеть как на эстраде.

– Кое-кто был, – сказал я.

– Ари Бен?^[4]

– Нет. Ты ведь будешь тут на встрече Ландера с заказчиком в двенадцать часов?

– Ну да. А Ханк фон Хельвете^[5] был? Вендела Кирсебом?^[6]

– Выйди, мне работать надо.

Фердинанд сделал обиженное лицо, но подчинился.

Когда дверь за ним захлопнулась, я забил в Google Класа Гревел. И несколько минут спустя уже знал, что он шесть лет был главой и совладельцем «ХОТЕ» до самой продажи компании, был мужем бельгийской фотомодели и в 1985 году стал чемпионом Нидерландов по военному пятиборью. Меня удивило, что, кроме этого, не нашлось ничего. Ладно, в три часа мы применим мягкую версию метода Инбау, Рейда и Бакли, и тогда я узнаю все, что мне нужно.

А до этого надо повернуть одно дельце. Небольшую конфискацию. Я откинулся назад, закрыл глаза. Азарт люблю, но ожидание ненавижу. Сердце уже билось чуть быстрее нормы. Мелькнула мысль: было бы из-за чего ему биться. Восемьдесят тысяч. Не так много, как кажется. В моем кармане эта сумма гораздо меньше, чем доля Уве Хикерюда в его. Бывало, я начинал завидовать его простой жизни, его одиночеству. Это было первое, в

чем я удостоверился, когда проводил с ним собеседование при приеме на должность начальника охранного агентства, – что вокруг него не будет лишних ушей. Как я догадался, что он – мой кадр? Во-первых, его оборонительно-агрессивная манера держаться. Во-вторых, то, как он парировал мои вопросы – так, словно в совершенстве владел допросной техникой.

Поэтому я почти изумился, когда потом, пробив его по базам, не нашел за ним никакого уголовного прошлого. Тогда я позвонил одной знакомой, которая получает у нас деньги по неофициальной ведомости. По роду службы она имеет доступ к полицейскому «архиву перевоспитанных», куда заносятся сведения обо всех осужденных по их выходе на свободу и – несмотря на название – никогда из этого архива не удаляются. И то, что она смогла сообщить мне, свидетельствовало, что я все-таки не ошибся: Уве Хикерюд прошел столько полицейских допросов, что имел возможность изучить девятишаговую систему вдоль и поперек. Хикерюд, впрочем, ни разу ни за что не был осужден. Это говорит о том, что парень совсем не идиот, а просто страдает тяжелой дислексией.

Роста Хикерюд был невысокого, с темными и густыми, как у меня, волосами. Я велел ему подстричься, раз он собирается руководить охранным агентством, – пришлось объяснить, что никто не почувствует доверия к субчику с внешностью гастрольного менеджера списанной в архив хард-рок-группы. Но что я мог поделать с зубами, коричневыми от шведского снюса? Или с лицом, длинным, как лопасть весла, и выступающей нижней челюстью, так что казалось, весь комплект перепачканных снюсом зубов вот-вот выскочит наружу и схватит что-нибудь на лету, как у той жуткой твари из фильмов про Чужого? Но естественно, не стоит требовать слишком многого от человека столь скромных амбиций, как Хикерюд. Он был ленив. Но хотел разбогатеть. Точно таким же образом и другие желания Уве Хикерюда пребывали в конфликте с особенностями его личности: он был уголовник и склонный к насилию коллекционер оружия, но желал жить в мире и терпимости. Он мечтал, прямо-таки молил о дружбе, но люди, словно чуя неладное, предпочитали держаться от него подальше. И он был искренним, неизлечимым, разочарованным романтиком, который искал любви проститутки. В свое время он безнадежно влюбился в одну русскую работающую шлюху по имени Наташа и не мог ей изменить, хотя та – насколько я выяснил – не питала к нему ни малейшего интереса.

Уве Хикерюд был дрейфующей плавучей миной, без якоря, без собственной воли или иной движущей силы, из тех, кто плывет по течению

навстречу неизбежной катастрофе. Существом, спасти которое может лишь другой человек, который заарканит его и придаст его жизни направление и смысл. Человек вроде меня. Который сможет пристроить общительного, трудолюбивого юношу с чистой биографией на работу начальником охранного агентства. Все остальное несложно.

Я выключил компьютер и вышел.

– Буду через час, Ида.

Уже на лестнице почувствовал: я сказал что-то не то. Все-таки Ода она, точно.

В двенадцать часов я вырулил на парковку перед супермаркетом «Рими», который, согласно моему GPS-навигатору, находился ровно в трехстах метрах от места жительства Ландера. Навигатор был подарком от «Патфайндеров», думаю, чем-то вроде утешительного приза на случай, если нам не удастся отбить для них у конкурентов нового директора. Они же коротко объяснили, что, собственно, представляет собой GPS, сиречь спутниковые системы навигации, и рассказали, как сеть из двадцати четырех спутников на земной орбите при помощи радиосигналов и атомных часов определяет местоположение тебя самого и твоего GPS-передатчика на планете с точностью до трех метров. Если сигнал поймают четыре спутника или больше, то можно определить даже высоту – сидишь ты на пригорке или, скажем, на дереве. Вся система выросла – как и Интернет – из американских оборонных разработок и предназначалась – как и Интернет, – в частности, для управления ракетами «Томагавк», бомбами «Пейв Лоу» и прочей падалицей, с тем чтобы она по возможности валилась на те головы, на которые нужно. Кроме того, «Патфайндеры» дали мне понять, что разработали передатчик с доступом к GPS-станциям наземного базирования, о которых никто не знает. Эта сеть работает в любую погоду, а передатчик преодолевает даже толстые стены. Председатель правления «Патфайндера» рассказал мне, что для того, чтобы система GPS могла действовать, надо было заложить в нее еще и решение некой математической задачи: земная секунда не равна секунде на спутнике, летящем сквозь космическое пространство, время искривляется, и человек там стареет медленнее. Спутники просто-напросто подтвердили эйнштейновскую теорию относительности.

Мой «вольво» встал в строй автомобилей той же ценовой категории, и я выключил зажигание. Никто и не вспомнит эту машину. Я вышел, держа в руках черную папку, и направился вверх по холму к дому Ландера. Пиджак остался в машине, я натянул на себя синий комбинезон без каких бы то ни

было надписей и логотипов. Капюшон скрыл волосы, а темные очки никого не насторожат – стоял один из тех ослепительных осенних дней, которыми природа так щедро одаривает Осло. Тем не менее я опустил взгляд при встрече с одной из молодых филиппинок, что в этом районе катают в колясках детей господствующего класса. Впрочем, на том отрезке улицы, где жил Ландер, не было ни души. Солнце отражалось в панорамных окнах. Я взглянул на свои наручные «Breitling Airwolf», подаренные мне Дианой на тридцатипятилетие. Шесть минут первого. Уже шесть минут как сигнализация в доме Иеремиаса Ландера отключена. Сделано это было совершенно секретно на одном из компьютеров на пульте охранного агентства – через «черный ход» в программе, благодаря которому перерыв не регистрируется в журнале сбоев и отключений питания. Благословен тот день, когда я нашел для «Триполиса» начальника охраны.

Я подошел к входной двери, прислушиваясь к голосам птиц, а также собак. Судя по ответам Ландера на собеседовании, у него нет ни домработницы, ни сидящей дома жены, ни взрослых детей, ни собаки. Но стопроцентной гарантии не бывает. Я обычно исхожу из девяноста девяти с половиной – полпроцента на выработку адреналина, чтобы лучше слышать, видеть и обонять.

Я вытащил ключ, полученный от Уве в «Суши & Кофе», – запасной, который все клиенты обязаны оставлять в «Триполисе» на случай вторжения в дом посторонних, пожара или сбоя системы в отсутствие хозяев. Ключ вошел в замок и повернулся с мягким масляным звуком.

И вот я внутри. Замаскированная сигнализация на стене спала, смежив пластмассовые вежды. Я надел перчатки и приклеил их скотчем к рукавам комбинезона, чтобы ни один волосок не упал на пол. Натянул купальную шапочку под капюшоном. Нельзя оставить никаких следов своей ДНК. Уве спросил как-то, почему бы и мне тоже не обриться наголо. Я даже не пытался объяснить ему, что, кроме Дианы, мои волосы – это последнее, с чем я могу расстаться.

Хоть времени у меня имелось достаточно, я не стал задерживаться в коридоре. На стене над лестницей, ведущей в гостиную, висели портреты, предположительно детей Ландера. Я не понимаю, что заставляет взрослых людей тратить деньги на то, чтобы продажные живописцы изображали их любимых в жалостном виде плачущих младенцев. Нравится им, что ли, когда гости краснеют? Гостиная была обставлена дорого, но скучно. Не считая ядовито-красного кресла от Пеше, похожего на роженицу, раскоряченную и с набухшей грудью, и того же цвета большого мяча, на который удобно класть ноги. Вряд ли выбор Иеремиаса Ландера.

Картина висела над креслом. «Ева Мудочки», британская скрипачка, с которой Мунк познакомился в самом начале прошлого столетия и которую нарисовал сразу на литографском камне. Я видел оттиски и раньше, но только теперь, при этом освещении, понял, кого напоминает Ева Мудочки. Лотте. Лотте Мадсен. У лица на картине та же бледность и та же печаль во взгляде, как у женщины, которую я решительно вычеркнул из своей памяти.

Я снял картину и положил на стол задней стороной кверху. Я использовал нож «Стенли» с выдвижным лезвием. Литография напечатана на бежевой бумаге, а рамка современная, то есть без штифтов и гвоздиков, которые пришлось бы вынимать. Короче, работа – делать нечего. И вдруг ни с того ни с сего тишина взорвалась. Сирена. Настырный пульсирующий звук в диапазоне от тысячи до восьми тысяч герц, прорезающий воздух и фоновые шумы, так что его слышно за многие сотни метров. Я замер. Прошли какие-то секунды, и автомобильная сигнализация на улице умолкла. Видимо, просто неосторожность владельца машины.

Я продолжил работу. Открыл папку, убрал в нее литографию и достал листок А-2 с фрекен Мудочки, распечатанный мной на домашнем принтере. За четыре минуты он был вставлен в рамку и повешен на стену. Склонив голову набок, я взглянул на него. Иной раз недели проходят, пока жертва обнаружит самую незатейливую подделку. Весной я подменил полотно Кнута Русе «Лошадь и маленькая всадница» картинкой, которую отсканировал из альбома по истории искусства и увеличил. Прошло четыре недели, прежде чем поступило заявление о краже. Фрекен Мудочки тоже, надо думать, разоблачат по причине белизны странички А-2, но не сразу. А тогда уже будет невозможно определить время кражи, а в доме успеют несколько раз прибраться, так что никакой ДНК не останется и в помине. Уж я-то знаю, как они ищут эту ДНК. В прошлом году, когда мы с Хикерюдом провели четыре взлома меньше чем за четыре месяца, этот СМИ-озабоченный жираф со светлым чубчиком, этот пижон – старший инспектор полиции Бреде Сперре – появился в редакции газеты «Афтенпостен» и заявил, что в Осло орудует банда профессиональных похитителей предметов искусства. И так как речь идет об объектах столь высокой ценности, Отдел ограблений намерен – дабы задушить это дело в зародыше – использовать методы, применявшиеся до сих пор лишь в расследовании убийств и серьезных преступлений, связанных с наркотиками. Жители Осло могут не сомневаться, сказал Сперре и, тряхнув пацанским чубчиком, уставил в объектив твердый взгляд серо-стальных глаз, пока фотограф щелкал аппаратом. Он, естественно, не сказал

главного – что на них поднажали как следует обитатели вилл, зажиточные, политически влиятельные люди, желающие защитить себя и свое имущество. И я, надо признаться, вздрогнул, когда Диана еще раньше, прошлой осенью, рассказала, что тот отважный полицейский из газеты приходил к ней в галерею, он хотел знать, не расспрашивал ли ее кто-нибудь о покупателях, о том, у кого какие произведения хранятся дома. Потому что похитители, похоже, прекрасно знают, где какая картина висит. Когда Диана спросила, что значит эта морщинка у меня на лбу, я криво ухмыльнулся и ответил, что мне совсем не по душе, что у меня под боком объявился соперник. К моему изумлению, Диана покраснела, прежде чем улыбнуться.

Я вернулся к входным дверям, аккуратно снял купальную шапочку и перчатки и аккуратно протер дверную ручку с обеих сторон, прежде чем закрыть за собой дверь. Улица лежала такая же по-утреннему тихая и по-осеннему сухая до хруста в невозмутимом солнечном свете.

По пути к машине я взглянул на часы. Двенадцать четырнадцать. Это рекорд. Пульс был частый, но он повиновался мне. Через сорок шесть минут Уве снова активирует систему наблюдения у себя на пульте. И примерно в то же время, по моим расчетам, Иеремиас Ландер поднимется с кресла в одной из наших комнат для собеседований, пожмет руку председателю правления и еще раз выразит свои сожаления, а затем покинет наш офис и таким образом выйдет из зоны моего контроля. Но не из моего стойла. Фердинанд – в соответствии с моей инструкцией – должен будет объяснить заказчику: он очень сожалеет, что вышел облом, но если они в дальнейшем не хотят, чтобы такая рыба, как Ландер, сорвалась с крючка, то пусть будут готовы поднять предложение по зарплате процентов на двадцать. А лучше на треть.

И это только начало. Через два часа и сорок шесть минут я выйду на крупную дичь. На графскую охоту. Мне недоплачивают – ну так что же? В гробу я видал и Стокгольм, и старшего инспектора Бреде Сперре: я – царь горы.

Я шел и насвистывал. И листья шуршали у меня под ногами.

5. Признание

Как уже говорилось, американские следователи Инбау, Рейд и Бакли, издав в 1962 году книжку «Criminal Interrogation and Confessions»^[7], заложили основы того, что затем стало господствующей техникой ведения допросов в западном мире. Разумеется, на самом деле эта техника стала господствующей гораздо раньше, Инбау, Рейд и Бакли в своей методике девяти шагов только обобщили столетний опыт получения признаний от подозреваемых, накопленный в ФБР. Метод показал свою неслыханную эффективность как на виновных, так и на невиновных. После того как анализы ДНК сделали возможным дополнительную проверку, обнаружили сотни невинно осужденных только в США. Примерно четверть этих несправедливых приговоров основывалась на признаниях, полученных девятишаговым методом. Что само по себе кое-что говорит об этом потрясающем инструменте.

Моя цель – заставить кандидата признаться, что его равнодушие к предложенной работе – это блеф. Если он пройдет все девять шагов и так и не признается, то будут основания считать, что кандидат в самом деле считает себя весьма квалифицированным. А я собираю именно таких. Я по-прежнему говорю «он», поскольку методика девяти шагов ориентирована в первую очередь на мужчин. Мой немалый опыт свидетельствует, что женщины редко ищут работу, для которой они не имели бы достаточной – или даже избыточной – квалификации. Ложные признания чаще случаются тоже, естественно, у мужчин, но тут ничего страшного. Они все-таки не в кутузку попадают, а просто теряют шанс занять руководящую должность, для которой способность выдержать стресс – это именно то качество, которое мы ищем.

Я использую Инбау, Рейда и Баклера без особых угрызений совести. Это как скальпель рядом с хилерами, траволечением и пустопорожним трепом психоаналитиков.

Шаг первый – прямая конфронтация, и многие колются уже на этом этапе. Ты ясно даешь понять кандидату, что знаешь все, что ты сидишь на кипе доказательств его недостаточной квалификации.

– Возможно, я слишком погорячился, выказав интерес к вашей кандидатуре, Гreve, – сказал я и откинулся на спинку кресла. – Я кое-что проверил, и оказалось, что акционеры «ХОТЕ» считают, что вы как директор не оправдали их ожиданий. Вы проявили слабость, отсутствие

киллерского инстинкта, и то, что компанию поглотили, – ваша вина. «Патфайндер» как раз и боится такого же поглощения, поэтому, сами видите, вас трудно рассматривать в качестве серьезного кандидата. Но... – я, улыбаясь, поднял чашечку с кофе, – давайте лучше попьем хорошего кофе и потолкуем о других вещах. Как там ремонт?

Клас Гreve сидел по другую сторону от кофейного столика, фальшивого Ногучи, выпрямившись и глядя мне в глаза. Он улыбался.

– Три с половиной миллиона, – сказал он. – Плюс, естественно, опцион на акции.

– Чего-чего?

– Если правление «Патфайндера» боится, что опцион способен мотивировать меня заниматься предприятием в интересах возможного перекупщика, то можешь успокоить их: мы внесем в договор условие, по которому право опциона утрачивает силу в случае поглощения компании. И чтоб никакого «парашюта». К тому же у меня и правления общий стимул. Построить мощное предприятие, которое нельзя поглотить, которое поглощает само. Цена опциона рассчитывается по Блэку-Шоулзу и добавляется к зарплате после того, как ты получишь от нее свою третью часть.

Я улыбнулся дружески, как только мог.

– Боюсь, все не так просто, как вам теперь кажется, Гreve. Тут много всяких моментов. Вспомните: вы иностранец, а норвежские предприятия предпочитают соотечественников, которые...

– А вчера ты прямо слюнями исходил у своей жены в галерее. И правильно делал. После твоего предложения я поставил себя на ваше с «Патфайндером» место. И скоро понял, что, хоть я и гражданин Нидерландов, им будет непросто подобрать более подходящего кандидата, чем я. Но за двенадцать часов многое передумаешь. Например, что заниматься ремонтом в длительной перспективе может оказаться не очень интересно. – Клас Гreve сложил коричневые дубленые ладони. – Я просто очень вовремя вошел в зал. «Патфайндер», наверное, не самая классная фирма, я мог бы найти и покруче, но у них есть потенциал, и человек, способный предвидеть будущее и располагающий доверием правления, сумел бы выстроить на ее основе что-то и правда интересное. В то же время не факт, что я и правление видим будущее одинаково, так что твое дело – свести нас вместе как можно скорее, чтобы выяснить, есть ли смысл продолжить знакомство.

– Слушайте, Гreve...

– Не сомневаюсь, что твои методы на многих действуют, Роджер, но

передо мной разыгрывать спектакль не имеет смысла. И давай снова на «ты». Мы же собирались просто приятно поболтать, правда?

И он поднял кофейную чашку, словно для тоста. Я ухватился за возможность тайм-аута и поднял свою чашку в ответ.

– Ты, похоже, нервничаешь, Роджер. У вас, видимо, есть конкуренты на этот заказ?

У моей гортани есть свойство – рефлекторно реагировать кашлем на изумление. Пришлось заставить себя сглотнуть, чтобы не выкашлять кофе на «раздевающуюся Сару».

– Вижу, Роджер, туго тебе придется, – улыбнулся Гreve и наклонился ближе ко мне.

Я чувствовал тепло его тела и слабый запах, ассоциирующийся с кедром, юфтью и цитрусом. «Декларасьон» от Картье? Или что-то этого же ценового диапазона.

– Я ничуть не обижен, Роджер. Ты профи, я тоже. Ты просто хочешь сделать для заказчика хорошую работу, как-никак это же они тебе платят. И чем привлекательней кандидат, тем важнее прощупать его как следует. Предположение, что акционеры «ХОТЕ» были мной недовольны, само по себе неглупое, но на твоём месте я привел бы какие-нибудь доказательства.

Я не верил собственным ушам. Мой шаг номер один он просто швырнул мне в морду, заявив, что я разоблачен и что не нужно спектаклей. А теперь перешел к шагу номер два, который у Инбау, Рейда и Бакли называется «выказать симпатию к подозреваемому, чтобы ввести беседу в нормальное русло». А самое невероятное, что внутри у меня – притом что я ведь в точности знал, что делает Гreve, – нарастало то самое чувство, о котором я столько читал: потребность подозреваемого раскрыть свои карты. Я едва не рассмеялся.

– Не понимаю, Клас, о чем ты.

Как бы я ни хотел казаться непринужденным, я слышал в своем голосе металлические нотки и чувствовал, как мои мысли вязнут в сиропе. Я не успел мобилизоваться и перейти в контрнаступление, как услышал следующий вопрос:

– Деньги для меня – это не мотивация, Роджер. Но если хочешь, давай попробуем поднять мне оклад. Третью от большего...

...тоже больше. Теперь это он вел допрос и перешел от шага номер два сразу к номеру седьмому: предложить альтернативу. В данном случае – предложить подозреваемому альтернативную мотивацию для признания. Превосходно сработано. Он мог бы, конечно, затронуть еще и мою семью, сказав что-нибудь насчет того, как гордились бы мои покойные родители

или моя жена, узнав, как я продавил повышение оклада и соответственно собственные комиссионные. Но Клас Гreve понимал, что это будет чересчур, он, разумеется, знал все. Поэтому я просто признал его победителем.

– О'кей, Клас, – услышал я собственный голос. – Сдаюсь. Все именно так, как ты говоришь.

Гreve снова откинулся на спинку кресла. Он выиграл и теперь облегченно выдохнул и улыбнулся. Не торжествующей, а просто довольной улыбкой – оттого, что все позади. «Привык побеждать», – черкнул я на листке, понимая, что тут же все равно его выброшу.

Примечательно, однако, что это не воспринималось как поражение, скорее как облегчение. Да, настроение у меня было превосходное.

– Заказчик требует, однако, определенности, – сказал я. – Не возражаешь, если мы продолжим разговор?

Клас Гreve закрыл глаза, соединил кончики пальцев и кивнул.

– Отлично, – сказал я. – Тогда я хотел бы, чтобы ты рассказал мне о своей жизни.

По мере того как Клас Гreve рассказывал, я делал записи. Он был младшим из троих детей в семье. Родился и вырос в Роттердаме. Это портовый город с жесткими нравами, но семья принадлежала к привилегированному сословию, отец занимал высокий пост в «Филипсе». Норвежский язык Клас и обе его сестры освоили, потому что каждое лето проводили на даче у дедушки и бабушки в Суне. Отношения с отцом были напряженные – тот считал, что младшего слишком балуют и ему недостает дисциплины.

– Он был прав, – улыбнулся Гreve. – Я привык добиваться результатов и в школе, и в спорте без всяких усилий. Но лет в шестнадцать все это мне наскучило, и я завел знакомство с разными сомнительными компаниями, найти их в Роттердаме труда не составляет. Старых друзей у меня тогда не было, новых тоже не появилось. Но у меня были деньги. И я начал систематически пробовать все, что было запрещено. Алкоголь, марихуану, проституток, мелкие кражи и кое-что похуже. Дома отец считал, что я занимаюсь боксом и поэтому прихожу домой с распухшим лицом, расквашенным носом или подбитым глазом. А я проводил все больше времени в таких местах, куда меня пускали, но главное – где не лезли в душу. Я не знаю, нравилась ли мне моя новая жизнь, окружающие видели во мне эдакого чудика, одинокого подростка, который непонятно откуда взялся. И именно это меня привлекало. Спустя какое-то время мой образ

жизни начал сказываться на отметках; впрочем, я не особенно переживал. Но отец вдруг спохватился. И я словно добился наконец того, чего так хотел все время: внимания отца. Он говорил со мной спокойно и серьезно, я в ответ огрызался. Несколько раз казалось, что он вот-вот сорвется. Я был в восторге. Он отправил меня к бабушке с бабушкой в Осло, где я доучивался три года в школе. А как у тебя складывалось с твоим отцом, Роджер?

Я записал три слова, начинающиеся на «Сам»: «Самоуверенность. Самостоятельность. Самоанализ».

– Мы с ним болтали иногда, – сказал я. – Мы были довольно разные.

– Как? То есть он умер?

– Он и мама погибли в автомобильной аварии.

– Чем он занимался?

– Дипломатической работой. В британском посольстве. Мать встретил в Осло.

Греве разглядывал меня, склонив голову набок.

– Тоскуешь по нему?

– Нет. А твой отец жив?

– Вряд ли.

– Вряд ли?

Клас Греве, подавив вздох, прижал одну ладонь к другой:

– Он исчез, когда мне было восемнадцать. Не пришел домой к ужину. На работе сказали, что он ушел, как обычно, в шесть часов. Всего через несколько часов мать позвонила в полицию. Они сразу подключились – как раз в то время в Европе левацкие террористические группировки похищали богатых бизнесменов. Но не случалось никаких аварий на шоссе, никого не доставляли по неотложке. Его не оказалось ни в одном из списков авиапассажиров, и его машина тоже нигде не была зарегистрирована. Отца так и не нашли.

– Что произошло, как ты полагаешь?

– Я ничего не полагаю. Может, уехал в Германию, поселился в мотеле под чужим именем, не сумел застрелиться, отправился дальше глухой ночью, нашел глубокое лесное озеро и въехал в него на полной скорости. Или был похищен на автостоянке напротив офиса «Филипса» двумя вооруженными мужчинами, усевшимися на заднем сиденье. Машина вместе с отцом могла столкнуться с другой в ту же ночь, могла быть расплющена в железную лепешку, а потом порезана на куски автогеном. А может, он где-то сидит, в одной руке бокал коктейля с зонтиком, в другой – продажная девица.

Я пытался хоть что-то прочесть в лице Гreve или услышать в его голосе. Ничего. Либо он слишком часто об этом думал, либо этот черт совершенно бессердечный. Я не знал, что предпочтительнее.

– Итак, тебе восемнадцать лет, ты живешь в Осло, – сказал я. – Твой отец пропал. Ты – трудный подросток. Что дальше?

– Я закончил с отличием среднюю школу и подал заявление в Нидерландский королевский корпус морских пехотинцев.

– Морпехи – это звучит. Элитные такие мачо?

– Точно.

– Туда вроде берут одного из сотни.

– Примерно. Меня пригласили на приемный экзамен – там тебя месяц систематически ломают. А потом – если выживешь – четыре года восстанавливают.

– Видел что-то подобное в фильмах.

– Поверь мне, Роджер, в фильмах ты такого не видел.

Я посмотрел на него. Я ему верил.

– Потом я служил в антитеррористической группе ББЕ в Дорне. Восемь лет. Повидал весь мир. Суринам, Нидерландские Антильские острова, Афганистан, Индонезия, зимние учения в Харстаде и Вosse. Меня захватывали в плен и пытали во время антинаркотической кампании в Суринаме.

– Какая экзотика! Но ты не проронил ни слова?

Клас Гreve улыбнулся:

– Ни слова? Да я рта не закрывал, как баба на базаре. Допрос у кокаиновых баронов – это не игрушки.

Я подался вперед:

– Да? А что это?

Гreve долго и задумчиво смотрел на меня, приподняв бровь, прежде чем ответить:

– На самом деле я не думаю, что тебе стоит это знать, Роджер.

Я чуть смутился, но кивнул и снова выпрямился:

– А твоих товарищей всех перебили, что ли?

– Нет. И когда они ударили по обнаруженным мной позициям, эти, естественно, разбежались. Я провел два месяца в подвале, где питался гнилыми фруктами и пил воду, полную комариных личинок. Когда ББЕ меня освободили, я весил сорок пять кило.

Я смотрел на него. Пробовал представить себе, как именно они его пытали. Как он это переносил. И как выглядел Клас Гreve весом сорок пять килограммов. Иначе, разумеется. Но не то чтобы сильно по-другому.

– Неудивительно, что ты оставил это дело, – сказал я.

– Не поэтому. Те восемь лет в ББЕ были лучшими в моей жизни, Роджер. Прежде всего, все эти штуки, которые ты видел только в кино. Товарищество и чувство локтя. Но вдобавок там я выучился тому, что станет потом моим ремеслом.

– А именно?

– Находить людей. В ББЕ было такое подразделение под названием «Трек». Группа, занимавшаяся отслеживанием людей во всех возможных ситуациях и точках земного шара. Это они нашли меня в том подвале. Я попросился к ним, был принят, и там я научился всему. От доисторического индейского искусства читать следы до методов ведения допроса свидетелей и самых современных электронных способов слежения, какие только есть. Там я и встретился с «ХОТЕ». Они сделали передатчик размером с пуговицу от рубашки. Идея состояла в том, чтобы прицепить ее на человека и потом отслеживать все его передвижения, примерно как в шпионских фильмах шестидесятых годов, только ее никак не могли отладить, чтобы прилично работала. К тому же их пуговица оказалась непрактичной: не выдерживала пота, температуры ниже минус десяти, а сигнал проходил только через самые тонкие стены. Но руководителю «ХОТЕ» я понравился. У него не было сыновей...

– А у тебя отца.

Греве ответил надменной улыбкой.

– Понял, – отозвался я.

– После восьми лет военной службы я пошел учиться на инженера в Гааге, учебу оплачивала «ХОТЕ». За первый год моей работы в «ХОТЕ» мы сделали устройство слежения, работавшее в экстремальных условиях. Через пять лет я был номером вторым в командном звене. Через восемь стал руководителем, а все остальное ты сам знаешь.

Я откинулся на спинку кресла и отпил кофе. Мы были у цели. У нас был победитель. Я даже записал это: «Принят». Наверное, поэтому я медлил; видимо, что-то внутри меня говорило: надо вовремя остановиться. А может, тут было и что-то иное.

– У тебя такой вид, словно ты хочешь еще о чем-то спросить, – сказал Греве.

Я зашел с фланга:

– Ты ничего не говорил о своем браке.

– Я говорил о важных вещах, – сказал Греве. – Ты хочешь услышать о моем браке?

Я покачал головой. И решил закругляться. Но тут вмешалась судьба. Устами самого Класа Гreve.

– Тут у тебя хорошая картина, – сказал он и глянул на стенку. – Опай?

– «Сара раздевается», – ответил я. – Диана подарила. Ты собираешь предметы искусства?

– Да вот начал потихоньку.

Нечто внутри меня сказало «нет», но было поздно – я уже спросил:

– Чем можешь похвастаться?

– Есть одно полотно – масло, холст. Нашел его как раз в той тайной комнате позади кухни. Никто в нашем роду не знал, что моя бабушка владела этой картиной.

– Занятно, – сказал я, чувствуя, как трепыхнулось сердце.

Довольно бы и утреннего волнения.

– А что за картина?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Легкая улыбка выступила на его губах.

Его губы сложились для ответа, и меня охватило предчувствие. Такое, от которого напряглись мышцы живота, как у боксера в ожидании удара в корпус. И вот его губы изменили форму. И ни одно предчувствие в мире не смогло бы подготовить меня к тому, что он ответил:

– «Охота на калидонского вепря».

– «Охота...» – На две секунды во рту у меня пересохло. – Та самая «Охота»?

– Ты ее знаешь?

– Ты хочешь сказать, это картина... картина...

– Питера Пауля Рубенса, – сказал Гreve.

Я сосредоточился на единственной вещи. Держать лицо.

Но перед моими глазами мелькнуло, словно на световом табло в лондонском тумане на Лофтус-роуд: «Куинс парк рейнджерс» небрежно засаживает нечаянный гол в сетку ворот. Жизнь перевернулась с ног на голову. Мы на пути к Уэмбли.

Часть вторая

Круг сужается

6. Рубенс

– Питер Пауль Рубенс.

На мгновение показалось, что всякое движение, всякий звук в помещении замер. «Охота на калидонского вепря» Питера Пауля Рубенса. Наиболее разумным было бы мне предположить, что речь идет о копии, об исключительно качественной подделке, которая и сама по себе стоит миллион или два. Но было что-то в голосе, что-то в выражении лица, что-то в самом этом человеке, Класе Грее, что я не усомнился. Что это оригинал, кровавый охотничий сюжет из греческой мифологии, фантастический зверь, пронзенный копьем Мелеагра, полотно, которое пропало после разграбления немцами в 1941 году галереи родного города художника, Антверпена, и, как многие надеялись до самого конца войны, хранилось в одном из берлинских бункеров. Я не такой уж искусствовед, но в силу естественных причин заходил в Интернет и натыкался там на список пропавших произведений искусства, находящихся в розыске. И это полотно возглавляло его первую десятку более шестидесяти лет, в последнее время скорее просто как курьез, поскольку все решили, что оно наверняка сгорело вместе с половиной немецкой столицы. Мой язык искал хоть каплю влаги на небе.

– То есть ты просто *нашел* полотно Питера Пауля Рубенса в тайной комнате за кухней у твоей покойной бабушки?

Грее кивнул, улыбаясь:

– Такое случается, я слышал. Это, конечно, не самая лучшая и не самая известная его вещь, но и она кое-что стоит.

Я молча кивнул. Пятьдесят миллионов? Сто? Минимум. Другая найденная картина Рубенса, «Избиение младенцев», всего несколько лет назад пошла с аукциона за пятьдесят миллионов. Фунтов стерлингов. Полтора миллиарда крон.

– Это, конечно, случилось не просто так – что бабушка стала прятать у себя предметы искусства, – сказал Грее. – Понимаешь, моя бабушка в юности была ослепительной красавицей и, как говорили в светском обществе Осло, водила дружбу с высшими немецкими офицерами во время оккупации. Особенно с одним полковником, ценителем искусства, она о нем часто рассказывала, когда я у них жил. Она говорила, что он передал ей некоторые произведения, чтобы она их спрятала до мирных времен. К несчастью, он был казнен участниками Сопротивления в один из

последних дней войны. По иронии судьбы, в числе этих участников было немало тех, кого он угощал шампанским, когда дела у немцев шли получше. На самом деле я не очень верил в эти бабушкины истории – так, процентов на пятьдесят. Пока эти мастера-поляки не обнаружили ту дверь за книжным шкафом в комнате прислуги возле кухни.

– Потрясающе, – шепнул я непроизвольно.

– Правда же? Я еще не проверял, оригинал ли это, но...

Он самый, думал я. Немецкие полковники копии не собирали.

– А твои рабочие – они образованные люди? – спросил я.

– Да. Но они вряд ли поняли, что это такое.

– Не говори им. Сигнализация в квартире есть?

– Понимаю, о чем ты. И отвечаю: да, все квартиры в нашем доме имеют общий договор на охрану. И ни у кого из мастеров нет ключей, поскольку они могут работать только с восьми до четырех, как требуют правила распорядка в нашем доме. А когда мастера там, я, разумеется, нахожусь вместе с ними.

– Думаю, так следует поступать и дальше. А не знаешь, в каком из агентств ваш дом стоит на охране?

– «Трио» или что-то вроде. Я думал как раз спросить у твоей жены, не знает ли она кого-нибудь, кто определит, подлинный это Рубенс или нет. Ты первый, с кем я говорю об этом, надеюсь, ты никому не расскажешь.

– Нет, конечно. Я спрошу у нее и тут же перезвоню тебе.

– Спасибо, буду очень признателен. Пока что я знаю только, что, даже если это подлинник, картина не входит в число самых известных его полотен.

Я поспешно улыбнулся:

– Как жаль. Но вернемся к твоему назначению. Я люблю все делать быстро. Когда ты, по-твоему, смог бы встретиться с «Патфайндером»?

– В любой день.

– Хорошо. – Я торопливо думал, пока лез за своим ежедневником. Мастера с восьми до четырех. – «Патфайндерам» удобнее приехать в Осло после окончания рабочего дня. От «Хортена» ехать несколько часов. Что, если мы назначим один из дней на этой неделе, около шести вечера? Идет? – Я сказал это как можно непринужденнее, но фальшивые ноты резали мне слух.

– Конечно, – сказал Гревес, который вроде бы ничего не заметил. – Только не завтра, хорошо? – добавил он и поднялся.

– Мне надо им сообщить, – сказал я. – Тогда перезвоню тебе по номеру, который ты мне оставил.

Я проводил его в фойе.

– Такси не закажешь, Да?

Я попытался прочесть по выражению лица Оды или Иды, принимает ли она такое сокращение, но Грехе меня прервал:

– Спасибо, я на своей машине. Передай привет жене – и жду звонка.

Он протянул мне руку, и я схватил ее, широко улыбаясь.

– Я попытаюсь узнать это сегодня вечером, потому что завтра ты занят, верно?

– Да.

Я не знаю, почему я не остановился на этом. Ритм беседы, чувство, что разговор закончен, подсказывали, что тут следует произнести заключительное «До связи». Но может, это было то ощущение в животе, может, уже в тот момент во мне зародилась тревога и потребовала дополнительной подстраховки.

– Да, ремонт отнимает страшно много времени, – сказал я.

– Ну, не так уж и страшно, – ответил он. – Завтра я лечу утренним рейсом в Роттердам. Псину свою заберу из карантина. Вернусь поздно вечером.

– Ладно, – сказал я и отпустил его руку, чтобы он не почувствовал, как напряглось мое тело. – А что у тебя за псина?

– Нидертерьер. Ищейка. Но еще и агрессивен, как бойцовые собаки. Подходящая собака в доме, где висят такие картины, правда же?

– Еще бы, – сказал я. – Еще бы.

Псина. Терпеть не могу собак.

– Ну да, – раздался голос Уве Хикерюда на том конце телефонной линии. – Клас Грехе, Оскарс-гате, двадцать пять. Ключи у нас. Передам в «Суши & Кофе» через час. Сигнализацию отключим в семнадцать ноль-ноль. Что-нибудь придумаю и выйду на работу вечером. А с чего такая спешка, кстати?

– С того, что завтра в квартире появится собака.

– Ясно. А почему не в рабочее время, как обычно?

Мимо телефонной будки прошел тот самый чувак в костюме от Корнелиани и ботанских очочках. Я повернулся к нему спиной, чтобы не здороваться, и приблизил трубку ко рту:

– Я хочу быть на сто процентов уверен, что мастера уже ушли. А ты прямо сейчас позвони в Гётеборг, пусть добудут качественную копию Рубенса. Их много, но скажи, что нам надо хорошую. И чтобы она уже была у них сегодня к ночи, когда ты привезешь им Мунка. Времени мало,

но мне важно иметь репродукцию уже завтра, ты понял меня?

– Понял, понял.

– И можешь сказать в Гётеборге, что на другой вечер доставишь оригинал. Название картины помнишь?

– Да помню. «Каталонская охота на кабана», Рубенс.

– Примерно так. А ты на сто процентов уверен, что на этих барыг точно можно положиться?

– Господь с тобой, Роджер! Да в сотый раз говорю – железно!

– Я просто спросил.

– Ты меня послушай. Этот тип знает, что если хоть раз кого кинет, то выйдет из игры на пожизняк. Никто не наказывает за воровство так, как сами воры.

– Понял.

– Тут это самое... Ту следующую поездку в Гётеборг придется отложить на сутки.

С этим проблем не было, мы так делали и раньше – Рубенс полежит в надежном месте, – но я почувствовал, как волосы на затылке зашевелились.

– Почему это?

– У меня завтра вечером гости. Дама.

– Ничего, подождет.

– Пардон, не получится.

– Не получится?

– Это Наташа.

Я едва верил своим ушам:

– Русская блядь?

– Не называй ее так.

– А что, нет?

– Я же не называю твою жену силиконовой Барби.

– Ты сравниваешь мою жену с этой проституткой?

– Я сказал, что *не* называю ее силиконовой Барби.

– Твое счастье. Диана полностью натуральная.

– Врешь.

– Ни капли.

– О'кей, I'm impressed^[8]. Но тем не менее завтра вечером никуда не поеду. Я висел у Наташи в листе ожидания три недели и сниму весь сеанс. На видео.

– Снимешь? Что за бред?

– Мне же надо на что-то смотреть до следующего раза. Бог его знает, когда он еще будет.

Я рассмеялся:

– Ты с ума сошел.

– Почему ты так говоришь?

– Ты любишь шлюху, Уве! Ни один нормальный мужик не может любить шлюху.

– А ты откуда знаешь?

Я застонал:

– А что ты скажешь своей возлюбленной, когда вытащишь свою гребаную видеокамеру?

– Она ничего не знает.

– Скрытая камера в шкафу?

– Да в каком шкафу? Мой дом, к твоему сведению, находится под полным видеонаблюдением.

Из того, что мне рассказывает Уве Хикерюд, меня уже ничего не удивляет. Он говорил, что когда свободен, то в основном сидит перед телевизором в своем маленьком домике на лесной опушке в Тонсенхагене. И что он любит стрелять в экран, когда по ящику показывают не то, что ему нравится. Он хвалился своими австрийскими пистолетами «глок», или «дамками», как он их называл, поскольку у них нет курка, который взводился бы для дальнейшего, так сказать, извержения. Для стрельбы по ящику Уве держал холостые патроны, но как-то раз позабыл, что у него полный магазин боевых, и разнес вдребезги новый плазменный «Пионер» ценой тридцать тысяч. Когда он не стрелял в телевизор, то палил из окон по птичьей дуплянке, которую сам повесил для сов на дереве позади дома. А однажды вечером, сидя перед теликом, услышал, как затрещали деревья возле дома, открыл окно, прицелился из винтовки «ремингтон» и выстрелил. Пуля пробила зверю лоб между рогами, и Уве пришлось освобождать морозильник от штабелей «Пиццы грандиозы». Следующие шесть месяцев были только лосиные бифштексы, лосиные карбонады, тушеная лосятина, лосиные тефтели и лосиные котлеты, пока он мог на них смотреть, а затем он снова освободил морозильник и снова загрузил «Грандиозой». Все эти истории казались мне вполне правдоподобными. Но эта...

– Под полным видеонаблюдением?

– С работы в «Триполисе» можно и для себя кое-что поиметь, разве нет?

– И ты сможешь просто включить эти камеры, так, что она не заметит?

– Именно. Я привожу ее, мы заходим в дом. Через пятнадцать секунд, если я не отключил сигнализацию с помощью пароля, включаются камеры

в «Триполисе».

– И у тебя дома заорет сирена?

– Не-а. Беззвучная тревога.

Технически замысел я, разумеется, понимал. Тревога включалась только в «Триполисе». Смысл в том, чтобы не спугнуть воров, пока «Триполис» звонит в полицию и приезжает сам в течение пятнадцати минут. Цель – взять воров на месте преступления, прежде чем они скроются вместе с краденым, на тот случай, если их не удастся идентифицировать по видеозаписи.

– Я сказал пацанам на дежурстве, чтобы не посылали машину, понял, да? Пусть просто сядут у мониторов и наслаждаются.

– Ты хочешь сказать, что пацаны будут сидеть и смотреть на тебя и эту русскую... Наташу?

– Радостью надо делиться. Жалко, камера не отслеживает постель, это частное пространство. Но я попрошу ее, чтоб раздевалась в кресле у телевизора, понял? Она принимает режиссуру, что ценно. Посажу ее там, пусть сама себя пальчиком. Там угол съемки классный, надо только поработать с освещением. А уж дрочить я буду за кадром, понял?

Места для информации во мне больше не осталось.

Я кашлянул:

– В таком случае ты отвозишь Мунка сегодня ночью. А Рубенса послезавтра ночью, ладно?

– Договорились. С тобой-то ничего не стряслось, Роджер? Голос у тебя какой-то странный.

– У меня все нормально, – ответил я и вытер лоб тыльной стороной ладони. – Все в полнейшем порядке.

Я положил трубку и вышел из телефонной будки. Начинало темнеть, но я этого не замечал. Потому что все ведь в полнейшем порядке. Я стану мультимиллионером. Откуплюсь от всего и стану свободен. Мир и все в нем – включая Диану – будет моим. Вдалеке послышался гром, похожий на низкие раскаты смеха. Ударили первые капли дождя, и подошвы моих туфель весело застучали по мостовой на бегу.

7. Беременность

Было шесть вечера, дождь кончился, и небо на западе над Осло-фьордом подернулось золотом. Я завел «вольво» в гараж, выключил мотор, подождал. Когда дверь за мной опустилась, я включил свет в салоне, открыл черную папку и вынул сегодняшнюю добычу. «Брошь». Ева Мудочки.

Я позволил взгляду скользить по ее лицу. Мунк, наверное, был в нее влюблен, иначе он не сумел бы нарисовать ее такой. Похожей на Лотте. Уловить молчаливую боль, тихое безумие. Я беззвучно выругался, тяжело и со свистом втянув воздух через передние зубы. Затем приоткрыл потолок обивки над моей головой. Это было мое собственное изобретение, для того чтобы прятать картины при пересечении границы. Я только освободил передний край крыши салона, как выражаются автомобилисты, – ее прижимала верхняя часть окантовки ветрового стекла. Потом я приклеил к изнанке две ленты-липучки и, аккуратно надрезав обивку вокруг осветительного плафона, получил превосходный тайник. Проблема перевозки больших картин, особенно старых, пересохших полотен, в том, что их надо везти плоско, не сворачивая, иначе живописный слой может потрескаться и картина окажется испорченной. Перевозка требует места, а груз слишком заметный. Но на четырех квадратных метрах потолка хватало места для самых больших картин, и они были хорошо спрятаны от ретивых таможенников с собаками, не имеющими, к счастью, нюха на краску и лак.

Я сунул Еву Мудочки под обивку, закрепил крышу салона липучками, вышел из машины и направился к дому.

На холодильнике висела записка от Дианы – она ушла встречаться со своей подругой Катрине и вернется около полуночи. Оставалось еще шесть часов. Я открыл бутылку «Сан-Мигеля», сел за стол у окна и принялся ждать. Потом принес следующую бутылку, вспомнив вдруг фразу из книги Юхана Фалькбергера^[9], ее мне читала Диана, когда я болел свинкой: «Все мы пьем, ибо все мы жаждем». Я лежал тогда в постели с температурой, болели щеки и уши, и я был похож на потную рыбу фугу, но врач глянул на градусник и сказал: «Ничего страшного». Да оно и не ощущалось как страшное. Только когда Диана на него нажала, он неохотно выговорил жуткие слова типа менингит и орхит и еще более неохотно перевел: воспаление мозговых оболочек и воспаление яичек. Но тут же добавил, что это «в данном случае крайне маловероятно».

Диана читала мне и клала на лоб холодные компрессы. Книга была «Четвертая ночная стража» Юхана Фалькбергета, а так как мне было больше нечем занять свой мозг, которому грозило воспаление оболочек, то я слушал очень внимательно. Особенно я запомнил там два момента. Во-первых, пастора Сигисмунда, прощающего пропойцу со словами: «Все мы пьем, ибо все мы жаждем». Наверное, потому, что я находил утешение в подобном взгляде на человека: такова твоя природа, и это классно.

Во-вторых, это цитата из примечаний Понтопиддана^[10], где он утверждает, что один человек может убить душу другого, может заразить ее, увлечь с собой во грех, так что ее уже не спасти. Утешения в этом я находил гораздо меньше. И страх испачкать крылья ангелу удерживал меня от посвящения Дианы в то, чем я занимался для получения дополнительных доходов.

Шесть суток она не отходила от меня, и для меня это было и счастьем, и мукой. Потому что я знал, что никогда не сделал бы этого для нее, по крайней мере в случае свинки. Так что когда я наконец спросил ее, зачем она это делает, это было просто любопытство. Ее ответ был прост:

- Потому что я люблю тебя.
- Но это простая свинка.
- Может, у меня больше не будет случая это тебе показать. Ты ведь здоровый.

Казалось, она оправдывается.

А на следующий день я преспокойно встал с постели, отправился на собеседование в компанию по подбору персонала под названием «Альфа» и объяснил им, что они будут идиотами, если меня не возьмут. И я знаю, почему я уговаривал их с такой непоколебимой самоуверенностью. Потому что ничто не заставит мужчину вырасти над собой больше, чем признание женщины, что она его любит. И как бы она при этом ни лгала, какой-то частью своей души он будет ей благодарен, будет хоть капельку ее любить в ответ.

Я взял одну из Дианиных книжек по искусству, почитал про Рубенса и то небольшое, что там говорилось об «Охоте на калидонского вепря», и внимательно изучил картину. Потом отложил книгу и попытался обдумать предстоящую операцию на Оскарс-гате, шаг за шагом.

Квартира в многоквартирном доме означает, естественно, риск повстречаться в подъезде с кем-нибудь из соседей. Потенциальным свидетелем, который сможет меня рассмотреть с близкого расстояния. Правда, всего в течение нескольких секунд. Но это не должно вызвать у них подозрений и заставить присмотреться к моему лицу: человек в

комбинезоне направляется в квартиру, где идет ремонт. Так чего же мне бояться?

Я знал, чего я боюсь.

Во время собеседования он читал меня как раскрытую книгу. Но сколько страниц он успел прочесть? Возможно ли, что он что-то заподозрил? Не поймешь. Он узнал технику ведения допроса, которой сам выучился на военной службе, вот и все.

Я взял мобильник и позвонил Гreve, чтобы сказать, что Дианы нет дома, что с координатами возможного эксперта, который оценит подлинность картины, придется подождать до его возвращения из Роттердама. Автоответчик на телефоне Гreve предложил мне оставить сообщение, что я и сделал. Пивная бутылка была пуста. Мне хотелось виски, но я себе этого не позволил: нельзя проснуться завтра с дурной головой. Еще бутылка пива, и все.

Я уже выпил полбутылки, когда осознал, что делаю. Отнял мобильник от уха и поспешно прекратил вызов. Я набрал номер Лотте, стоявший под секретным именем «А» в списке контактов, буквой, которая всякий раз заставляла меня вздрагивать, высвечиваясь при входящем звонке. По нашему с ней уговору звонить мог только я. Я вошел в список контактов, нашел «А» и нажал «удалить».

«Вы хотите удалить этот номер?» – уточнил телефон.

Я уставился на открывающуюся альтернативу. Трусливое, вероломное «нет» и лживое «да».

Я нажал «да». И знал, что ее номер впечатался в мой мозг, так что удалить невозможно. Что это значит, я сам не знал и не хотел знать. Ничего, он постепенно погаснет. Погаснет и исчезнет. Должен.

Диана вернулась за пять минут до полуночи.

– Ну, что ты делал, любимый? – спросила она, подошла к креслу, уселась на подлокотник и обняла меня.

– Ничего особенного, – сказал я. – Провел собеседование с Класом Гreve.

– Ну и как?

– Он то, что надо, не считая того, что иностранец. «Патфайндеры» четко сказали, что им нужен руководитель-норвежец, они даже официально заявили, что намерены поставить норвежцев на все руководящие должности. Так что их еще предстоит уламывать.

– Но в этом-то тебе равных нет. – Она поцеловала меня в лоб. – У тебя, говорят, уникальная репутация.

– В смысле?
– Человека, который всегда добьется назначения для того, кого он предлагает.

– Да? – Я изобразил изумление.

– Так что и теперь справишься.

– А как там Катрине?

Диана провела рукой по моим волосам.

– Потрясающе. Как обычно. Вернее, еще лучше, чем обычно.

– В один прекрасный день она может умереть от счастья.

Диана прижалась лицом к моим волосам и прошептала в них:

– Она только что узнала, что беременна.

– Значит, какое-то время все будет не так уж потрясающе.

– Ерунда, – пробормотала она. – Ты что, выпил?

– Капельку. Выпьем, что ли, за здоровье Катрине?

– Я пойду лягу, дико устала от ее радостного щебета. Ты придешь?

Когда я лежал, прижавшись к ней сзади, в нашей спальне, обнимал ее, осязая ее спину грудью и животом, до меня вдруг дошло то, о чем мне следовало подумать сразу же после собеседования с Грече. Что теперь я могу сделать ее беременной. Что я наконец уверен в будущем, у меня есть почва под ногами и ребенок не сможет спихнуть меня с этой моей платформы. Потому что с помощью Рубенса я стану тем львом, владыкой прайда, с которым Диана меня сравнивала. Который способен прокормить свою стаю. Не то чтобы Диана в этом сомневалась – но сомневался я сам. Что смогу стать тем хранителем домашнего гнездышка, которого заслуживает такая женщина, как Диана. К тому же именно ребенок может вылечить ее от этой благословенной слепоты. Но теперь она имеет право видеть, пусть видит меня целиком.

Из открытого окна потянуло острым холодком, я почувствовал, как кожа покрывается пупырышками, и ощутил эрекцию.

Но Диана дышала глубоко и ровно.

Я отпустил ее. Она перевернулась на спину, спокойная и беззащитная, как ребенок.

Я соскользнул с кровати.

К алтарю мицуко, судя по всему, не прикасались со вчерашнего дня. Обычно не проходило и суток, чтобы она не произвела там видимые изменения: поменяла воду, поставила новую восковую свечу, новые цветы. Я поднялся в гостиную, налил себе виски. Паркет у окна холодил ступни. Виски был «Макаллан», тридцатилетней выдержки, подарен одним довольным заказчиком. Я смотрел вниз на гараж, купающийся в лунном

свете. Уве уже едет сюда. Он запрется в гараже и откроет машину, у него есть запасной ключ. Вынет Еву Мудочки, положит в папку и отправится к своей машине, которую поставил на приличном расстоянии, чтобы никто не углядел связи между ней и нашим домом. Он поедет к скупщику в Гётеборг, передаст картину и вернется на рассвете. Но Ева Мудочки стала мне теперь неинтересна – так, вынужденная халтурка. Когда Уве вернется из Гётеборга, то, надеюсь, привезет приличную копию рубенсовской «Охоты» и засунет под крышу «вольво» прежде, чем проснемся мы или соседи.

Раньше Уве пользовался для своих гётеборгских рейсов моей машиной. Я сам ни разу не разговаривал со скупщиком, так что, надеюсь, он из всех, кто в деле, знаком только с Уве. Именно это мне и было нужно – как можно меньше точек соприкосновения, как можно меньше тех, кто в какой-то момент сможет показать на меня пальцем. Преступников рано или поздно возьмут, и тогда я должен быть от них как можно дальше. Поэтому я никогда не встречался на людях с Уве Хикерюдом и поэтому звонил ему только из автомата – не хочу, чтобы какой-нибудь из моих телефонов фигурировал в распечатке его телефонных звонков, когда Уве арестуют. Дележка денег и стратегическое планирование происходили далеко от Осло – в лесном домике в окрестностях Элверума. Уве снимал его у одного фермера-одиночки, и мы всегда приезжали каждый на своей машине.

По пути к этому домику до меня и дошло однажды, какому риску я подвергаю себя, когда Уве на моей машине отвозит картины в Гётеборг. Я как раз проехал радар, когда заметил его почти тридцатилетний «мерседес», черный и солидный «280SE», припаркованный рядом с полицейской машиной. Тут меня и осенило, что Уве Хикерюд – из тех неотесанных водителей, которые просто не в состоянии соблюдать скоростной режим. В свое время я вдолбил ему, чтобы он всегда убирал мою электронную платежную карточку с ветрового стекла, когда едет на моем «вольво» в Гётеборг: если проезжать сборочный пункт платной дороги по электронной карте, она всякий раз фиксируется, а мне нет никакого резона объяснять потом полиции, по какой такой причине я езжу в ночное время туда-сюда по шоссе Е-6 несколько раз в год. Но, увидев «мерседес» Уве на пункте контроля скорости, я понял, в чем наибольший риск: что полиция остановит злостного нарушителя и своего старого знакомого Уве Хикерюда на пути в Гётеборг и станет выведывать, что он делает в автомобиле respectable этого, ну да, охотника за головами Роджера Брауна. Ничего хорошего. Потому что исход встречи Уве Хикерюда с Инбау, Рейдом и Бакли может быть только один.

Мне почудилось какое-то движение в темноте возле гаража.

Завтра – день Д. Дивный день. Длинный день. День дней.

Потому что, если все пойдет по плану, это будет последний удар. Я буду у цели, стану свободен и завяжу с этим делом.

Город внизу подо мной многообещающе перемигивался огнями.

Лотте ответила после пятого звонка:

– Роджер?

Осторожно, с опаской.

Словно это она меня разбудила, а не я ее.

Я положил трубку.

И единым духом допил остатки виски.

8. G11sus4

Я проснулся с дикой головной болью.

Приподнявшись на локте, я увидел торчащий кверху аппетитный, упакованный в трусики Дианин зад, – она рылась в сумке и карманах одежды, в которой была вчера.

– Ты что-то потеряла? – спросил я.

– Доброе утро, любимый, – сказала она, но я понял, что утро у нее не такое доброе.

Что ж, тут она не одинока.

Я вылез из постели и поплелся в ванную. Увидел себя в зеркале и понял, что предстоящий день должен быть лучше, хоть умри. Обязан быть лучше. И будет лучше. Я открутил кран душа и стоял под ледяными струями, слыша, как Диана негромко чертыхается в спальне.

– «And it's gonna be... – фальшиво распевал я наперекор всему, – PERFECT!»^[11]

– Все, убегаю, – крикнула Диана. – Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – крикнул я, но не был уверен, что она услышала, потому что в этот момент за ней захлопнулась дверь.

В десять я уже сидел в офисе, пытаюсь сосредоточиться. Моя голова ощущалась как прозрачный пульсирующий головастик. Я отметил, что Фердинанд уже несколько минут открывает рот и двигает по-всякому губами, по-видимому произнося слова разной степени интересности. А потом он, не закрыв рта, перестал шевелить губами и вместо этого уставился на меня, что я истолковал как ожидание моего ответа.

– Повтори вопрос, – сказал я.

– Я говорю, здорово, что я провожу заключительное собеседование с Грее и заказчиком, но ты должен мне сперва немножко рассказать о «Патфайндере». Мне надо хоть что-то знать, чтобы не выглядеть уж совсем такой блондинкой! – И тут его голос перешел в придурочный фальцет.

Я вздохнул:

– Они производят крошечные, почти невидимые передатчики, которые можно прикрепить к человеку, чтобы потом его можно было найти с помощью приемного устройства, подключенного к самой продвинутой системе GPS. Приоритетное использование спутников, совладельцами которых они являются, и так далее. Передовые технологии, то бишь эти «патфайндеры» – кандидат на поглощение. Почитай их годовой отчет. Что-

нибудь еще?

– Да читал я! Все, что касается их продукта, – тайна, покрытая мраком. А этот Клас Гreve ведь иностранец. Как сделать, чтобы наш сугубо националистический заказчик это скушал?

– В это не лезь, этим я сам займусь. Да не грузись ты так, Ферди.

– Ферди?

– Ну да, я тут подумал: Фердинанд слишком длинно. Правда классно?

Он недоверчиво посмотрел на меня:

– Ферди?

– Не в присутствии клиентов, конечно. – Я улыбнулся, чувствуя, как слабеет головная боль. – Ну что, мы готовы, Ферди?

Да, мы были готовы.

До самого обеда я жрал парацетамол и поглядывал на часы. В обед пошел в ювелирный напротив «Суши & Кофе».

– Вот эти, – сказал я, ткнув пальцем в бриллиантовые серьги на витрине.

Денег на карточке хватило. Пока что-то еще оставалось. А темно-красный бархат, обтягивающий коробочку, был нежным на ощупь, как мех щенка.

После обеденного перерыва я продолжил жрать парацетамол и смотреть на часы. Около пяти я сумел припарковаться у тротуара на Инкогнитогата. Мне повезло: и те, кто тут работает, и те, кто живет, видимо, находились в пути. Начался дождь, и мои подошвы чавкали по асфальту. Папка была легкая. Копия оказалась весьма среднего качества, и, разумеется, за нее заломили несусветные пятнадцать тысяч шведских крон, но сейчас это было не очень существенно.

Если в Осло и есть изысканная улица, то это Оскарс-гате. Дома – это все разнообразие архитектуры с преобладанием неоренессанса. Неоготические фасады, ухоженные палисаднички – именно тут в конце девятнадцатого века обосновались директора компаний и высшие чиновники. Навстречу мне шел мужчина с пуделем на поводке. Серьезных собак в центре нет. Мужчина смотрел сквозь меня. Центр. Я свернул к дому 35, описанному в Интернете как «ганноверский вариант псевдосредневекового стиля». Интереснее другое: там же говорилось, что испанское посольство отсюда уже переехало, так что мне, надо надеяться, удастся избежать навязчивого внимания их наружных видеокамер. Возле дома я никого не заметил – только темные окна слали мне молчаливый привет. По словам Уве, подъезд и квартира открываются одним и тем же ключом. К двери подъезда он, по крайней мере, подошел. Я устремился

вверх по лестнице. Решительным шагом. Не топая и не крадучись. Человек, который знает, куда идет, и которому незачем прятаться. Ключ при мне, так что не придется стоять на площадке и возиться с замком, покуда все звуки громким эхом отдаются в тишине этого старого и гулкого здания.

Третий этаж. Никакой таблички с именем на двери, но я знаю, что это – здесь. Двустворчатая дверь с рельефными стеклами. Я не был так спокоен, как надеялся, – сердце колотилось о ребра, и я не попал ключом в скважину. Уве как-то говорил, что первое, что нарушается от страха, – это мелкая моторика. Он вычитал это в книжке о ближнем бое – что человек утрачивает способность перезарядить оружие, когда сам находится под прицелом. Впрочем, со второй попытки ключ вошел в замок и повернулся в нем – легко, беззвучно и мягко. Я нажал на дверную ручку и потянул дверь на себя. Толкнул вперед. Но она не открывалась. Я потянул снова. Какого черта? Неужели Гreve врезал дополнительный замок? И об этот чертов замок разобьются все мои мечты и планы? Почти в панике я дернул дверь на себя изо всех сил. Она с грохотом распахнулась, и стекла задребезжали на весь подъезд. Я скользнул внутрь, осторожно прикрыл дверь за собой и выдохнул. Вспомнилась вчерашняя дурацкая мысль. А вдруг потом мне будет не хватать вот этого напряжения, к которому я так привык?

На первом же вдохе нос, рот и легкие наполнились запахом растворителей – для латексной краски, лака и клея.

Я перешагнул через ведерки с краской и рулоны обоев в дверях и вошел в квартиру. Дубовый в шашечку пол, застланный крафт-бумагой, деревянные панели, строительная пыль, старые окна, которые явно будут заменены. Анфилада парадных комнат, каждая с небольшой бальной зал. Я обнаружил наполовину отделанную кухню по другую сторону центральной гостиной. Строгие линии, металл и массив дерева, стоит немыслимо, я видел в каталоге «Поггенполя». Войдя в комнату для прислуги, я увидел дверь за книжным шкафом. Я вполне допускал, что она может быть заперта, но знал, что наверняка найду в квартире инструмент, чтобы ее вскрыть.

Этого не понадобилось. Она сама распахнулась – петли тихонько скрипнули, словно предостерегая.

Я шагнул в темную пустую продолговатую комнату, вынул фонарик из-за подкладки комбинезона и повел бледно-желтым лучом по стенам. Там висели четыре картины. Три из них были мне незнакомы. А четвертая... Я встал перед ней и ощутил ту же сухость во рту, как в тот раз, когда Гreve выговорил ее название.

«Охота на калидонского вепря».

Казалось, свет пробивался из-под нижних, почти четырехсотлетних, слоев краски. Вместе с пятнами теней он придавал охотничьей сцене очертания и форму – Диана называла это светотенью.

Картина оказывала почти физическое воздействие, втягивала внутрь как магнит, – это было все равно что встретиться с харизматической личностью, о которой знал прежде лишь по рассказам и фотографиям. Эта красота застала меня врасплох. Гамма, правда, была мне знакома по его более поздним и более известным картинам из Дианиного альбома: «Охота на львов», «Охота на гиппопотама и крокодила», «Охота на тигров и львов». В книге, которую я читал вчера, говорилось, что это полотно – первая картина Рубенса с охотничьим сюжетом, источник его более поздних шедевров. Свирепый калидонский вепрь был наслан богиней Артемидой в окрестности города Калидона за непочтение к ней местных жителей. Но лучший в Калидоне охотник, смертный юноша Мелеагр, сумел в конце концов заколоть чудовище копьем. Я глядел на Мелеагра, на его обнаженное мускулистое тело, его исполненное гнева лицо, что-то смутно мне напоминавшее, на копье, которое вот-вот вонзится в тело зверя. Так напряженно и в то же время торжественно! Так обнаженно – и в то же время таинственно! Так просто. И бесценно.

Я снял картину, вынес на кухню и положил на стол. Под старинной рамой, как я и предполагал, находился подрамник, к которому крепился холст. Я достал два самых простых и необходимых инструмента, которые взял с собой: шило и кусачки. Скусил почти все гвоздики, кроме тех, которые понадобятся мне снова, вытащил их, освободил подрамник и с помощью шила стал расшатывать штифты в пазах. Я провозился дольше, чем рассчитывал; Уве все-таки прав насчет мелкой моторики. Но спустя двадцать минут копия уже находилась в раме, а оригинал – в папке.

Я повесил картину на место, закрыл за собой дверь, проверил, не оставил ли следов, и вышел из кухни, сжимая папку в потной руке.

Проходя по гостиной, я бросил взгляд в окно и увидел дерево с наполовину обнажившейся под ветром кроной. Не успевшие облететь огненно-красные листья подсвечивались косыми лучами пробивающегося сквозь тучи солнца, так что казалось, что ветки охвачены пламенем. Рубенс. Краски. Это его палитра.

То был магический миг. Миг торжества. Миг преображения. Тот миг, когда отчетливо видишь, как решения, казавшиеся неимоверно трудными, вдруг предстают как очевидные. Я хочу стать отцом, я собирался ей сказать об этом вечером, но ощутил это именно теперь. Здесь, сейчас, на месте преступления, с Рубенсом под мышкой и этим великолепным,

величественным деревом перед глазами. Вот миг, который следовало бы увековечить в бронзе, – как память, как вечный сувенир, принадлежащий нам с Дианой, чтобы иногда доставать его в дождливые дни. Это решение, подумается ей, незапятнанной, было принято в миг просветления и без всякой иной причины, кроме любви к ней и нашим будущим детям. И только я, лев, глава прайда, буду знать суровую правду: что горло зебры было перекушено после прыжка ей на загривок, что холм был залит кровью ради них, моих невинных львят. Да, так укрепится наша любовь. Я достал мобильник, снял перчатку и набрал номер ее телефона от «Прада». Я пытался сформулировать фразу, пока дожидался соединения. «Я хочу подарить тебе ребенка, любимая...» Или: «Любимая, позволь мне подарить тебе...»

И тут зазвучал аккорд G11sus4 Джона Леннона.

«It's been a hard day's night...»^[12] Что да, то да. Я взволнованно улыбался.

Пока до меня не дошло.

Я ведь слышу это здесь!

Ерунда какая-то.

Я опустил трубку.

И вдалеке, но достаточно отчетливо, расслышал, как «Битлз» начинают играть «A Hard Day's Night». Ее рингтон.

Мои ноги, словно залитые бетоном, застыли на крафт-бумаге, покрывающей пол.

Вот они начали двигаться на звук, покуда сердце стучало тяжело и медленно, как бьют в литавры.

Звук доносился из-за двери, приоткрытой в коридор с внутренней стороны парадных комнат.

Я открыл дверь.

Это была спальня.

Кровать посреди комнаты была аккуратно застлана, но ею явно пользовались. В изножье лежал чемодан, а сбоку стоял стул, на спинке висела какая-то одежда. В незакрытом шкафу виднелся костюм на вешалке. Тот самый, в котором Клас Греев был на собеседовании. Где-то тут, в спальне, пели на два голоса Леннон и Маккартни – с той энергетикой, которой на более поздних дисках у них уже никогда не было. Я огляделся. Встал на коленки. Наклонился. И увидел его. Телефон от «Прада» лежал под кроватью. Видимо, выскользнул из кармана ее брюк. Возможно, когда он их с нее сорвал. А она нехватила телефона, пока... пока...

Перед глазами возник ее соблазнительный зад, когда она сегодня

утром лихорадочно рылась в своей одежде и сумочке.

Я снова поднялся. Слишком быстро, наверное, потому что комната заходила ходуном. Я оперся о стену.

Включился автоответчик, раздался щебечущий голос:

– Привет, это Диана. Сейчас я не могу подойти к телефону...

Ясное дело.

– Но вы ведь знаете, что нужно сделать...

Да. Знаю. Какая-то точка в мозгу зафиксировала, что я схватился за стенку голой рукой и надо не забыть потом вытереть.

– Удачного дня!

С этим, пожалуй, сложнее.

Отбой.

Часть третья

Повторное собеседование

9. Повторное собеседование

Мой отец, Йен Браун, был страстным, хоть и не особенно одаренным шахматистом. Он выучился играть в пятилетнем возрасте у своего отца, а потом читал книги по теории шахмат и изучал партии. Однако меня он шахматам не учил, пока мне не стукнуло четырнадцать и оптимальные для обучения годы не остались позади. Но у меня имелись шахматные способности, и в шестнадцать лет я его впервые победил. Он улыбался, словно гордясь мной, но я знал, что на самом деле за этой улыбкой – ненависть. Он вновь расставил фигуры на доске, и мы начали матч-реванш. Я играл, как обычно, белыми фигурами, он внушал мне, что таким образом предоставляет мне преимущество. После нескольких ходов он извинился и вышел на кухню, где, как я знал, приложился к бутылке джина. Пока его не было, я успел переставить две фигуры, но он не заметил. Еще через четыре хода он уже смотрел разинув рот на моего белого ферзя напротив его черного короля. Он понял, что следующим ходом я объявлю ему мат. Вид у отца был такой забавный, что я не смог сдержать улыбки. Я видел по его лицу – он понимает, что произошло. Тут он поднялся и сбросил все фигуры с доски. И ударил меня. Мои колени подогнулись, и я упал – больше от страха, чем от удара. Прежде он меня ни разу не бил.

– Ты переставил фигуры, – прошипел он. – Мой сын не жульничает!

Во рту я чувствовал вкус крови. Белый ферзь, моя белая королева, лежала у моих ног. Корона ее раскололась.

Ненависть, словно желчь, жгла мне горло и грудь. Я поднял изувеченную королеву и поставил на доску. А следом и другие фигуры.

– Твой ход, отец.

Потому что именно так поступает игрок, исполненный ледяной ненависти, – когда его, в двух шагах от победы, противник неожиданно бьет по лицу, ударяет в самое больное место, угадывает его страх. Игрок не теряет доску из вида, но, спрятав страх, разрабатывает новый план. Переводит дух, восстанавливается, продолжает игру, добивается победы. И уходит, не показывая своего торжества.

Я сидел в торце стола и смотрел, как шевелятся губы Класа Гreve. Как напрягаются и расслабляются щеки, вылепливая слова, видимо понятные для Фердинанда и двух представителей «Патфайндера», – во всяком случае, все трое кивали, явно довольные. Как я ненавидел этот рот. Ненавидел серовато-розовые десны, эти зубы, крепкие, как могильные плиты, самую

форму этого отвратительного телесного отверстия: как открытая рана с кривыми краями, с задранными вверх уголками, означающими улыбку – улыбку-прорезь вроде той, которой Бьёрн Борг в свое время очаровывал мир. И которой теперь Клас Гreve соблазнял своих будущих работодателей из «Патфайндера». Но больше всего я ненавидел его губы. Губы, касавшиеся губ моей жены, ее кожи, вероятно, ее розовых сосков и наверняка – ее влажного приоткрытого лона. Мне показалось даже, что я вижу белокурый лобковый волосок, застрявший в трещине его оттопыренной нижней губы.

Я сидел молча почти полчаса, покуда Фердинанд выдавал один за другим дурацкие вопросы из книжки по подбору персонала с таким дебильным воодушевлением, словно сам их выдумал.

В начале собеседования Клас Гreve отвечал, повернувшись в мою сторону. Но постепенно понял, что я – неофициальный, пассивный зритель, что его дело теперь – нести благую весть, евангелие от Гreve, этим троим. Однако он то и дело, через равные промежутки времени кидал на меня вопросительный взгляд, словно ожидая намека на мою роль во всем этом.

Спустя какое-то время те двое из «Патфайндера», председатель правления и руководитель службы информации, принялись задавать Гreve свои вопросы, касавшиеся, естественно, его работы в «ХОТЕ». И Гreve отчитывался, как он и «ХОТЕ» взяли на себя испытание «Трейса» – густой жидкости, похожей на лак или гель, в одном миллилитре которой содержится около сотни передатчиков и которую можно нанести практически на любой объект. Этот блестящий лак практически невидим и, как обычный лак, настолько хорошо сцепляется с поверхностью, что удалить его можно лишь малярным скребком. Вот только мощность у передатчиков маленькая и сигнал от них такой слабый, что не проходит сквозь вещество плотнее воздуха – скажем, сквозь воду, лед, ил либо даже сквозь достаточно толстый слой пыли, покрывающий транспортное средство во время войн в пустыне.

Зато стены, даже толстая каменная кладка, для этих передатчиков, как правило, не препятствие.

– Были случаи, когда солдаты, на которых мы наносили «Трейс», исчезали с наших принимающих устройств из-за собственной грязи, – сказал Гreve. – У нас нет технологии, позволяющей сделать микроскопические передатчики достаточно мощными.

– Она есть у «Патфайндера», – сказал председатель правления. Это был мужчина лет пятидесяти с жидкими волосами, он время от времени крутил шеей, словно боялся, что та затечет, или словно он проглотил что-

то, что никак не пролезет в горло. Пожалуй, это был непроизвольный мышечный спазм, вызванный таким заболеванием, у которого бывает единственный исход. – Но к сожалению, у нас нет «Трейс» – технологии.

– С точки зрения технологии «ХОТЕ» и «Патфайндер» – прекрасная семья, – сказал Гreve.

– Безусловно, – осторожно ответил председатель правления. – Причем «Патфайндер» в роли неработающей домохозяйки, которой выдают мелочь на булавки.

– Вот именно, – усмехнулся Гreve. – К тому же «Патфайндеру» будет легче усвоить технологии «ХОТЕ», чем наоборот. Иными словами, я вижу для «Патфайндера» единственный реальный путь. А именно – решиться на одиночное плавание.

Я заметил, как «патфайндеры» переглянулись.

– Разумеется, Гreve, биография ваша впечатляет, – сказал председатель. – Но мы в «Патфайндере» видим своего руководителя таким, что ли, стайером, таким... Как вы это называете на вашем жаргоне?

– «Мужичок», – тут же подсказал Фердинанд.

– Да, таким вот мужичком. Хороший образ. Тем, кто ценит то, что уже есть, и строит дальше, камень к камню. Выносливый и терпеливый. А ваш послужной список, он такой... э-э-э, яркий и драматичный, но никак не свидетельствует о выдержке и упорстве – качествах, необходимых руководителю.

Клас Гreve, который внимательно слушал председателя, повернувшись к нему и с серьезным выражением на лице, теперь кивнул:

– Во-первых, сразу скажу, что разделяю ваше мнение: «Патфайндеру» нужен именно такой руководитель, как вы сказали. Во-вторых, я бы и сам не проявил интереса к вашему предложению, если бы не считал себя именно такой личностью.

– А вы правда такая личность? – осторожно поинтересовался другой представитель «Патфайндера», тщедушный тип, в котором я сразу, еще до представления, узнал руководителя службы информации. Кое-кого из них я сам же устраивал на работу.

Клас Гreve улыбнулся. Задушевной улыбкой, от которой не только смягчились его твердые как кремнь черты, но и полностью переменилось лицо. Я уже видел пару раз эту его уловку, превращающую его в проказливого мальчишку – вот, он может быть и таким тоже. Прием, сходный по воздействию с физическим прикосновением, о чем пишут Инбау, Рейд и Бакли, – интимный жест, заявка на доверительность, сейчас, дескать, я открою вам душу.

– Позвольте, я расскажу вам одну историю, – улыбнулся Гreve. – Поверить в которую, как мне кажется, будет непросто. А именно – что я на самом деле вечный неудачник. Лузер, что расстраивается, даже проигрывая в «орла и решку».

В ответ послышалось хмыканье.

– Но надеюсь, она кое-что говорит и о терпении и упорстве, – продолжил он. – В ББЕ охотился я как-то за одним довольно мелким наркодилером в Суринаме...

Я заметил, как оба «патфайндера» подались вперед. Фердинанд подлил им кофе, одновременно глянув на меня с торжествующей улыбкой.

И рот Класа Гreve пришел в движение. Губы шевелились, выпячиваясь вперед. Они выпячивались и втягивались назад там, где они не имели права этого делать. Интересно, она кричала? Конечно кричала. Диана обычно не могла сдержать крика – легкая добыча собственного вождения. Когда мы впервые занимались с ней любовью, мне вспомнилась скульптура Бернини «Экстаз святой Терезы» в капелле Корнаро. Отчасти из-за полуоткрытого рта Дианы и этого выражения страдания, даже боли, вздувшейся жилки на лбу и сосредоточенной морщинки между бровей. А отчасти потому, что Диана кричала. Мне всегда казалось, что охваченная экстазом святая кармелитка у Бернини кричит, когда ангел вытаскивает золотую стрелу из ее груди, чтобы пронзить ее снова. Во всяком случае, так мне все это представлялось, туда-сюда, образ божественного проникновения, совокупление в самом возвышенном смысле – но все равно совокупление. Но никакая святая не смогла бы кричать, как Диана. В Дианином крике было нестерпимое наслаждение, он, как стрела, вонзался в барабанную перепонку, так что мурашки бежали по всему телу. Жалобный и долгий, ее крик то нарастал, то затихал, словно звук летящей авиамодели. И такой пронзительный, что после первого любовного акта я проснулся от звона в ушах, а после трех недель любви решил, что у меня появились первые симптомы шума в ушах – нарастающий звук водопада, ну, по крайней мере водопада, под аккомпанемент флейты, то набирающей громкость, то сходящей на нет.

Я как-то, к слову, сказал, что боюсь за свой слух, пошутил, естественно, но Диана восприняла это без юмора. Наоборот, испугалась и чуть не расплакалась. И когда мы любили друг друга в следующий раз, я почувствовал на своих ушах ее нежные руки и сперва понял это как несколько необычную ласку. Но когда ее ладони охватили мои уши, превратившись в два теплых наушника, до меня дошло, что это – проявление истинной любви. Действенность его с акустической точки

зрения была невелика – звук буравил теперь кору мозга напрямую, но тем большим стало эмоциональное воздействие. Я не из тех мужчин, которые плачут, но, поняв, я разревелся как ребенок. Очевидно, потому, что знал теперь: никто и никогда не полюбит меня так, как эта женщина.

И теперь, глядя на Класа Гревелу и не сомневаясь, что она кричала и в его объятиях тоже, я тщетно пытался отделаться от преследующего меня вопроса. И как Диана не могла сдержать крика, так я не мог не спрашивать себя: неужели его она тоже держала за уши?

– След вел в заболоченную чащу джунглей, – говорил Клас Гревелу. – Марш-броски, восемь часов в день. И все равно мы все время чуть опаздывали, всегда появлялись чуть позже, чем надо. В конце концов все в группе сломалось, один за другим. Лихорадка, дизентерия, укусы змей или просто-напросто обычная усталость. Притом что тип этот был, как я уже сказал, довольно мелкой сошкой. Джунгли пожирают твой разум. Я был самым младшим, но под конец именно мне доверили командование. И мачете.

Диана и Гревелу. Когда я поставил свой «вольво» в гараже, вернувшись из квартиры Гревелу, то в какой-то миг хотел опустить окна, включить мотор и вдыхать углекислый газ, угарный газ и что там еще люди вдыхают – как-никак, это легкая смерть.

– Когда мы прошли по его следу шестьдесят три дня, одолев триста двадцать километров по самой отвратительной местности, какую можно себе вообразить, наш отряд сократился до меня и одного молокососа из Гронингена, слишком тупого, чтобы сойти с ума. Я вышел на связь со штабом и попросил прислать нам нидертерьера. Знаете такую породу? Нет? Лучшая в мире ищейка. И безграничной преданности – нападает на любого, на кого покажешь, вне зависимости от размеров. Друг на всю жизнь. В буквальном смысле слова. Вертолет сбросил собаку, годовалого щенка, прямо посреди джунглей огромного округа Сипаливини. Так же и кокаин, кстати, сбрасывают. Точка заброса находилась больше чем в десяти километрах от того места, где были мы. Казалось, ему не то что не отыскать нас – чудом будет, если он выживет в джунглях хотя бы сутки. Так вот, он нашел нас меньше чем за два часа.

Гревелу откинулся на спинку кресла. Теперь он полностью владел ситуацией.

– Я назвал его Сайдвиндер – как ракету, которая находит источник тепла, знаете, да? Я полюбил этого пса. И поэтому завел себе нидертерьера, вчера привез его из Нидерландов, это на самом деле внук Сайдвиндера.

Когда я вернулся после вторжения в квартиру Гревелу, Диана сидела в

гостиной и смотрела новости по телевизору. Шел репортаж с пресс-конференции старшего инспектора Бреде Сперре, перед ним торчал лес микрофонов. Он рассказывал про убийство. Раскрытое убийство. Убийство, раскрытое им в одиночку, по крайней мере, ощущение было такое. Сперре брутально глотал согласные, как радиоприемник в грозу, пропуск за пропуском, как у пишущей машинки со стершимися буквами. «Виновный завт-а предста-ет перед су-ом. Еще вопросы?» Все признаки восточно-норвежского говора были вытравлены из его речи – притом что он, если верить Google, восемь лет играл в баскетбол за Аммерюд. Заканчивая Полицейскую академию, был вторым на курсе по количеству баллов. В портретном интервью для женского журнала отказался ответить, есть ли у него любовница на работе. Дескать, возможная любовница привлечет внимание как СМИ, так и тех элементов, которых он ловит. Впрочем, ничто на глянцевої фотографии в том же журнале – полурасстегнутая рубашка, полужакрытыя глаза, двусмысленная улыбка – не указывало на наличие любовницы.

Я встал позади Дианиного кресла.

– Он теперь в Крипосе [\[13\]](#), – сказала она. – Убийства, все такое.

Я это и сам, разумеется, знал, я гуглил Бреде Сперре каждую неделю, чтобы знать, что он поделяет, не сказал ли чего в газетах про шайку похитителей предметов искусства. Кроме того, я еще и расспрашивал о нем при случае – Осло город маленький. Я был в курсе.

– Сочувствую, – сказал я непринужденно. – Теперь он нечасто сможет заглядывать к тебе в галерею.

Она улыбнулась и взглянула на меня снизу вверх, а я посмотрел на нее сверху, усмехнулся, теперь наши лица находились в обратном соотношении против обычного. И на какой-то миг мне подумалось, что ничего этого с Грехе не было, что я просто вообразил это, чересчур живо и ярко, как другие воображают время от времени самое плохое, что может случиться в их жизни, чтобы прочувствовать это и понять, стоит ли жить дальше. И, словно желая получить подтверждение, что это только фантазия, я сказал, что надо бы на самом деле заказать поездку в Токио в декабре. Но она, так стремившаяся туда, изумленно посмотрела на меня и сказала, что не может закрыть галерею на Рождество, это же высокий сезон. И что никто не ездит в Токио в декабре, там ведь холодина. Тогда я спросил насчет весны – может, уже забронировать билеты? И она ответила, что не стоит так далеко загадывать, лучше подождать и посмотреть, как все сложится. Конечно, ответил я и сказал, что пойду лягу, что я очень устал.

Спустившись вниз, я зашел в детскую, подошел к мицуко-дзидзо и

преклонил колени. К алтарю по-прежнему никто не прикасался. Не стоит так далеко загадывать. Лучше подождать и посмотреть. Я вынул из кармана маленький темно-красный футляр, погладил пальцем его шелковистую поверхность и поставил рядом с маленьким каменным буддой, охраняющим наше водяное дитя.

— Два дня спустя мы нашли-таки этого наркодилера в одной деревушке. Его прятала юная невинная девушка-иностранка, которая, как выяснилось, стала его любовницей. Эта публика обычно находит таких вот невинно выглядящих девиц и использует их в качестве курьеров. Пока девушек не схватят на таможне и не посадят на пожизненный срок. К этому времени прошло шестьдесят пять дней от начала погони. — Клас Гreve подавил вздох. — Что до меня, я был готов гоняться за ним еще столько же.

Молчание наконец нарушил руководитель службы информации:

— И вы его задержали?

— Не только его. Он и его любовница дали нам сведения, позволившие задержать еще более двадцати его подельников.

— Но как... — начал председатель правления, — как происходит захват таких... хм, десперадо?

— В данном случае довольно спокойно, — сказал Клас Гreve и заложил руки за голову. — Для Суринама. Когда мы взяли штурмом дом, он, положив на стол оружие, помогал любовнице крутить мясо через мясорубку.

Председатель захохотал и глянул на руководителя службы информации, и тот покорно поддержал шефа противным боязливым смешком. Потом дуэт превратился в трио, когда к нему добавился высокий писклявый смех Фердинанда. А я разглядывал их бессмысленные лица, думая, что вот бы мне теперь ручную гранату.

После того как Фердинанд закруглил собеседование, я отправился проводить Класа Гreve, пока остальные трое взяли паузу для подведения итогов.

Я довел Гreve до лифта и нажал на кнопку.

— Более чем убедительно, — сказал я, сложив руки на животе и глядя на табло с высвечивающимися цифрами этажей. — Как соблазнитель ты делаешь успехи.

— Соблазн соблазну рознь. Надеюсь, Роджер, ты не считаешь нечестным стремление продать себя подороже?

— Нет, конечно. На твоём месте я сделал бы то же самое.

— Спасибо. Когда будет подписано назначение?

— Сегодня вечером.

— Прекрасно.

Двери лифта распахнулись, мы вошли в него, стояли и ждали.

– Я просто подумал, – сказал я. – Этот человек, которого вы преследовали...

– Да?

– Это, случайно, не тот же самый, который пытал тебя в подвале?

Греве улыбнулся:

– Как ты догадался?

– Просто предположил.

Двери снова закрылись.

– И ты удовлетворился простым задержанием?

Греве поднял одну бровь:

– Тебе в это трудно поверить?

Я пожал плечами. Лифт поехал вниз.

– План был – отнять у него жизнь, – сказал Греве.

– Значит, было за что отомстить?

– Да.

– А какая ответственность бывает в нидерландской армии за умышленное убийство?

– Всегда есть способ сделать, что никто ничего не узнает. Курацит.

– Яд? Которым смазывают стрелы?

– Им пользуются охотники за головами в нашей части света.

Намеренная двусмысленность, понял я.

– Раствор курацита в каучуковой капсуле размером с виноградину с острой, почти невидимой иглой. Помещается в матрас объекта. Когда объект ложится, игла вонзается в тело, которое своей тяжестью выдавливает яд из резиновой капсулы.

– Но он ведь был в доме, – сказал я. – И к тому же имел свидетеля в лице этой девушки.

– Именно.

– Так как ты его заставил выдать своих?

– Я предложил ему сделку. Велел моему товарищу держать его, а сам засунул его руки в мясорубку и сказал, что мы провернем их и скормим фарш собаке у него на глазах. Тут он и заговорил.

Я молча кивнул, представив себе эту сцену. Двери лифта открылись, и мы пошли к выходу. Я распахнул перед Греве входную дверь.

– А что было потом, когда он все сказал?

– В каком смысле? – сказал Греве, щурясь на небо.

– Ты-то выполнил свою часть сделки?

– Я-то... – ответил Греве, достал из нагрудного кармана темные очки

«Мауи-Джим-Титаниум» и надел их. – Я всегда выполняю свою часть сделки.

– Значит, простой арест? Стоило ради этого два месяца охотиться за этим типом, да еще рискуя жизнью?

Греве тихо рассмеялся:

– Ты не понимаешь, Роджер. Для таких, как я, прекратить охоту – это невозможно. Я, как и моя собака, – результат селекции и дрессировки. Риска для нас просто не существует. Я как запущенная ракета с тепловым наведением – ее не остановишь, она сама, в силу своего устройства, стремится к саморазрушению. Вот тебе случай проверить свои познания в психологии. – Он взял меня за локоть, улыбнулся тонкой улыбкой и прошептал: – Только этот диагноз держи при себе.

Я продолжал стоять, придерживая дверь.

– А девушка? Ее ты как заставил заговорить?

– Ей было четырнадцать лет.

– И?

– А сам как думаешь?

– Я не знаю.

Греве глубоко вздохнул.

– Я не понимаю, почему у тебя сложилось такое мнение обо мне, Роджер. Я не допрашиваю несовершеннолетних девочек. Я взял ее с собой в Парамарибо, купил ей билет на самолет из собственного солдатского жалованья и первым же рейсом отправил домой к родителям, пока суринамская полиция не успела вонзить в нее свои когти.

Я смотрел ему вслед, пока он шел быстрым шагом к серебристому «лексусу-GS430» на парковке.

Этот осенний день был ослепительно прекрасен. А в день моей свадьбы шел дождь.

10. Порок сердца

Я в третий раз нажал на кнопку Лотте Мадсен на щитке домофона. Правда, таблички с именем рядом не было, но я уже столько раз в жизни звонил в эту дверь на Эйлерт-Сундтс-гате, что вряд ли мог перепутать.

Стемнело и похолодало рано и резко. Я поежился. Лотте долго медлила, когда я позвонил ей с работы после обеденного перерыва и спросил, можно ли к ней зайти после восьми. Когда же она наконец довольно односложно удостоила меня аудиенции, я понял, что это было, видимо, нарушение данной самой себе клятвы: никогда больше не иметь дела с человеком, который ее так безжалостно бросил.

Домофон закурлыкал, и я рванул на себя дверь подъезда, словно боясь упустить единственный шанс. И пошел по лестнице, не воспользовавшись лифтом, чтобы не столкнуться с каким-нибудь любопытным соседом, который запросто начнет разглядывать, опознает и сделает выводы.

Лотте чуть приоткрыла дверь, и я смог разглядеть ее бледное лицо.

И шагнул внутрь, закрывая за собой дверь:

– Вот и я.

Он не ответила. Как обычно.

– Ну как поживаешь? – спросил я.

Лотте Мадсен пожала плечами. Вид у нее был такой же, как в первый раз, когда я ее увидел, – испуганный щенок, маленький, взъерошенный, с растерянными карими глазами. Сальные волосы, свисающие вдоль лица, сутулые плечи, бесформенная одежда неопределенного цвета, оставляющая впечатление, что эта женщина скорее стремится спрятать, чем продемонстрировать свое тело. Для чего у нее не было никаких оснований. Лотте была стройная, прекрасно сложенная, с чистой великолепной кожей. Но излучала покорность, как, видимо, все женщины определенного типа, которых вечно бьют, вечно бросают и которые никогда не получают то, чего заслуживают. Наверное, этим она и пробудила во мне то, о существовании чего я и сам не догадывался: покровительственный инстинкт. В довесок к почти платоническим чувствам, давшим начало нашей непродолжительной связи. Или интрижке. Интрижке, да. Связь – это настоящее время, интрижка – прошедшее. Я впервые увидел Лотте Мадсен на вернисаже у Дианы прошлым летом. Она стояла в другом конце зала, не сводя с меня взгляда, и спохватилась слишком поздно. Застать женщину на месте

преступления всегда приятно, а так как я не был уверен, что ее взгляд снова обратится ко мне, то сам устремился к той картине, которую она разглядывала, и представился. Скорее из любопытства, разумеется, поскольку все еще был – в силу моей натуры – патологически верен Диане. Злые языки, возможно, утверждали, что это был результат оценки рисков, а не любви. Ведь я знал: в том, что касается привлекательности, Диана – игрок более высокого дивизиона, чем я, а значит, я не могу воспользоваться подобными шансами, не рискуя угодить в дивизион ниже.

Все может быть. Но Лотте Мадсен была из моего дивизиона.

У нее был вид чудаковатой художницы, и я по инерции решил, что так оно и есть, – либо она любовница чудаковатого художника. Никак иначе не объяснить того, что эти растянутые коричневые вельветовые брюки и скучный тесный серый свитерок пропустили на вернисаж. Но она оказалась покупательницей. Не за собственный счет, естественно, а для одной датской фирмы, которая обставляла свой новый офис в Оденсе. Лотте была переводчиком-фрилансером, переводила с норвежского и испанского: брошюры, статьи, инструкции, фильмы и кое-какую профессиональную литературу. Датская фирма была одним из ее постоянных заказчиков.

Разговаривала Лотте тихо и с неуверенной, робкой улыбкой, словно не понимала, как кто-то может тратить свое время на беседу с ней. Я тут же увлекся Лотте Мадсен. Да, пожалуй, «увлекся» – точное слово. Она была очаровательная. И маленькая. Метр пятьдесят девять. И спрашивать было незачем – у меня на рост неплохой глазомер. По выходе с вернисажа в тот вечер я уже имел ее телефонный номер – чтобы передать ей фотографии других работ выставившихся там художников. В тот момент я, видимо, еще полагал, что действую искренне.

В следующий раз мы с ней встретились попить кофе в «Суши & Кофе». Я объяснил, что не намерен показывать ей никаких снимков, а тем более присылать по электронной почте, потому что картинки на экране, как и я сам, лгут. Быстренько проскочив тему картин, я поведал ей, что несчастлив в браке, но связан чувством долга по причине безграничной любви ко мне моей жены. Старейший в мире штамп для расклада «женатый мужчина – незамужняя женщина» и наоборот, но у меня сложилось впечатление, что она его раньше не слышала. Я, в общем-то, тоже на тот момент, но, по крайней мере, слышал о нем и предположил, что он должен сработать. Она взглянула на часы и сказала, что ей пора идти, а я спросил, нельзя ли мне как-нибудь заскочить к ней вечером и показать другого художника, который, на мой взгляд, представляет больший

инвестиционный интерес для ее заказчика в Одессе. Она, поколебавшись, согласилась.

Я прихватил несколько дрянных картин из галереи и бутылку красного вина из нашего подвала. Что Лотте сдастся, было видно с первого мгновения, когда она открыла мне дверь в тот жаркий летний вечер. Я травил ей всякие смешные байки о собственных промахах, из тех, что словно бы выставляют тебя в невыгодном свете, но на самом деле показывают, что ты достаточно успешен и уверен в себе для самоиронии. Она рассказала, что была единственным ребенком в семье, что в детстве и юности ездила по всему миру с родителями, что отец был главным инженером в международной водопроводной компании. Что она особо не привязана к месту и Норвегия не хуже и не лучше прочих стран. Для человека, говорящего на столь многих языках, говорила она не слишком много. Переводчица, думал я. Предпочитает чужие истории собственным.

Она спросила меня о моей жене. «Твоя жена», она так и сказала, хотя должна была знать имя Дианы, раз получила приглашение на вернисаж. Чем облегчила для меня разговор. И для себя.

Я объяснил, что наш брак дал трещину, когда «моя жена» забеременела, а я не хотел ребенка. И поэтому, как она считает, уговорил ее сделать аборт.

– Что, правда? – спросила тогда Лотте.

– Допустим.

Я заметил, как она переменилась в лице, и спросил, в чем дело.

– Родители уговорили меня сделать аборт. Потому что я была еще подростком и у ребенка не будет отца. Я до сих пор их ненавижу за это. Их и себя.

Я сглотнул. Сглотнул и пояснил:

– В нашем случае у младенца был синдром Дауна. Восемьдесят пять процентов родителей, узнав об этом, выбирают аборт.

И тут же пожалел о сказанном. Что я думал? Что после объяснения про синдром Дауна Лотте станет более понятно, почему я не захотел иметь ребенка от собственной жены?

– Большая вероятность, что твоя жена все равно бы потеряла этого ребенка, – сказала Лотте. – Синдром Дауна часто сопровождается пороком сердца.

Порок сердца, подумал я и в душе поблагодарил ее за помощь, за то, что она снова все мне упростила. Нам обоим.

Через час мы уже сняли с себя всю одежду, и я праздновал победу, которую более привычный к победам мужчина счел бы слишком легкой, –

однако я парил потом в облаках дни напролет. Недели. Точнее, три с половиной недели. У меня ведь появилась любовница. Которую я бросил спустя двадцать четыре дня.

Сейчас, когда она стояла передо мной в дверях, все это казалось нереальным.

У Гамсуна где-то сказано, что нам, людям, любовь быстро приедается. Что нам не хочется того, что достается слишком большими порциями. Неужели мы и правда настолько банальны? Очевидно, да. Однако со мной произошло не это. То, что произошло со мной, называется нечистая совесть. Не оттого, что я не мог ответить на влюбленность Лотте, но оттого, что я любил Диану. Не признать этого было невозможно, однако поводом к разрыву стал ерундовый и нелепый эпизод. Было позднее лето, двадцать четвертый день нашего греха, и мы легли в постель в тесной двухкомнатной квартирке Лотте на Эйлерт-Сундтс-гате. До этого мы болтали весь вечер – а вернее, болтал я. Рисуя и описывая жизнь такой, как я ее вижу. Это я умею, в манере Пауло Коэльо, которая завораживает интеллектуально покладистых людей, но раздражает более взыскательных. Взгляд печальных карих глаз Лотте не отрывался от моих губ, ловя каждое слово, – я буквально видел, как она всем существом вплетается в домотканое полотно моих мыслей, как ее мозг претворяет мои соображения в собственные, как она влюбляется в мой ум. Сам я давно уже влюбился в ее влюбленность, в преданные глаза, молчаливость и тихие, жалобные, едва слышные любовные стоны, совсем не похожие на завывания Дианиной циркулярной пилы. От этой влюбленности я три с половиной недели пребывал в состоянии непрерывного возбуждения. Так что когда я иногда прерывал свой монолог, то нагибался к ней, клал ладонь ей на грудь, и дрожь сотрясала Лотте – или меня, – и мы кидались в двери спальни, к икеевской кровати шириной в сто один сантиметр с многообещающим названием «Брекке»^[14]. В тот вечер стоны были громче обычного, и она шептала мне в ухо что-то по-датски, чего я не понял, датский вообще трудный язык – датские дети ведь начинают говорить позже других европейских детей, – но что тем не менее подействовало на меня необычайно возбуждающе, и я увеличил скорость. Обычно Лотте с осторожностью относилась к такому нарастанию темпа, но в этот раз вцепилась в мои ягодицы и прижала меня к себе, что я понял как пожелание увеличить мощность и частоту. Я подчинился, заставляя себя думать об отце в открытом гробу во время похорон, – зарекомендовавший себя рецепт от преждевременного семяизвержения. Или в данном случае –

от семяизвержения вообще. Хотя Лотте и говорила, что пьет противозачаточные таблетки, от мысли о ее беременности у меня останавливалось сердце. Я не знаю, достигала ли Лотте оргазма, когда мы любили друг друга, ее обычно тихое и сдержанное поведение заставляло предположить, что оргазм ее будет не сильнее, чем рябь на поверхности воды, то есть нечто, чего я просто-напросто могу не заметить. А ее, такую ранимую, я просто не смел мучить подобными расспросами. Я почувствовал, что пора остановиться, но позволил себе еще один мощный толчок. И почувствовал, как наткнулся на что-то там внутри. Ее тело напряженно застыло, глаза и рот распахнулись до предела. Затем ее тело содрогнулось, а взгляд сделался таким диким, что я решил, будто спровоцировал эпилептический припадок. И тут я ощутил, как что-то горячее, еще горячее, чем ее лоно, охватывает мой член, и в следующий миг волна окатила мне живот, бедра и мошонку. Приподнявшись на локтях, я посмотрел с недоверием и ужасом в точку, где соединялись наши тела. Ее лоно сжималось так, словно хотело вытолкнуть меня, ее стон был глубоким, ревушим, какого я никогда прежде не слышал, и тут пришла вторая волна. Влага выплеснулась из нее, просочилась между нашими бедрами и вытекла на матрас, еще не успевший впитать первую волну. Господи, подумал я. Я пробил в ней дырку. Мозг в панике искал причины. Она беременна, подумал я. И я как раз пробил дыру в околоплодном пузыре, и теперь все это дело течет на кровать. Господи, да мы сейчас всплывем к чертовой матери, это водяное дитя, еще одно водяное дитя. Ладно, допустим, я читал про так называемый «струйный оргазм» у женщин и даже видел его в паре порнофильмов, но относился к этому как к обману, выдумке, мужской фантазии. Единственное, о чем я мог думать, была расплата, божья кара за то, что я уговорил Диану сделать тогда аборт: теперь я убил невинного ребенка своим неосторожным членом.

Я слез на пол и сорвал с постели одеяло, Лотте съежилась, но я не обращал внимания на ее сжавшееся голое тело, только смотрел не отрываясь на темное пятно, расплывающееся по простыне. Постепенно до меня доходило, что случилось. Или, вернее, чего, к счастью, не случилось. Но непоправимое уже произошло, теперь слишком поздно и назад дороги нет.

– Я должен уйти, – сказал тогда я. – Так продолжаться не может.

– Что? – едва слышно прошептала Лотте, по-прежнему в позе эмбриона.

– Мне ужасно жаль, – сказал я. – Но я должен идти домой и просить прощения у Дианы.

– Ты его все равно не получишь, – прошептала Лотте.

Я не слышал ни звука из спальни, покуда смывал в ванной ее запах с ладоней и губ, а потом я ушел, и все равно этот запах преследовал меня.

И вот три месяца спустя я вновь стоял в ее передней и понимал, что теперь не Лотте на меня, а я на нее смотрю собачьими глазами.

– Ты можешь меня простить? – спросил я.

– А она что, не смогла? – спросила Лотте без всякой интонации.

Или, может, это была датская интонация.

– Я не рассказывал ей про то, что случилось.

– А почему?

– Сам не знаю, – сказал я. – Есть большая вероятность, что у меня порок сердца.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. И я уловил тень улыбки в этих ее карих, очень печальных глазах.

– Зачем ты пришел?

– Потому что не могу забыть тебя.

– Зачем ты пришел? – повторила она с твердостью, которой я раньше не слышал.

– Просто подумал, что мы могли бы... – начал я, но она перебила:

– Зачем, Роджер?

Я вздохнул:

– Я больше не виноват перед ней. У нее есть любовник.

Последовало долгое молчание.

Лотте чуть оттопырила нижнюю губу:

– Она разбила твое сердце?

Я кивнул.

– А теперь ты хочешь, чтобы я тебе его обратно склеила?

Прежде я не слышал от этой молчаливой женщины таких легких и непринужденных формулировок.

– Это тебе не под силу, Лотте.

– Нет, конечно. А кто ее любовник?

– Да один тип, который искал через нас работу и который теперь ее, скажем так, не получит. Может, поболтаем о чем-нибудь другом?

– Просто поболтаем?

– Тебе решать.

– Да, решаю я. Мы просто поболтаем. Болтать будешь ты.

– Само собой. Я принес вина.

Лотте едва заметно покачала головой. И отвернулась. Я пошел за ней.

Я болтал, пока не кончилось вино в бутылке, и уснул на диване. А

проснулся в ее объятиях, она ласково гладила меня по волосам.

– Знаешь, на что я первым делом обратила внимание, когда тебя увидела? – спросила она, заметив, что я проснулся.

– На волосы, – сказал я.

– Я что, раньше говорила?

– Нет, – сказал я и взглянул на часы.

Полдесятого. Пора возвращаться домой. Н-да, к развалинам дома. Меня охватил ужас.

– Можно, я опять приду? – спросил я.

И заметил, что она колеблется.

– Ты нужна мне, – сказал я.

Я знал, что это не слишком весомый аргумент, что он позаимствован у женщины, которая предпочла «Куинс парк рейнджерс», потому что этот клуб заставил ее почувствовать себя востребованной. Но это был мой единственный аргумент.

– Не знаю, – сказала она. – Давай я немножко подумаю.

Когда я вернулся, Диана сидела в гостиной и читала большую книгу. Ван Моррисон пел «Someone like you makes it all worth while»^[15], и она не услышала меня, пока я не встал перед ней и не прочел вслух названия на обложке:

– «У нас будет ребенок»?

Она вздрогнула, потом, просияв, смущенно сунула книгу в шкаф за спиной.

– Ты сегодня поздно, любимый. Занимался чем-нибудь приятным или все работал?

– И то и другое, – сказал я и подошел к окну.

Гараж купался в лунном свете, но пройдет еще много часов, прежде чем Уве заберет полотно.

– Я тут сделал пару звонков и немножко подумал насчет назначения кандидата в «Патфайндер».

Она восторженно всплеснула руками:

– Потрясающе! Это будет тот самый, которого я подсказала, этот... как же его?

– Гreve.

– Клас Гreve! Вот склероз! Надеюсь, когда он узнает, он купит у меня какую-нибудь картину подороже – я ведь заслужила?

Она возбужденно улыбнулась, расправила поджатые под себя стройные ноги и вытянула вперед, потянулась и зевнула. И словно когти

охватили мое сердце и сжали, как пузырь с водой, и мне пришлось поспешно опять отвернуться к окну, чтобы она не прочитала боль на моем лице. Женщина, которой я верил, не просто предала меня, не просто привычно носила маску – она профессионально играла роль. Я сглотнул, ожидая, пока снова смогу овладеть собственным голосом.

– Гreve – неподходящая кандидатура, – сказал я, разглядывая ее лицо в оконном стекле. – Я предложу им другого.

Нет. Все-таки не вполне профессионально. Потому что это ей оказалось трудно проглотить, я видел, как у нее отвисла челюсть.

– Ты шутишь, любимый. Он такой замечательный. Ты сам говорил...

– Я ошибся.

– Ошибся? – Я с удовлетворением уловил пронзительные нотки в ее голосе. – Господи, в каком смысле?

– Гreve иностранец. Он ниже метра восьмидесяти. И страдает некоторыми расстройствами личности.

– Ниже метра восьмидесяти? Господи, Роджер, сам-то ты ниже метра семидесяти. Это ты страдаешь расстройствами личности.

Удар пришелся в цель. Не насчет расстройств моей личности, хотя с этим она, естественно, права. Я собрался – голос не должен дрогнуть:

– А в чем дело, Диана, почему такая бурная реакция? Я тоже возлагал надежды на Класа Гreve, но ведь сплошь и рядом бывает, что человек разочаровывает нас и не оправдывает ожиданий.

– Но... но ты ошибся. Неужели ты не понимаешь? Он именно тот, кто нужен!

Я повернулся к ней, попытавшись изобразить надменную улыбку.

– Слушай, Диана, я один из лучших профессионалов в своем деле. Это я решаю и я оцениваю людей. Бывает, что я ошибаюсь с оценками в частной жизни...

Я заметил, как ее лицо чуть дрогнуло.

– Но никогда – по работе. Никогда.

Она молчала.

– Я зверски устал, – сказал я. – Плохо спал прошлой ночью. Спокойной ночи.

Лежа в постели, я слышал ее шаги наверху. Неугомонные, туда-сюда. Голоса я не слышал, но знал, что она обычно так расхаживает, когда говорит по мобильному. Тут мне подумалось, что этим мы отличаемся от поколения, выросшего при беспроводной связи: ходим, говоря по телефону, словно все еще в восторге оттого, что подобное возможно. Я где-то читал, что современный человек тратит на общение в шесть раз больше времени,

чем наши деды. Так что мы общаемся больше – но лучше ли? Почему я, например, не сказал Диане напрямую: мне известно, что они были вдвоем с Класом Гreve в его квартире? Не потому ли, что я знал – она ничего не сможет толком объяснить и я все равно останусь наедине со своими догадками и предположениями? Она может, например, сказать, что это была случайная встреча, ошибка, а я все равно буду знать, что это не так. Ни одна женщина не станет манипулировать мужем, чтобы тот устроил на хорошо оплачиваемую работу мужчину, с которым у нее была лишь мимолетная связь.

Но у меня имелись, разумеется, и другие причины помалкивать. Пока я делаю вид, что ничего не знаю о Диане и Гreve, никто не упрекнет меня в том, что я оцениваю его не по профессиональным критериям и вместо того, чтобы порекомендовать это назначение Фердинанду, сам занимаюсь моей маленькой, ничтожной мстью. К тому же еще вопрос, как объяснить, что навело меня на подозрения. Во всяком случае, я совершенно не собирался посвящать Диану в то, что я вор и регулярно вскрываю чужие квартиры.

Я повернулся на другой бок и слушал, как ее каблучки-шпильки непрестанно выстукивают свою монотонную, непонятную морзянку – вниз, мне. Хотелось спать. Хотелось видеть сны. Хотелось прочь отсюда. А потом проснуться и все забыть. Потому что на самом деле именно это – главная причина, что я ничего ей не сказал. Пока слово не произнесено, остается хоть какая-то возможность забыть. Взять и заснуть и видеть сны, а потом проснешься – и все исчезло, стало абстракцией, сценой из чего-то, что есть только у тебя в голове, вроде тех предательских мыслей и фантазий, которые суть ежедневная измена всякой, даже самой всепоглощающей любви.

Тут я подумал, что раз она говорит по телефону, значит обзавелась новой трубкой. И вид этого нового телефона станет конкретным, простым и неоспоримым доказательством: то, что случилось, не было сном. Когда она наконец пришла в спальню и стала раздеваться, я притворился спящим. Но в бледной полоске лунного света, сочащегося между гардинами, я сумел разглядеть, что она отключила мобильный, прежде чем сунуть его в карман брюк. И что телефон был тот самый. Черный «Прада». Значит, возможно, это только сон. Я чувствовал, как дрема одолевает меня, как я погружаюсь в нее все глубже. Или, может, она купила такой же. Погружение прекратилось. Или, может, он нашел ее телефон и они встретились снова. Я встал, вновь разбив поверхность накатывающей дремы и понимая, что этой ночью мне больше не уснуть.

Около полуночи я все еще лежал не смыкая глаз и через открытое окно

словно бы услышал слабый звук, донесшийся снизу, из гаража, – возможно, это Уве явился за Рубенсом. Но как я ни напрягал слух, я так и не услышал, как он выехал. Наверное, я все же заснул. Мне снился мир на дне моря. Счастливые, улыбающиеся мужчины, молчаливые женщины и дети, выпускающие изо рта булькающие словесные пузыри. Ничто не предвещало того кошмара, который поджидал меня по другую сторону этого сна.

11. Курацит

Я проснулся в восемь и позавтракал в одиночестве. Для человека с нечистой совестью Диана спала довольно крепко. Сам я сумел урвать от силы пару часов. Без четверти девять я спустился в гараж и закрылся изнутри. Из открытого окна по соседству доносился тяжелый рок, я опознал «Турбонегро» – не по музыке, а по их английскому произношению. Свет на потолке включился автоматически и озарил мой «вольво», который величаво, но верноподданно ожидал своего владыку. Я схватился за ручку и тут же отскочил. На переднем сиденье находился человек! Когда миновал первый испуг, я разглядел длинное, как лопасть весла, лицо Уве Хикерюда. Сказалась, видно, ночная нагрузка в последние сутки, потому что Уве сидел там с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом. И спал он, очевидно, крепко, потому что, когда я открыл дверь, он по-прежнему не отреагировал. Тогда я гаркнул голосом, выработанным на трехмесячных сержантских курсах, куда поступил против воли отца: «Доброе утро, Хикерюд!» У него даже веки не шевельнулись. Я уже сделал вдох, чтобы сыграть побудку, когда увидел, что обивка на потолке раскрыта и оттуда торчит край картины Рубенса. Внезапный холодок, как если бы легкое облачко закрыло весеннее солнце, заставил меня вздрогнуть. И вместо того чтобы издавать и дальше всякие звуки, я взял его за плечо и чуть потряс. По-прежнему никакой реакции.

Я потряс сильнее. Его голова безвольно моталась туда-сюда.

Я взялся большим и указательным пальцем за то место на шее, где, как я полагал, проходит артерия, но не мог понять, что я чувствую – его пульс или отзвук моего колотящегося сердца. Но Уве был холодный. Слишком холодный, ведь такого же не может быть! Трясущими пальцами я приподнял его веки. И все сразу стало понятно. Я рефлексивно отпрянул, когда на меня безжизненно уставились черные зрачки.

Я всегда считал себя человеком, способным ясно мыслить в критических ситуациях, человеком, которому несвойственно впадать в панику. Наверное, потому, что в жизни у меня практически не возникало ситуаций настолько критических, чтобы они могли вызвать панику. Если не считать того раза, когда Диана забеременела, – тогда я впал-таки в некоторую панику. Так что на самом деле я, наверное, паникер. Во всяком случае, теперь о себе заявили всякие малорациональные мысли. Что машину хорошо бы помыть. Что эту рубашку – с вышитым логотипом

Диора – Уве Хикерюд, видимо, купил, когда ездил в отпуск в Таиланд. И что «Турбонегро» на самом деле то, чего про них никто не скажет, а именно группа смирных и старательных зубрил. Но я понимал, к чему все идет, – а шло все к тому, что я теряю контроль над ситуацией, и тут я зажмурился и прогнал эту мысль ко всем чертям. Потом я снова открыл глаза, и, должен признаться, в этот момент я попытался приманить хоть крохотную надежду. Но нет, реальность осталась той же, труп Уве Хикерюда никуда не делся.

Первый вывод был прост: от Уве Хикерюда надо избавиться. Если кто-то обнаружит его тут, то выплывет на свет и все остальное. Я решительно подтолкнул Хикерюда к рулю, нагнулся над ним сзади и, обхватив за грудь, потащил наружу. Уве оказался тяжелый, а руки его задрались, точно он пытался вывернуться из моей хватки. Я снова поднял его и перехватил, но все повторилось: его ладони взметнулись к моему лицу, а палец даже зацепил угол моего рта. Почувствовав, как обкусанный ноготь царапнул мой язык, я принялся отчаянно плевать, но горький никотиновый вкус во рту все равно остался. Я опустил Уве на пол, открыл багажник, но когда попытался затащить его туда, то у меня в руках оказались его куртка и рубаша, а сам он остался сидеть на цементном полу. Выругавшись, я ухватился одной рукой за его брючный ремень, рванул и забросил его головой вперед в мое багажное отделение вместимостью четыреста восемьдесят литров. Голова глухо ударилась о пол багажника. Я захлопнул крышку и отряхнул ладонь о ладонь, как человек, хорошо выполнивший физическую работу.

Затем я снова подошел к водительскому месту. Никаких следов крови на массажной накидке на сиденье из деревянных шариков, которой пользуются таксисты всего мира. Ну и от чего же тогда умер Уве, черт возьми? От инфаркта? Инсульта? От передоза какой-нибудь гадости? Поняв, что любительская диагностика сейчас – только напрасная трата времени, я уселся за руль и ощутил, что деревянные шарики сиденья еще, как ни смешно, теплые. Эта накидка была единственным, что я получил в наследство от отца, он пользовался ею по причине геморроя, а я – во избежание этой дряни, к которой был наследственно предрасположен. Внезапная боль в ягодице заставила меня дернуться, и я чувствительно ударился коленом о руль. Я вылез из машины. Боль исчезла – это, несомненно, был укол или укус насекомого. Я наклонился над сиденьем, но приглушенное освещение в салоне не позволяло ничего разглядеть. Может, я сел на полудохлую осу, которая потом уползла? Но для ос вроде бы уже поздновато. Что-то блеснуло между деревянными шариками. Я наклонился ниже. Из сиденья торчало тонкое, едва различимое острие. Бывает, что мозг

срабатывает прежде, чем получит нужные сведения. Только этим можно было объяснить смутное предчувствие, от которого сердце едва не выскочило из груди еще прежде, чем я поднял накидку и увидел, что под ней лежит.

По размеру капсула была как раз с виноградину. И каучуковая, в точности как описывал Гreve. Не совсем круглая: дно было плоским, явно для того, чтобы игла шприца всегда торчала точно вверх. Я поднес резиновый шарик к уху и потряс, но ничего не услышал. К счастью для меня, все содержимое выдавилось в Уве Хикерюда, когда он сел на эту капсулу. Я потер ягодицу и прислушался к ощущениям. Голова чуть кружилась, но у кого она не закружится после того, как он затащит в багажник труп коллеги, а затем плюхнется задницей на шприц с курацитом – смертельное оружие, совершенно очевидно ожидавшее именно меня? Мне стало смешно – так на меня иногда действует страх. Я закрыл глаза и вдохнул.

Глубоко. Сосредоточенно. Смех ушел, разум вернулся. Это какая-то чертовщина, такого быть не может. Или? Ведь именно этого можно ждать от такой жестокой и психопатической личности, как Клас Гreve, если он захочет убрать мужа с дороги? Я пнул крышку. Раз, два. На мыске моей туфли от Джона Лобба появилось сероватое пятно.

Но как Гreve получил доступ к машине? Как, черт его дери, он...

Дверь гаража скользнула вверх, и ответ сам шагнул мне навстречу.

12. Наташа

Диана стояла в дверях и смотрела на меня. Она одевалась явно в спешке, волосы торчали в разные стороны. А голос был едва слышным шепотом:

– Милый, что случилось?

Я посмотрел на нее, и у меня в голове пронесся тот же вопрос. И я почувствовал, как от ответов осколки моего уже разбитого сердца рассыпаются в порошок.

Диана. Моя Диана. Это не мог быть никто другой, кроме нее. Это она поместила яд под сиденье. Они с Грете действовали сообща.

– Я хотел сесть и увидел, что из-под сиденья торчит эта иголка, – сказал я и протянул ей резиновый шарик.

Она подошла и осторожно взяла у меня оружие убийства. Осторожность ее уличала.

– Какое счастье, что ты не сел на нее, – сказала она, рассматривая вещь. – Что это вообще такое?

О нет, она играет очень профессионально!

– Да не знаю, – сказал я небрежно. – А зачем ты пришла?

Она посмотрела на меня, рот ее приоткрылся, и какое-то мгновение я видел перед собой совершенно пустое, отсутствующее лицо.

– Я...

– Да, милая?

– Я лежала в постели и услышала, как ты спустился в гараж, но не услышала, как отъезжает машина. И решила, естественно, что что-то стряслось. И испугалась, конечно.

– Да что стряслось – какая-то иголка, и все, милая.

– Такие иголки могут быть опасны, любимый!

– Неужели?

– А ты что, не знаешь? СПИД, бешенство, всякие вирусы и инфекции.

Она сделала шаг ко мне, я узнал эти движения, смягчившийся взгляд, вытянутые губы – она собиралась обнять меня. Но не обняла, что-то остановило ее – наверное, что-то в моем взгляде.

– Ах да, – сказала она, посмотрела на резиновую капсулу и положила на верстак, которым я никогда не пользовался. Потом стремительно подошла, обвила меня руками, чуть наклонившись, чтобы сократить разницу в росте, прижалась подбородком к моему горлу и провела левой

рукой сквозь мои волосы. – Мне немножко страшно за тебя, понимаешь, сокровище мое?

Казалось, меня обнимает чужой человек. Все в ней переменилось, даже запах. Или это был его запах? Пахло отвратительно. Ее рука делала массирующие движения, словно она мыла мне голову, словно ее восхищение моими волосами именно в этот миг достигло нового пика. Мне захотелось ударить ее, всей ладонью, наотмашь. Чтобы ладонь ощутила соприкосновение, хлопок кожи о кожу, прочувствовала боль и шок.

Вместо этого я закрыл глаза и позволил ей заниматься этим дальше, массировать меня, смягчать, обихаживать. Пожалуй, я тяжело болен.

– Мне пора на работу, – сказал я, когда понял, что конца массажу не предвидится. – Приказ о назначении должен быть готов к двенадцати часам.

Но она все не отпускала, и под конец мне пришлось высвободиться из ее объятий. Я заметил, как в уголке ее глаза что-то блеснуло.

– Что такое? – спросил я.

Но она не ответила, только покачала головой.

– Диана...

– Счастливо тебе, – шепнула она чуть дрогнувшим голосом. – Я люблю тебя.

И вышла.

Мне хотелось броситься следом, но я остался стоять. Утешать своего убийцу – какой в этом смысл? И какой вообще смысл теперь хоть в чем-то? Так что я уселся в машину, протяжно выдохнул и глянул на себя в зеркало заднего вида.

– Это надо пережить, Роджер, – прошептал я. – Собраться и пережить.

И я запихнул Рубенса обратно под обивку, застегнул ее, завел мотор, услышал, как позади опустилась дверь гаража, выпрямился и медленно поехал вниз по петляющей дороге в сторону центра.

Машина Уве стояла метрах в четырехстах от нашего гаража. Да ради бога – она может тут простоять не один месяц, до самого снега и снегоуборочной техники. Больше меня огорчало наличие трупа у меня в багажнике – от него надо как-то отделаться. Я призадумался. Парадокс: моя осторожность в общении с Уве Хикерюдом принесла свои плоды именно теперь. Как только я выгружу куда-нибудь этот труп, никто не найдет между нами никакой связи. Но вот куда мне его выгрузить?

Первой мыслью была мусоросжигалка в Грэнму. Упаковать труп во что-нибудь, потом подъехать к мусоросжигательной печке, открыть багажник и вывалить труп прямо на скат и вниз, в искрящееся море огня.

Недостаток у этого плана был тот, что рядом могут оказаться другие мусоровозы, а также персонал самой мусоросжигалки. Может, сжечь его самостоятельно в каком-нибудь укромном местечке? Но человеческое тело горит довольно плохо, я читал, что в Индии такое огненное погребение занимает в среднем два часа. А если вернуться в гараж, когда Диана отправится к себе в галерею, и наконец воспользоваться верстаком и электролобзиком, подаренным мне тестем на Рождество без всякой задней мысли? Порезать труп на куски нужного размера, положить каждый в полиэтиленовый пакет, туда же пару камней – и утопить пакеты в сотне разных лесных озер в окрестностях Осло? Я постучал кулаком по лбу. Порезать на куски, как я это себе представляю? Во-первых, я что, сам не видел в сериале «Место преступления», как работает следствие? Там капля крови, тут след зубца, указывающего на электролобзик тестя, – и меня взяли. Во-вторых, зачем напрягаться и уничтожать труп? Почему не найти какой-нибудь пустынный мостик и не столкнуть бранные останки Хикерюда с парапета? Труп, возможно, всплывет и будет найден – ну так и что же? Меня ведь ничто не связывает с убитым, я никогда не знал никакого Уве Хикерюда и даже не знаю точно, как пишется слово «курацит».

Выбор пал на Маридален. Ехать до этой деревушки всего минут десять, в тех местах полно всяческих озер и речек и довольно мало народу, во всяком случае в первой половине дня. Я позвонил Иде-Оде и сказал, что сегодня буду попозже.

За полчаса я проехал несколько миллионов кубометров леса и два диснейленда, расположенных в неприлично тесном соседстве со столицей Норвегии. И вот на одной из боковых гравиевых дорожек я нашел мостик, который искал. Я выключил мотор и подождал минут пять. Ни людей, ни машин, ни домов поблизости видно не было, никаких звуков, кроме послышавшегося пару раз леденящего птичьего крика. Ворон? Кто-то черный, во всяком случае. Такой же черный, как эта неподвижная и таинственная водяная гладь всего в метре от деревянного мостика. Отлично.

Я вышел и поднял крышку багажника. Уве лежал в той же позе, в какой я его туда запихнул, лицом вниз, руки вдоль тела, тело изогнуто так, что зад торчит кверху. Я в последний раз огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что я один. Затем последовал бросок. Быстрый и точный.

Всплеск, раздавшийся, когда труп коснулся поверхности воды, оказался на удивление тихим, лишь легкий всхлип, словно озерцо решило стать моим сообщником в этом темном деле. Облокотившись на парапет, я

смотрел на эти тихие, непроглядные воды. И думал, что мне делать теперь. И пока я думал, я вдруг увидел, как Уве Хикерюд поднимается мне навстречу: зеленоватое лицо с вытаращенными глазами, всплывающий мертвец с тиной во рту и водорослями в волосах. Я успел подумать, что нужно бы принять виски, чтобы успокоить нервы, когда лицо поднялось над поверхностью воды и приблизилось ко мне.

Я закричал. И мертвец закричал, хриплым голосом, словно в воздухе вокруг не осталось кислорода.

Тут он опять исчез – опять его поглотила черная вода.

Я всматривался вниз, в подводную тьму. Неужели это было на самом деле? Да точно было, черт возьми, эхо до сих пор перекачивается между вершинами деревьев.

Я перемахнул через парпет. Задержал дыхание, пока тело не погрузится в ледяную воду. Удар по пяткам докатился до самого затылка. Я обнаружил, что стою на твердом дне и вода мне чуть выше чем по пояс. Точнее говоря, дно, на котором я стоял, было не совсем твердое – под одной ногой что-то шевелилось. Я пошарил в мутной воде, ухватил что-то, что показалось мне водорослями, потому что под ними я ощущал твердое дно, и потянул вверх. Лицо Уве Хикерюда показалось снова, он сморгнул воду с ресниц, и опять раздался низкий хриплый вопль задыхающегося человека.

Это было уже чересчур. В следующий миг у меня не осталось иного желания, кроме как выпустить Уве и выскочить из воды.

Но разве я мог так поступить?

Во всяком случае, я должен был сперва вытащить его на сушу возле мостика.

Сознание Уве снова взяло тайм-аут, и я не без труда удерживал его голову над водой. Несколько раз я поскальзывался на мягком, склизком дне, ходившем ходуном под моими навсегда испорченными туфлями от Джона Лобба. Но спустя несколько минут я все-таки выволок нас обоих на берег, а оттуда втащил в машину.

Я лег лбом на руль и перевел дух.

Чертова птица издевательски захохотала, когда колеса оттолкнулись от мостика и мы поехали прочь.

Я уже говорил, что никогда раньше не бывал в доме Уве, но адрес у меня был. Я открыл бардачок, вынул черный GPS-навигатор и набрал улицу и номер дома, одновременно по возможности уклоняясь от встречных машин. GPS посчитал, подумал и оптимизировал путь. Логично

и без эмоций. Даже мягкий, сдержанный женский голос, который вел меня теперь, звучал невозмутимо, словно ничего не произошло.

Так и нужно, сказал я сам себе. Действовать четко, как машина, не делать глупых ошибок.

Полчаса спустя я уже прибыл по адресу. Старая крохотная развалюха стояла на самом верху склона, прижавшись к стене темно-зеленого ельника. Я остановил машину у крыльца, окинул взглядом дом и сразу же сказал себе, что подобную страхолюдную архитектуру выдумали, разумеется, не сегодня.

Уве сидел на переднем сиденье рядом со мной, тоже страшный, как водяной черт, и такой мокрый, что одежда на нем хлюпала, пока я проверял его карманы в поисках связки ключей. От тряски он чуть ожил и смотрел теперь на меня мутным глазом.

– Идти можешь? – спросил я.

Он уставился на меня, словно я был потусторонним существом.

Нижняя челюсть выдавалась вперед еще сильнее обычного, так что он выглядел как помесь каменной статуи с острова Пасхи и Брюса Спрингстина.

Я обошел машину, выпустил его и подтолкнул к входной двери. Открыл ее первым же ключом и подумал, что наконец все в порядке, всего-то и осталось просто втащить его внутрь. Я уже шагнул в дом, когда спохватился. Сигнализация. Совершенно ни к чему, чтобы сюда понаехала куча охранников из «Триполиса» или чтобы камеры засняли тут меня с полумертвым Уве Хикерюдом.

– Какой пароль? – гаркнул я Уве в ухо.

Он вздрогнул и стал выворачиваться из моих рук.

– Уве! Пароль!

– А?

– Мне надо сигнализацию отключить, чтобы войти.

– Наташа... – пролепетал он с закрытыми глазами.

– Уве! Возьми себя в руки.

– Наташа...

– Пароль!

Я влепил ему пощечину, так что он вытаращил глаза:

– Да говорят же тебе, мудила. НАТАША!

Я отпустил его, услышав, как он плюхнулся на пол, и вернулся к двери. Панель сигнализации была спрятана за дверью, я уже усвоил, что монтеры из «Триполиса» всегда норовят ее повесить именно там. Маленькая красная лампочка мигала, показывая, что пошел обратный

отсчет до срабатывания тревоги. Я набрал имя русской потаскухи. И вспомнил, прежде чем нажать последнее «а»: Уве, у него же дислексия. Черт его знает, как он пишет ее имя. Но оставшиеся мне пятнадцать секунд почти истекли, и спрашивать его уже поздно. Я нажал «а» и закрыл глаза, приготовившись к звуку сирены. Подождал. Тишина. Я снова открыл глаза. Красная лампочка перестала мигать. Я перевел дух – наконец можно не думать о том, сколько секунд мне осталось.

Когда я снова вошел в дом, Уве там не было. По его мокрым следам я прошел в гостиную. Каковая, со всей очевидностью, использовалась одновременно для досуга, работы, еды и сна. Во всяком случае, в одном ее конце, у окна, стояла двуспальная кровать, в другом висел на стене плазменный телевизор, а посередине стоял журнальный столик с остатками пиццы в картонной коробке. Вдоль длинной стены стоял винторезный станок, а на нем – отпиленный ствол дробовика, который Уве, по-видимому, собирался усовершенствовать. Сам он заполз на кровать и теперь лежал там и стонал. От боли, надо думать. Я слабо представлял себе, что именно делает курацит с человеческим телом, но понимал, что ничего хорошего.

– Ну как ты? – спросил я и подошел поближе.

И задел что-то ногой, оно выкатилось на вытертый паркет, – я глянул под ноги и увидел, что пол вокруг кровати усеян стреляными гильзами.

– Я умираю, – простонал Уве. – Что случилось?

– Ты сел в машине на шприц с курацитом.

– Курацит? – Он поднял голову и уставился на меня. – Ты имеешь в виду яд курацит? И что, этот долбанный курацит теперь внутри меня?

– Да. Но его там явно не хватило.

– Не хватило?

– Чтобы лишить тебя жизни. С дозой он дал маху.

– Он? Кто – он?

– Клас Гreve.

Голова Уве упала обратно на подушку.

– Блин! Не говори только, что ты нас слил! Ты че, сдал нас, Браун?

– Нет, конечно, – ответил я и придвинул стул к изножью кровати. – Этот шприц на сиденье – это что-то... что-то другое.

– Что-то другое? Не то, что мы обчистили его квартиру? Как, едрена вошь, такое может быть?

– Я не хочу об этом говорить. Короче, это он на меня охотится.

– Курацит! – завопил Уве. – Мне надо в больницу! Браун, я умираю! Какого хрена ты привез меня сюда? Звони один-один-три, немедленно! – Он кивнул в сторону чего-то на тумбочке, что я поначалу принял за

пластмассовую статуэтку, представляющую собой двух голых женщин в так называемой позиции 69, но это оказалось телефоном.

Я сглотнул.

– Тебе нельзя в больницу, Уве!

– Нельзя? Мне надо! Ты слышишь, придурок? Я же умру? Сдохну!

– Послушай меня. Когда они узнают, что ты отравлен курацитом, то тут же позвонят в полицию. Курацит просто так в аптеке не купишь, это сильнейший в мире яд, вроде синильной кислоты. Ты тут же загремишь на допрос в Крипос.

– Ну и что? Я буду молчать – могила!

– Ну и как ты все это объяснишь?

– Придумаю что-нибудь.

Я покачал головой:

– У тебя нет шансов, Уве. По крайней мере, когда они запустят Инбау, Рейда и Бакли.

– Чего?

– Ты сломаешься. Тебе лучше оставаться тут, понимаешь? Тебе вон уже лучше.

– Да что ты в этом смыслишь, Браун? Ты, может, врач? Ни фига, ты хренов охотник за головами, а у меня сейчас легкие горят огнем. У меня дырка в селезенке, а через час почки откажут. Мне надо, блин, в госпиталь! Немедленно!!!

Он приподнялся в постели, но я подскочил и снова прижал его к кровати.

– Слушай, я пойду поищу молоко в холодильнике. Молоко нейтрализует яд. Ничего другого в больнице с тобой все равно делать не будут.

– Только вливать в меня молоко?

Он снова попытался встать, но я отпихнул его назад, и вдруг мне показалось, что он перестал дышать. Глаза закатились, рот раскрылся, голова завалилась назад на подушке. Я склонился к его лицу и констатировал, что он таки дышит мне в лицо вонючим табаком. Тогда я заметался по дому в поисках чего-нибудь, что облегчило бы его мучения.

Единственное, что я смог найти, – это пули и порох. В аптечке, украшенной, как полагается, красным крестом, было полно коробочек, в которых, согласно надписи на них, находились патроны с пулями калибра 9 мм. В выдвижных ящиках на кухне тоже оказалось немало коробок с боеприпасами, некоторые коробки были подписаны «blanks» – холостые патроны, то, что мы на сержантских курсах называли фуфлом. Это ими Уве,

видимо, отстреливал телепрограммы, которые ему не нравились. Больной человек. Я открыл холодильник, там – на той же полке, что и пакет обезжиренного молока «Тине», – лежал серебристый пистолет. Я достал его. Рукоять была ледяная. С выгравированной на стали маркой «Глок-17». Я взвесил пистолет в руке. Курка у него, по всей очевидности, не было, а в стволе вполне могла находиться пуля. Иными словами, достань и стреляй, например если ты сидишь на кухне и к тебе вдруг заявляется незванный гость. Я взглянул на камеру наблюдения на потолке. Пожалуй, Уве Хикерюд куда больший параноик, чем я до сих пор допускал, притом что мы вроде бы обсуждали его диагноз.

Я взял с собой пистолет и пакет молока. По крайней мере, можно будет приструнить Уве, если снова от рук отобьется.

Заглянув в гостиную, я обнаружил, что он опять сидит на кровати. Обморок, значит, был симуляцией. В руке он держал изогнувшуюся и лижущую пластмассовую женщину.

– Пришлите за мной машину «скорой помощи», – произнес он в трубку громко и внятно и глянул на меня с вызовом.

Он, безусловно, мог себе это позволить, потому что в другой руке держал оружие, которое я смутно помнил по фильмам. «Ребята с улицы», бандитские разборки, черные против черных. Короче, это был «узи». Удобный маленький пистолет-пулемет, страшное и достаточно смертельное оружие, чтобы стало не смешно. И направленное на меня.

– Нет! – крикнул я. – Не делай этого, Уве! Они же позвонят в полиц...

Он выстрелил.

Словно кукурузные зерна запрыгали по сковородке. Попкорн. Я успел подумать это, успел подумать, что вот под какую музыку я умру. И, ощутив нечто в животе, глянул на пол. Увидел струйку, вытекающую из моего бока и струящуюся по коробке с молоком. Белая кровь? Тут до меня дошло наконец, что все наоборот, что он пробил как раз молочную упаковку. Машинально и с некоторой покорностью я поднял пистолет, отчасти удивляясь, что я это могу, и нажал на спуск. Звук подхлестнул мою ярость: выстрел оказался, во всяком случае, куда громче, чем у этого чертова «узи». Тут этот пидорский пулемет резко умолк. Я опустил пистолет и успел увидеть, как Уве смотрит на меня, наморщив лоб. А во лбу, над самой морщиной, чернеет аккуратная дырка. В следующий миг его голова бесшумно откинулась назад и шмякнулась на подушку. Ярости моей как не бывало, я моргал и моргал; казалось, у меня на сетчатке повторяется и повторяется телевизионная картинка. Что-то подсказывало мне, что Уве Хикерюд навряд ли вернется еще раз.

13. Метан

Я гнал по шоссе E-6, давя на газ под стук дождя по ветровому стеклу и отчаянные взмахи дворников «Мерседеса-280SE», принадлежавшего Уве Хикерюду. Было четверть второго. Прошло всего пять часов с тех пор, как я проснулся, а я уже успел, целый и невредимый, благополучно избежать покушения, подстроенного моей женой, спихнуть труп моего напарника в озеро, потом спасти этот труп, оказавшийся живехоньким, только для того, чтобы этот живехонький попытался пристрелить меня самого. А потом, после неожиданно удачного выстрела, успел расстроиться, что он снова труп, а я – убийца. А до Элверума оставалось еще полпути.

Брызги дождя висели над асфальтом молочной пеленой, и я машинально наклонился вперед, чтобы не проскочить указатель поворота. Потому что место, куда я ехал теперь, не имело адреса, который можно было бы загрузить в патфайндеровский GPS-навигатор.

Прежде чем отъехать от дома Уве Хикерюда, я вытащил из шкафа сухую одежду, какую нашел, взял ключи от его машины и выгреб у него из бумажника все карточки и наличные. Его самого я так и оставил лежать на кровати. Даже если сигнализация включится, его кровать – это единственное место, не попадающее в поле наблюдения ни одной из камер. Кроме того, я прихватил пистолет «глок», потому как ни к чему оставлять оружие убийства на месте преступления. И связку ключей с ключом от дома, где мы обычно встречались, в окрестностях Элверума. Это было место для медитации, планов и озарений. А еще – место, где никто меня не увидит, потому что никто не знает, что я знаю, что это место существует. Кроме всего прочего, это было единственное место, куда я мог теперь податься, если не хотел вовлечь Лотте во всю эту историю. А история... блин, в чем, собственно, история? Да в том, что я вдруг стал мишенью для чокнутого голландца, чьей профессией как раз и является охота на людей. А того и гляди и для полиции, если она вдруг окажется чуть сообразительнее, чем я думаю. Мой единственный шанс – осложнить им жизнь. Я должен, к примеру, сменить машину, потому как мало что идентифицирует личность так однозначно, как семизначный регистрационный номер. Услышав звук автоматически включившейся сигнализации после того, как я запер за собой дверь дома Уве, я поехал назад, в сторону собственного дома. Было ясно, что Грeve может меня там поджидать, поэтому припарковался я на боковой дороге чуть в стороне.

Положил свои мокрые вещи в багажник, вытащил Рубенса из-под обивки салона и сунул в папку, запер машину и пошел прочь. Машину Уве я нашел на том же месте, где видел ее утром, кинул папку на сиденье рядом с водительским местом и взял курс на Элверум.

Наконец-то поворот на боковую дорогу. Он появился внезапно, надо было сконцентрироваться, чтобы вовремя затормозить. Отвратительная видимость, скользкий асфальт, одно движение – и машина вылетит в кусты у обочины, а как раз сейчас ни встреча с копами, ни свернутая шея мне совершенно ни к чему.

И вот я уже в сельской местности. Клочья тумана висели над фермами и холмистыми лугами по обе стороны дороги, которая постепенно делалась все более узкой и извилистой. Меня поливали фонтаны из-под колес фуры с надписью «Кухни „Сигдал“», пока, на мое счастье, не показался съезд на проселок, где я мог уже ехать сам по себе. Выбоины в асфальте сделались крупнее и многочисленнее, а фермы, наоборот, стали меньше и попадались реже. Снова съезд на проселок. Гравийный. И еще один. Долбаная глухомань. Тяжелые от дождя, низко висящие ветки скребли по машине, как пальцы слепца, пытающегося опознать незнакомца. Через двадцать минут езды со скоростью улитки я остановился. Примерно тогда же увидел дом.

Я натянул на голову капюшон свитера, прежде принадлежавшего Уве, и рысцой побежал к амбару с пристройкой, заметно покосившейся. По мнению Уве, это объяснялось тем, что Синдре О, фермер-нелюдим, живущий тут, до того скуп, что выстроил пристройку без фундамента, и она с каждым годом все глубже уходит в глину, сантиметр за сантиметром. Сам я ни разу не общался с этим типом, Уве это взял на себя, но я видел его пару раз издали и узнал теперь сутулую, тощую фигуру, стоящую на крыльце дома. Одному богу известно, как он расслышал шум машины в таком дожде. Между его ног терся жирный кот.

– Здрасте! – крикнул я, еще не добежав до крыльца.

Ответа не последовало.

– Здравствуйте, О! – повторил я.

Ответа по-прежнему не было.

Я остановился под дождем у подножия крыльца. Кот направился ко мне, мягко ступая по ступенькам. Я-то думал, кошки терпеть не могут дождь. У него были миндалевидные глаза, как у Дианы, и он прижался ко мне, словно старый приятель. Или словно я был ему совершенно чужой. Фермер опустил винтовку. По словам Уве, О пользовался оптическим прицелом старой винтовки, чтобы видеть, кто пришел, потому что он

слишком жадный, чтобы купить себе нормальный бинокль. Но из тех же соображений он не мог себе позволить патронов, так что опасаться было нечего. Я полагал, что этот ритуал, кроме всего прочего, способствовал снижению количества гостей. О сплюнул через перила крыльца.

– А че етот Хикерюд, а, Браун?

Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь, а имя Хикерюд он выплюнул, словно ругательство. Откуда он узнал мою фамилию, я понятия не имел, но уж во всяком случае не от Уве.

– Приедет позже, – сказал я. – Можно, я поставлю свою машину у вас в амбаре?

О снова сплюнул:

– Ето тебе встанет. И машина ета не твоя, а етова Хикерюда. На чем он тады доберется?

Я глубоко вздохнул:

– На лыжах. Сколько надо?

– Пятьсот в сутки.

– Пять...сот?

Он презрительно ухмыльнулся:

– Или пусть стоит на дороге бесплатно.

Я пролистнул три двухсотки из бумажника Уве и поднялся на крыльцо, где Синдре О уже держал наготове костлявую ладонь. Он сунул купюры в пухлый бумажник и снова сплюнул.

– Сдачу можно и потом, – сказал я.

Он, не отвечая, вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

Я задним ходом заехал в амбар и в темноте чуть не врезался в острые стальные зубья косилки. К счастью, косилка, прицепленная к синему трактору «Мэсси Фергюсон», находилась в поднятом положении. Так что вместо того, чтобы пробуравить мне задний бампер или проколоть покрышки, она только царапнула меня по крышке багажника, вовремя предупредив, не то десять стальных копий прошили бы мне заднее стекло.

Я поставил «мерседес» возле трактора, вынул папку и побежал навверх к домику. К счастью, ельник был такой густой, что почти не пропускал дождя, и, когда я наконец заперся внутри простого деревянного сруба, волосы мои были на удивление сухими. Я подумал было растопить печь, но отказался от этой мысли. Потратить столько усилий на то, чтобы спрятать машину, а потом сигнализировать с помощью дыма, что в доме кто-то есть, – это неостроумно. Только теперь я понял, как проголодался.

Я снял с себя джинсовую куртку Уве и повесил на спинку стула на кухне, прошелся по шкафам и обнаружил одну-единственную консервную

банку мясной тушенки с картошкой, еще с прошлого раза, когда мы с Уве тут были. В шкафчиках не нашлось ни столовых приборов, ни открывалки, но я сумел пробить дырку в жестяной крышке стволом «глока». Я уселся и пальцами стал пихать в себя из банки ее жирное, соленое содержимое. Потом уставился на дождь за окном, льющий на лес, и маленький двор между домом и уборной. Зайдя в спальню, я сунул папку с Рубенсом под матрас и улегся на нижнюю койку двухъярусной кровати – подумать. На долгие раздумья меня не хватило. Видимо, вышел весь адреналин, произведенный организмом за сегодняшний день, потому что я вдруг открыл глаза и обнаружил, что спал. Я глянул на часы. Четыре часа дня. Вытащив мобильник, я обнаружил на нем восемь неотвеченных звонков. Четыре от Дианы, вероятно разыгрывающей роль встревоженной жены, пока Греве, наклонившись и глядя ей через плечо, интересуется, где меня черти носят. Три от Фердинанда, который, видимо, ждет приказа о назначении или, по крайней мере, инструкций, как дальше действовать с «Патфайндером». А один номер я сразу не узнал, потому что в свое время удалил его из списка. Но как оказалось, не из памяти и сердца. И, глядя на этот номер, я подумал, что у меня – человека, за свои тридцать с лишним лет на этой планете собравшего вокруг себя столько однокашников, бывших пассий, коллег и деловых знакомых, что они занимают два мегабайта в «Аутлуке», – есть на самом деле единственный человек, кому я точно могу довериться. Девушка, с которой я был знаком всего три недели. Ну да, трахался три недели. Кареглазая датчанка, которая одевается как чучело, отвечает односложно и чье имя, если произносить по-датски, состоит всего из трех звуков – Лод. И я не знал, для кого из нас это печальнее.

Я позвонил в справочную и попросил дать мне один зарубежный номер. Большинство коммутаторов в Норвегии в четыре уже закрыты, очевидно потому, что все уже ушли домой, судя по статистике – к своей больной половине, в стране с самым коротким рабочим днем, самым большим бюджетом здравоохранения и самым длинным больничным. Но коммутатор «ХОТЕ» ответил как ни в чем не бывало. Я не знал ни имени, ни названия отдела, но решил попытать счастья.

– Can you put me through to the new guy, dear?

– New guy, Sir?

– You know. Head of technical division.

– Felsenbrink is hardly new, Sir.

– To me he is. So, is Felsenbrink in, dear?^[16]

Спустя четыре секунды меня соединили с голландцем, который не

только оказался на работе, но говорил бодро и любезно, несмотря на то что была уже одна минута пятого.

– I’m Roger Brown from Alfa Recruiting^[17].

Это правда.

– Mister Clas Greve has given us your name as a reference^[18].

Ложь.

– Right^[19], – сказал мой собеседник без малейшего удивления в голосе. – Clas Greve is the best manager I’ve ever worked with^[20].

– So you^[21]... – начал я.

– Yes, Sir, my most sincere recommendations. He is the perfect man for Pathfinder. Or any other company for that matter^[22].

Я помедлил. И передумал.

– Thank you, Mister Fenselbrink^[23].

– Felsenbrink. Any time^[24].

Я сунул телефон в карман брюк. Непонятно почему возникло чувство, что я сделал какую-то ошибку. Снаружи лило как из ведра, и в отсутствие лучшего занятия я вытащил Рубенса и стал рассматривать при свете из кухонного окошка. Яростное лицо охотника Мелеагра, пронзающего добычу. И вдруг сообразил, кого он мне напомнил, когда я впервые увидел картину: Класа Греве. Тут до меня словно дошло. Совпадение, конечно, но Диана мне как-то говорила, что ее имя – это римское наименование Артемиды, греческой богини охоты и деторождения. И ведь это Артемида послала охотника Мелеагра, не так ли? Я зевнул и стал искать себя на этой картине, прежде чем сообразил, что перепутал. Все наоборот, Артемида как раз наслала чудовищного вепря. Я тер глаза, усталость ощущалась по-прежнему.

Вдруг я понял: что-то произошло, что-то изменилось, но я, занятый разглядыванием картины, не обратил на это внимания. Я глянул в окно. Это звук. Дождь кончился.

Я убрал картину обратно в папку и решил припрятать ее как следует. Мне придется выйти из избушки – надо в магазин, да и еще есть дела, а к этому скользкому Синдре О у меня нет ни малейшего доверия.

Я осмотрелся – взгляд упал на уборную за окном. Крыша из редких дощечек. Идя через двор, я подумал, что зря не надел куртку. Первый ночной заморозок может случиться когда угодно.

Уборная представляла собой строение с односкатной крышей и минимумом удобств: четыре стены, через щели которых осуществлялась естественная вентиляция, и деревянный стульчак с круглой дыркой,

прикрытой четырехугольной, грубо сколоченной крышкой. Я снял со стульчака три пустые картонные трубки от рулонов туалетной бумаги и телевизионный еженедельник, с обложки которого смотрели булабочные зрачки Руне Рюдберга^[25], и влез на стульчак. Подтянулся к потолочным доскам, свободно лежащим поверх балок, и в очередной раз пожалел о недостающей мне паре сантиметров роста. Наконец я подцепил одну из досок, запихнул папку внутрь и положил доску на место. И, стоя там, на стульчаке, с широко расставленными ногами, я вдруг оцепенел и уставился в просвет между досками стены. Снаружи было совершенно тихо, если не считать звука падающих с деревьев дождевых капель. Кроме этого, я не слышал ни звука, ни треска веток, ни хлюпанья шагов по мокрой тропе. Ничего, кроме поскуливания собаки, стоявшей на опушке рядом со своим хозяином. Сиди я в доме, я бы их не увидел, они стояли так, что не попадали в поле обзора из окна. Собака была литой снаряд из мышц, челюстей и зубов, упакованный в тело боксера, только поменьше и поплотнее. Позволю себе напомнить: я терпеть не могу собак. Клас Гreve был в камуфляжном плаще и зеленой кепке. Никакого оружия он в руках не держал, а уж что там было у него под плащом, оставалось только гадать. Вдруг я понял, что для Гreve это оптимальное место. Пустынное, никаких свидетелей, спрятать труп ничего не стоит.

Внезапно хозяин и собака одновременно пошевелились, словно подчиняясь неслышной команде.

Сердце стучало от страха, и все-таки я не мог отвести от них восхищенного взгляда: как они быстро и совершенно бесшумно движутся с опушки, вдоль стены дома и дальше – не медля – в дверь, которую оставили распахнутой настежь.

Я знал, что у меня остаются секунды, потом Гreve обнаружит, что в доме никого нет. Найдет куртку на спинке стула, свидетельствующую, что я где-то поблизости. И... блин!.. увидит «глок» на кухонном столе рядом с пустой консервной банкой. Мозг работал туго и пришел к единственному выводу: у меня нет ничего – ни оружия, ни пути к отступлению, ни плана, ни времени. Стоит только броситься бежать, и максимум через десять секунд на горле у меня окажется двадцать кило голландской собачатины, а в затылке – девятимиллиметровая пуля. Если коротко, я в полном дерьме. В этой связи мой мозг должен был впасть в панику. Но вместо этого он сделал то, чего я от него совершенно не ожидал. Мысль замерла и вернулась назад. К этому «в полном дерьме».

План. Отчаянный и во всех смыслах отталкивающий. Но, однако, имеющий как минимум одно достоинство: он был единственным.

Я взял одну из трубок от туалетной бумаги и сунул в рот. Проверил, насколько плотно я могу обхватить ее губами. И поднял крышку. Вонь ударила в лицо. На глубине полутора метров виднелся септик, в котором стояла жидкая смесь испражнений, мочи, туалетной бумаги и дождевой воды, стекавшей вниз по стенкам. Чтобы вывезти септик в лес на откачку, нужно минимум два человека, и работка эта – кошмарная. В буквальном смысле слова. Мы с Уве как-то попытались это сделать, и потом три ночи подряд мне снилось плещущее дерьмо. Сам Синдре О от этого дела явно увиливал: полутораметровый септик был полон до краев. Что в данной ситуации меня как раз устраивало в высшей степени. Даже нидертерьеру не унюхать тут ничего, кроме нечистот.

Я положил крышку стульчака себе на голову, ухватился обеими руками за края дырки и медленно опустился внутрь. Ощущение было нереальное – погружаться в дерьмо, ощущать легкое давление фекалий, пока я ввинчивался в них, вытянув лодыжки. Крышка все это время лежала у меня на голове, пока та не оказалась ниже края дырки. Обоняние мое, по-видимому от перегрузки, начисто отключилось, и я ощущал только, что усиленно заработали слезные железы. Верхний, самый жидкий слой в септике был ледяной, но ниже было на самом деле довольно тепло – наверное, из-за всяких там химических реакций. Кажется, я где-то читал, что в таких вот деревенских нужниках накапливается метан, что можно насмерть отравиться, надышавшись им как следует. Наконец я почувствовал под ногами твердое дно и слегка присел. Слезы струились по щекам, из носа тоже текло. Я откинул голову, чтобы картонная трубка смотрела строго вверх, закрыл глаза и попытался расслабиться, чтобы преодолеть рвотный рефлекс. А потом осторожно присел глубже. Слуховые проходы заполнило дерьмо и тишина. Я заставлял себя дышать через картонную трубку. Ничего, получалось. Только потихоньку, неглубоко. Потому что было бы символично наглотаться этого дела и умереть, захлебнувшись в наших с Уве собственных экскрементах, но к подобного рода иронической смерти я не испытывал ни малейшего влечения. Я хотел жить.

Издали донесся звук – кто-то открыл дверь.

Вот оно.

Вибрация тяжелых шагов. Глухой удар. И все стихло. Стук лап по полу. Собака. Крышку подняли. Я знал, что как раз теперь Клас Греве смотрит на меня. Внутри меня. Он смотрел в отверстие картонной трубки, ведущей непосредственно внутрь меня. Я дышал так тихо, как только мог. Картон трубки размок и размяк, я понимал, что она скоро перестанет

держат форму и слипнется.

Тут что-то стукнуло. Что это?

Следующий звук ни с чем нельзя было спутать. Внезапный взрыв, перешедший в свистящий, жалобный кишечный тон, который вскоре замер. И как точка – блаженный стон.

Вот черт, подумал я.

И был прав. Спустя пару секунд я услышал влажный плеск и ощутил дополнительную тяжесть на моем обращенном кверху лице. На мгновение смерть представилась мне как приемлемая альтернатива, но это скоро прошло. На самом деле парадокс: никогда мне не было меньше смысла жить, чем теперь, и в то же время никогда я не желал этого сильнее. Еще один натужный стон, сейчас будет второй залп. Только бы не попал в отверстие трубки! Я ощутил панику, почувствовал, что воздуха в трубке уже не хватает.

Снова плеск.

Голова у меня кружилась, ноги затекли из-за скрюченной позы. Я немного распрямился. Чуть выставил лицо над поверхностью. Проморгался. Теперь я смотрел точно в белый волосатый зад Класа Гreve. А на фоне белой кожи отчетливо вырисовывался солидный, н-да, более чем солидный, весьма и весьма внушительный член. И поскольку даже страх смерти не может пересилить в мужчине зависть к чужому пенису, я подумал о Диане. И я понял, там и тогда, что если Клас Гreve не убьет меня, то я сам убью его. Гreve поднялся, свет упал в дырку, и я увидел: что-то не то, чего-то не хватает. Зажмурив глаза, я снова пошел на погружение. Головокружение сделалось нестерпимым. Неужели я умираю от отравления метаном? Наступила тишина. Что, все уже? Я сделал вдох через трубку и вдруг почувствовал, что в ней ничего нет, что я вдыхаю пустоту. Что-то перекрыло мне воздух. Инстинкт победил, я забарахтался. Вверх! Мое лицо поднялось над поверхностью в тот момент, когда наверху что-то стукнуло. Я снова заморгал. Сверху было темно. Тут я услышал тяжелые шаги, звук распахнувшейся двери, топот собачьих лап, и вот дверь снова закрылась. Я выплюнул картонную трубку и понял, что произошло: что-то белое перекрыло ее отверстие, туалетная бумага, которой Гreve подтерся.

Я поднялся на ноги и, глядя в щели между досок, увидел, что Гreve пустил собаку в лес, а сам пошел в дом. Пес взял курс наверх, к вершине горы. Я следил за ним, пока его не поглотил лес. И в этот миг – наверное, от внезапной легкости, от мелькнувшей надежды на спасение – я разрыдался. Нет, сказал себе я. Никаких надежд. Никаких чувств. Бой продолжается. Анализируй! Давай, Браун! Думай. Начни с простого. Окинь

взглядом всю доску. Вот так. Как Гревелю тебя нашел? Откуда он, черт его дери, узнал про этот лесной домик? О котором Диана понятия не имеет. У кого он все выпросил? Нет ответа. Ну нет, и ладно. Мне надо сматываться, и тут у меня два преимущества. Во-первых, начинало смеркаться. Во-вторых, одежда, пропитанная дерьмом, – прекрасный камуфляж. Но головная боль и головокружение сделались сильнее, так что стало невозможно ждать, пока окончательно стемнеет. Скользя, я выбрался на край септика, ноги мои оказались на склоне позади уборной. Присев, я окинул взглядом опушку леса. Отсюда – в амбар, в машину, и сматываться. Ключи ведь в кармане, правильно? Я пошарил по карманам. В левом – несколько купюр, кредитные карточки, моя и Уве, и связка ключей от дома. Правый карман. Со вздохом облегчения я нащупал ключи от машины под мобильником.

Мобильник.

Точно!

Мобильник пеленгуется базовой станцией. Наверное, с точностью до района, а не населенного пункта, но когда одна из базовых станций «Теленора» зарегистрировала мой телефон в этой местности, альтернатив оказалось не так много: жилье Синдре О тут единственное на километры вокруг. Разумеется, это предполагает, что у Класа Гревелю есть связи в «Теленоре». Но я уже ничему не удивлялся. Наоборот, все прояснялось. И этот Фельсенбринк, который разговаривал так, словно сидел и дожидался моего звонка, только подтверждал мои подозрения. Нет, это не любовный треугольник между мной, моей женой и похотливым голландцем. Если я правильно понимаю, я угодил в гораздо большие неприятности, чем мог себе представить.

14. «Мэсси Фергюсон»

Осторожно высунувшись из-за уборной, я посмотрел на дом. Окна были черные, в них ничего не видно. Грее, стало быть, решил не включать свет. Ладно. Все равно тут мне делать нечего. Дождавшись порыва ветра и шелеста деревьев, я бросился бежать. За семь секунд я добежал до опушки и оказался под прикрытием деревьев. Но эти семь секунд меня почти доконали, в голове стучало, и кружилась она так, как в детстве, когда отец в первый и единственный раз повел меня в парк аттракционов. Мне в тот день исполнилось девять, это как раз был подарок – и кроме нас с отцом, в парке никого не было, не считая группы подвыпивших подростков, передававших друг другу бутылку из-под колы с чем-то прозрачным. Отец на своем отчаянном ломаном норвежском бешено торговался насчет цены на единственный аттракцион, который работал, – адскую машину, сделанную, очевидно, только для того, чтобы швырять тебя туда-сюда круг за кругом, пока тебя не вырвет всей съеденной сахарной ватой и родители не утешат потом попкорном и шипучкой. Я отказывался рисковать своей жизнью на этой шаткой разбитой конструкции, но отец настоял и сам помог застегнуть ремни, которые должны были спасти меня. И вот теперь, четверть века спустя, я оказался снова в том же дрянном, сюрреалистическом парке аттракционов, и вокруг так же несет мочой и блевотиной, а меня душат страх и тошнота.

Рядом послышалось журчание ручья. Я достал мобильник и кинул в воду. Хрен ты меня теперь найдешь, чертов индеец из каменных джунглей! И я побежал по мягкой лесной подстилке в сторону фермы. Тут под соснами уже легла темнота, но лес был чистый, без подлеска, так что найти дорогу оказалось нетрудно. Уже через пару минут я увидел фонарь во дворе Синдре О. Я пробежал чуть дальше, так, чтобы между мной и его домом находился амбар. Были все основания предполагать, что О захочет объяснений моего нынешнего состояния, а телефонный звонок ленсману станет следующим логическим шагом. Я подкрался к двери амбара и поднял щеколду. Толкнул двери и вошел внутрь. Голова. Легкие. Я моргал в темноте, не в силах разобрать, где машина, а где трактор. Что делает этот проклятый метан с человеком? От него что, слепнут? Метан. Метанол. Н-да, что-то в этом есть.

Сопение и легкий, почти неслышный стук лап позади. И все стихло. Я сразу понял, что к чему, но не успел обернуться. Пес прыгнул. Все было

тихо, только мое сердце перестало биться. В следующий миг я упал вперед. Не знаю, способен ли нидертерьер подпрыгнуть так, чтобы вцепиться в загривок среднего роста баскетболиста. Но я – о чем я, кажется, уже упоминал, – не баскетболист. Так что я упал вперед прежде, чем боль взорвалась в моем мозгу. Когти царапнули мне спину, и я услышал звук разгрызаемого мяса и хрустнувших костей. Моих костей. Я попытался схватить животное, но руки не слушались, словно челюсти, сомкнувшиеся у меня на загривке, блокировали связь тела с мозгом – приказы оттуда просто не могли пройти. Я лежал на животе и не мог даже выплюнуть опилки, набившиеся в рот. С пережатой артерией. Мозгу не хватало кислорода. Поле зрения сузилось. Я почти терял сознание. Значит, вот как я умру – в пасти у жуткого жирного куска собачатины. Весьма огорчительно, прямо скажем. До такой степени, что можно и озвереть. Кожу обожгло огнем, ледяная ненависть наполнила тело, просачиваясь к самым кончикам пальцев. Дьявольская радость и внезапная, вибрирующая сила, дающая жизнь и сулящая смерть. Я поднялся во весь рост с этой псиной, висящей у меня на загривке живым палантином. Пошатываясь, попытался отбиться от нее руками, но не сумел ее ухватить. Я понимал, что этот прилив энергии – последняя, отчаянная попытка моего тела спастись, мой последний шанс, что счет пошел на мгновения. Поле зрения съежилось, как в фильме про Джеймса Бонда, во вступительной заставке – а в моем случае заключительной, – и вот уже все черно, кроме дырочки, в которую ты видишь чувака в смокинге, целящегося в тебя из пистолета. И в эту дырку я увидел синий трактор «Мэсси Фергюсон». И последняя мысль посетила мой мозг: терпеть не могу собак. Шатаясь, я повернулся спиной к трактору, перенес тяжесть пса с носков на пятки и рухнул навзничь. Нас подхватили острые зубья тракторной косилки. И я понял по звуку пропарываемой собачьей шкуры, что, по крайней мере, не покину этот мир в одиночестве. Тут поле зрения схлопнулось, и мир стал черным.

Должно быть, меня в нем какое-то время не было.

Я лежал на спине и смотрел в разинутую собачью пасть. Тело собаки, казалось, парило в воздухе, скорчившееся, как эмбрион. Два стальных штыря вонзились в спину животного. Я поднялся на ноги, вокруг все поплыло, и пришлось сделать пару шагов в поисках опоры. Я ощущал ладонью шею – из нее текла кровь в тех местах, где кожу пропороли собачьи зубы. И понял, что схожу с ума: вместо того чтобы идти к машине, я все стоял и не мог отвести взгляда. Я совершил чудо. Калидонский пес пробит копьем. В самом деле прекрасное зрелище. В особенности тем, что

он и мертвый разевал пасть. Наверное, неожиданная боль заставила его разжать челюсти, а может, эта порода собак только так и умирает. Как бы то ни было, я любовался яростным и одновременно жалким выражением этой морды, словно пес не только успел понять, что прожил слишком короткую собачью жизнь, но и сполна прочувствовал последнее унижение вот такой позорной смерти. Мне хотелось плюнуть на него, но во рту пересохло.

Вместо этого я нашарил в кармане ключи и поплелся к «мерседесу» Уве, открыл дверь и повернул ключ зажигания. Безрезультатно. Я попробовал снова, нажав на газ. Мертвяк. Прищурившись, я поглядел сквозь переднее стекло. Застонал. Вышел и поднял крышку капота. Было так темно, что я сумел разглядеть только торчащие обрезанные провода. Я не понимал, куда и откуда они должны идти, но сообразил, что именно они обеспечивают маленькое чудо – что машина едет. Чтоб его черти съели, этого полунемца! Надо думать, Клас Грeve все еще сидит в лесном домике и ждет, когда я вернусь. Но видимо, уже задумался, что стряслось с его зверем. Спокойно, Браун. О'кей, единственное, на чем я могу отсюда выбраться, – это трактор Синдре О. Не слишком быстрый транспорт, Грeve легко меня догонит. Значит, я должен найти машину, на которой приехал он сам, – серебристый «лексус» наверняка стоит на обочине дороги – и обезвредить его так же, как он обошелся с «мерседесом».

Быстрым шагом я устремился к дому Синдре О, отчасти рассчитывая, что тот выйдет на крыльцо, – мне даже отсюда было видно, что входная дверь приоткрыта. Но он этого не сделал. Я постучал и толкнул дверь. В сенях я увидел винтовку с оптическим прицелом и перепачканные навозом резиновые сапоги.

– О?

Это прозвучало не как фамилия, а как мольба о продолжении истории. Каким бы оно ни было.

Затем я вошел в дом, повторяя это идиотское обращение из одного звука. Я словно бы уловил какое-то движение и обернулся. И увидел то, от чего кровь застыла в жилах. Черное, звероподобное двуногое чудовище замерло в ту же секунду, что и я, и теперь смотрело на меня распахнутыми белыми глазами, словно горящими на фоне черноты. Я поднял правую руку. Оно подняло левую. Я поднял левую, оно – правую. Зеркало. Я выдохнул с облегчением. Засохшее дерьмо облепило меня с ног до головы: туфли, тело, лицо, волосы. Я пошел дальше в дом. Толкнул дверь в гостиную.

Человек сидел в кресле-качалке и скалился. Толстый кот сидел у него на руках и щурил на меня свои блядские миндалевидные глаза, как у Дианы. Потом он потянулся и спрыгнул на пол. Лапы мягко коснулись

пола, и он направился было ко мне, виляя задом, но вдруг остановился. В самом деле, от меня пахло не розами и не лавандой. После длительных колебаний кот все-таки направился ко мне с громким и настойчивым мурлыканьем. Приспособленцы они, эти кошки, и хорошо соображают, когда им требуется новый хозяин, который их будет кормить. Потому что на прежнего рассчитывать уже не приходится.

Оскал Синдре О объяснялся тем, что от углов его рта в стороны шли кровавые полосы. Иссиня-черный язык торчал из разрезанной щеки, и мне были видны десны и зубы на нижней челюсти. Теперь угрюмый крестьянин напоминал Пакмана из старой компьютерной игрушки, но вряд ли эта широкая улыбка от уха до уха стала причиной его смерти. Еще два кровавых штриха перекрещивались у него на горле. Удушение сзади гарротой – нейлоновой леской или тонкой стальной проволокой. Я со свистом выдохнул через нос, пока мозг бросился реконструировать произошедшее без всякой дополнительной команды с моей стороны: Клас Гreve проезжал мимо фермы и увидел на мокрой глине следы моей машины, которые сворачивают во двор. Наверное, он проехал дальше, поставил машину, вернулся пешком, заглянул в амбар и увидел там мою машину. Синдре О наверняка все это время стоял на крыльце. Подозрительный и хитрый. Сплювывал и отвечал уклончиво, когда Гreve стал расспрашивать его обо мне. Интересно, денег ему этот голландец предложил? И вошли ли они в дом? Во всяком случае, Синдре О явно оставался начеку, потому что, когда Клас Гreve накинул на него сзади гарроту, фермер ухитрился опустить подбородок, так что петля не попала на горло. Они боролись, леска или проволока соскользнула на подбородок, и Гreve потянул ее и разорвал Синдре щеки. Гreve был силен, и смертоносная удавка наконец оказалась на горле злосчастного старикана. Немое свидетельство немого убийства. Но почему Гreve не поступил проще, не воспользовался пистолетом? Как-никак отсюда больше километра до ближайшего жилья. Наверное, чтобы не спугнуть меня, если я где-то рядом. Вдруг меня осенило: да у него просто не было никакого огнестрельного оружия. И я тут же выругался про себя. Потому как теперь оно у него есть, я сам поднес ему на тарелочке. Оставить «глок» на кухонном столе в домике – это каким надо быть идиотом?

Я услышал, как что-то капает, и глянул на кота, устроившегося между моих ног. Розовый язычок ходил туда-сюда, лакая кровь, стекающую по моей разорванной рубашке и капаящую на пол. Я почувствовал, как мной овладевает одуряющая усталость. Сделал три глубоких вдоха. Надо сосредоточиться. Начать думать, действовать, это единственный способ не

подпустить к себе парализующий страх. Прежде всего – найти ключи от трактора. Я бродил наобум из комнаты в комнату и открывал шкафы. В спальне обнаружилась единственная пустая коробка от патронов. В коридоре я нашел шарф и туго намотал на шею, так что кровь наконец перестала капать. Но ключей не было. Я посмотрел на часы. Гreve мог уже спохватиться и начать искать собаку. Наконец я снова вернулся в гостиную, наклонился над трупом Синдре и проверил его карманы. Есть! Даже с логотипом «Мэсси Фергюсон» на брелоке. Времени мало, но нельзя допустить ни малейшей небрежности, надо все делать как можно тщательней. Значит, так: когда найдут Синдре О, то место убийства будет тщательно обследовано, в том числе на предмет следов ДНК. Я помчался на кухню, намочил полотенце и вытер свою кровь во всех комнатах, куда заходил. Стер все возможные отпечатки пальцев со всех вещей, к которым прикасался. Когда я уже стоял в сенях, собираясь уходить, взгляд мой упал на винтовку. А что, если мне наконец повезло, вдруг там остался патрон? Я схватил винтовку и взялся за то, что, видимо, было затвором, дернул, потянул, услышал щелчок в этом, как его, казеннике, что ли, и наконец открыл камору ствола. В ней виднелась только красноватая ржавчина. Патрона не было. Послышался звук, я поднял взгляд. Кот стоял на пороге кухни и смотрел на меня печально и жалобно: я ведь не оставлю его тут? Чертыхнувшись, я пнул эту вероломную тварь, тот отскочил и бросился в гостиную. Затем я протер винтовку, поставил на прежнее место и закрыл за собой дверь, пихнув ее ногой.

Трактор заревел, заводясь, и продолжал реветь, когда я выезжал из амбара. Я не дал себе труда закрыть за собой дверь. Потому что слышал, как ревет мотор: «Клас Гreve! Браун пытается смыться! Скорей, скорей!»

Я дал полный газ. Отправился по той же дороге, по которой сюда приехал. Только теперь темень была полнейшая, и свет тракторных фар плясал на дорожных выбоинах. Я безуспешно искал «лексус», он ведь должен стоять где-то здесь. Нет, наверное, я не прав, он поставил его где-нибудь подальше. Я провел рукой по лицу. Зажмурился, выдохнул – я не устал, я не вымотан, вот так!

Полный газ. Настойчивый, протяжный рев. Куда теперь? Прочь. Свет фар сузился, темнота словно напирала снаружи. Снова ощущение туннеля. Скоро сознание меня покинет. Я вздохнул глубоко, как только мог. Кислорода в мозг! Спасайся, бодрствуй, живи!

В монотонном реве мотора появился новый обертон.

Я понял, что это, и крепче уцепился за баранку.

Другой мотор.

В зеркале заднего вида блеснули фары.

Сзади неторопливо приближалась машина. А почему бы и нет? Мы одни в этой глухомани, у нас вся вечность в запасе.

Единственное, что мне оставалось, – это не пропустить его вперед, чтобы он не мог загородить мне дорогу. Я вырулил на середину гравийной дороги и пригнулся как можно ниже к рулю, чтобы стать как можно менее удобной мишенью для «глока». За поворотом дорога вдруг сделалась прямой и шире. И Гreve, словно зная это заранее, прибавил газа и поравнялся со мной. Я резко взял вправо, чтобы спихнуть его в кювет. Но поздно: он успел проскочить вперед. Я уже и сам приближался к кювету и, отчаянно крутанув руль, снова выехал на гравий. Я опять был на дороге. Но впереди горел красный свет. Точнее, два. Тормозные огни, свидетельствующие, что машина впереди остановилась. Я тоже затормозил, но продолжал сидеть, не выключая мотора. Я не хотел умереть тут, в хуторской глуши, как бессловесная овца. Мой единственный шанс теперь – дожидаться, чтобы он вышел из машины, и раздавить его насмерть, раскатать гигантскими задними колесами, словно пряничное тесто – скалкой с крупным рисунком.

Водительская дверь распахнулась. Я слегка нажал на газ, проверяя, насколько быстро реагирует мотор. Не очень-то быстро. Голова закружилась, и поле зрения снова стало сворачиваться, но я заметил появившуюся из машины и приближающуюся ко мне фигуру. Я прицелился, обеими руками цепляясь за остатки сознания. Высокий, тощий. Высокий, тощий? Клас Гreve не высокий и не тощий.

– Синдре?

– What?^[26] – отозвался я, хотя отец энергично вколачивал в меня, что надо говорить: «I beg you pardon?», «Sorry, Sir?», «How can I accommodate you, madame?»^[27].

Я сполз вниз по сиденью. Отец не разрешал матери сажать меня на колени. А то парень вырастет неженкой. Отец, ты видишь меня? Что, неженка я? Можно, я посижу у тебя на коленях, отец?

И я услышал, как чудесный норвежский говорок пропел в темноте, чуть запинаясь:

– Are you from the^[28] ... мм, психушка?

– Психушка? – повторил я.

Он подошел сбоку к кабине, и я посмотрел на него искоса, из последних сил цепляясь за руль.

– Ой, простите, – сказал он. – У вас вид, как... как у... Вы что, упали в навозную яму?

– Да, свалился нечаянно.

– Понял. Я остановил-то вас, потому как вижу, трактор-то Синдре. А еще у вас собака висит на косилке.

Значит, я все-таки недостаточно сосредоточился. Ха-ха. Я просто-напросто забыл про эту собаку, слышишь, отец? Слишком мало крови осталось в мозгу. Слишком много...

Пальцы утратили чувствительность и соскользнули с руля. И я вырубился.

15. Время для посещений

А проснулся я в раю. Все было белое, и ласковый ангел склонился надо мной, лежащим на облаке, и спросил, знаю ли я, где я. Я кивнул, и ангел объяснил, что кое-кто хочет со мной поговорить, но спешки нет, он может подождать. Да, подумал я, он может подождать. Потому что, как только он услышит, что я сделал, он тут же выкинет меня отсюда, из всей этой мягкой, роскошной белизны, в кузнечный цех, в плавильную печь, в вечную кислотную ванну моих грехов.

Закрыв глаза, я прошептал, что не хочу, чтобы сейчас меня беспокоили.

Ангел понимающе кивнул, поплотнее укрыл меня облаком и ушел, стуча деревянными подошвами сабо. Прежде чем за ангелом закрылась дверь, до меня донесся гул голосов из коридора.

Я пощупал повязку на шее. В памяти всплыли какие-то отрывочные картинки. Лицо высокого тощего мужчины надо мной, заднее сиденье машины, мчащей на полной скорости по петляющей дороге, какие-то двое в белых халатах, перекладывающие меня на носилки. Душ. Я лежал под душем! В теплой, чудесной воде, пока снова не вырубился.

Мне снова захотелось туда, но мозг подсказывал, что эта роскошь была преходящей, что песок все еще бежит в часах, земной шар по-прежнему вращается, а ход событий неостановим. Они просто замедлились, решив взять передышку.

Думай!

Конечно, думать – это мучительно, куда проще махнуть на все рукой, сдаться и прекратить бунт против судьбы и силы ее тяжести. Но только есть что-то раздражающее в этом пошлом, тупом ходе событий, от которого человек в конце концов стервенеет.

И тогда начинает думать.

Что встречи со мной ожидает Клас Гreve – исключено, но это вполне может быть полиция. Я взглянул на часы. Восемь утра. Если полиция уже успела обнаружить труп Синдре О и заподозрила меня в убийстве, то маловероятно, что они послали только одного человека, который к тому же скромно сидит и дожидается в коридоре. Скорее всего, это обычный дознаватель, он просто хочет задать вопросы о том, что случилось; наверное, все дело в тракторе, брошенном посреди дороги, наверное... Наверное, я успокаиваю себя, надеясь, что это полиция. Наверное, с меня

хватит, наверное, единственное, что мне осталось, – это спасти собственную жизнь, наверное, мне надо рассказать им все как есть. Я лежал, прислушиваясь к ощущениям. И ощутил, как смех, пузырясь, поднимается изнутри. Это потрясающе!

Тут дверь открылась, до моего слуха донеслись звуки из коридора, и вошел мужчина в белом халате. Прищурился над папкой.

– Собачка покусала? – спросил он и посмотрел на меня, улыбаясь.

Я тут же его узнал. Дверь захлопнулась у него за спиной, и мы остались одни.

– Прошу прощения, у меня не было времени ждать.

Клас Гreve в белом врачебном халате. Одному богу известно, откуда взят. Одному богу известно, как он нашел меня – ведь мой мобильник, насколько я помнил, лежит на дне ручья. Но и богу и мне было известно то, что будет дальше. И словно в подтверждение, Гreve сунул руку в нагрудный карман и вынул пистолет. Мой пистолет. Или, точнее, пистолет Уве. Или, если уж совсем точно, «Глок-17» с девятимиллиметровыми пулями, которые, попадая в тело, раскрываются, словно не до конца расколовшись, так что имеющаяся порция свинца утаскивает с собой несоразмерное количество мяса, мышц, костной массы и мозга, и все это, пройдя твоё тело насквозь, прилипает к стенке позади тебя, в экспрессионистическом стиле картин Барнаби Фёрнаса. Дуло пистолета смотрело на меня. Принято считать, что в подобной ситуации тут же пересыхает во рту. Так оно и есть.

– Ты позволишь воспользоваться твоим пистолетом, Роджер? – произнес Клас Гreve. – Я не взял в Норвегию свой. Теперь столько сложностей в аэропорту с оформлением оружия, да я и не предполагал... – он развел руками, – подобного. А кроме того, совсем неплохо, что след этой пули не ведет ко мне, правда, Роджер?

Я не ответил.

– Правда? – повторил он.

– Почему?.. – прохрипел я, словно ветер в пустыне.

Клас Гreve ждал продолжения, на лице его отразилось явное любопытство.

– Почему ты все это делаешь? – прошептал я. – Неужели ради женщины, которую ты только что встретил?

Он наморщил лоб:

– Ты про Диану? Ты знал, что мы с ней...

– Да, – перебил его я, чтобы не слышать продолжения.

Он коротко улыбнулся:

– Ты идиот, Роджер? Ты правда думаешь, что все дело в ней, тебе и во мне?

Я не ответил. Что я понимаю это. Что дело вовсе не в такой банальной ерунде, как жизнь, чувства и люди, которых любишь.

– Диана была только средством, Роджер. Мне пришлось использовать ее, чтобы выйти на тебя. Поскольку ты не клюнул на первую наживку.

– Выйти на меня?

– Да. Мы четыре месяца это планировали, как только узнали, что «Патфайндер» ищет нового управляющего директора.

– Мы?

– Именно.

– «ХОТЕ»?

– И наш новый американский собственник. Экономически мы оказались – назовем вещи своими именами – в неважном положении. И поэтому пришлось согласиться на некоторые их условия, которые, видимо, выглядели как покупка, но фактически стали операцией по спасению. Одним из этих условий было – что мы добудем для них и «Патфайндер».

– Добудете «Патфайндер»? Но каким образом?

– Мы же с тобой все понимаем, Роджер. Хотя формально руководство предприятия осуществляется акционерами и правлением, реально все в руках управляющего директора. В конце концов именно он решает, продать ли компанию и кому. Возглавляя «ХОТЕ», я сознательно выдавал правлению минимум информации и максимум неопределенности, так что они сами всякий раз предпочитали доверять мне принятие решений. Что их, кстати, вполне устраивало. А мы же знаем, что любой мало-мальски компетентный руководитель, пользующийся доверием правления, сможет манипулировать малоинформированными акционерами и убедить их делать то, что он хочет.

– Ты преувеличиваешь.

– Неужели? Насколько я понимаю, убалтывать эти так называемые правления – как раз твой хлеб.

Он был, разумеется, прав. И это подтвердило мои прежние подозрения, когда Фельсенбринк из «ХОТЕ» столь недвусмысленно порекомендовал Грeve в начальники к их злейшему конкуренту.

– Так «ХОТЕ»... – начал я.

– Да, «ХОТЕ» намерена забрать себе «Патфайндер».

– Потому что американцы согласились поправить ваши дела только на этом условии?

– Деньги, полученные нами как акционерами «ХОТЕ», останутся на

специальном счете, пока не будут выполнены все условия сделки. Хотя то, о чем мы говорим, нигде, разумеется, документально не зафиксировано.

Я медленно кивнул.

– Значит, вся история насчет того, что ты ушел в отставку в знак протеста против продажи компании, – только инсценировка, чтобы представить тебя добропорядочным кандидатом, которому можно передать управление «Патфайндером»?

– Точно.

– А возглавив «Патфайндер», ты заставил бы акционеров продаться американцам?

– Заставить можно по-разному. Когда в «Патфайндере» через несколько месяцев обнаружат, что их технология уже не тайна для «ХОТЕ», то сами поймут, что в одиночку у них нет шансов, что наилучший выход – это сотрудничество.

– Потому что ты потихоньку сольешь эту технологию в «ХОТЕ»?

Улыбка Гreve, тонкая и белая, напоминала ленточного червя.

– Как уже было сказано, они составят прекрасную пару.

– Но это будет брак по принуждению.

– Если угодно. Но благодаря сочетанию технологий «ХОТЕ» и «Патфайндера» мы приберем к рукам все оборонные заказы на GPS в Западном полушарии. И прихватим пару в Восточном... Ради этого стоит немножко смухлевать, тебе не кажется?

– И по вашему плану, это назначение должен был устроить я?

– Я ведь в самом деле сильный кандидат, правда? – Клас Гreve стоял в изножье моей кровати с пистолетом в правой руке, спиной к двери. – Но мы хотели подстраховаться. Выяснили, с какими агентствами по подбору персонала они работают, и кое-что разузнали. Оказалось, у тебя есть определенная репутация, Роджер Браун. Говорят, какого ты предложишь кандидата, того и возьмут. Ты в этом смысле чемпион. Естественно, мы решили действовать через тебя.

– Я тронут. Но почему было не выйти прямиком на «Патфайндер», раз уж вам он так нужен?

– Роджер, не забывай: я бывший директор большого страшного серого волка на рынке GPS! Они сразу забили бы тревогу, стоило мне к ним первому приблизиться! Нет, это они должны были меня «найти». Например, с помощью одного охотника за головами. Да чтобы он меня еще и уламывал. Единственный правдоподобный ход, чтобы «патфайндеры» поверили, что я пришел без злого умысла.

– Понимаю. Но зачем было использовать Диану, почему не выйти на

меня напрямик?

– Не притворяйся идиотом, Роджер. Ты бы тоже почуял неладное, вздумай я предлагаться сам, и обходил бы меня десятой дорогой.

Он был прав, я притворялся идиотом. А настоящим идиотом был он сам. Идиотом, которого распирает такое упоение собственными гениальными, точно просчитанными планами, что он не может утерпеть и теперь будет стоять и хвастать ими, пока кто-нибудь не зайдет в палату. А это наверняка произойдет довольно скоро, я ведь типа болен, раз уж лежу тут!

– Ты приписываешь мне слишком благородные мотивы, Клас, – сказал я, подумав: как же это возможно казнить человека, перейдя с ним на «ты»? – Я просто предлагаю кандидатов, которые, на мой взгляд, наверняка получают работу, причем совсем не обязательно тех, кого я сам считаю лучшими для данной должности.

– Однако, – Грeve нахмурился, – охотники твоего уровня все же не до такой степени аморальны, а?

– Плохо ты знаешь охотников за головами, как я погляжу. Не надо было впутывать сюда Диану.

Грeve это явно позабавило:

– Правда?

– Как тебе удалось ее заполучить?

– Тебе в самом деле это интересно, Роджер? – Он чуть поднял пистолет.

Метр. Между глаз?

– Умираю от любопытства, Клас.

– Как знаешь. – Он снова чуть опустил пистолет. – Я не раз навещал ее в галерею. Купил пару вещей. Не сразу и по ее рекомендации. Пригласил ее в кафе. Мы беседовали на всевозможные темы, на темы глубоко личные, как возможно только между совсем чужими людьми. О семейных проблемах...

– Вы обсуждали наши семейные проблемы? – вырвалось у меня.

– Разумеется. Как человек разведенный, я многое понимаю. Понимаю, например, как это тяжело для такой красивой и зрелой женщины – что муж не хочет детей. Или уговаривает ее сделать аборт, поскольку у младенца якобы синдром Дауна. – Клас Грeve осклабился, точно Синдре О в кресле-качалке. – Притом что я детей просто обожаю.

Кровь вместе с рассудком отлила от моей головы, оставив там единственную мысль: убить вот этого, стоящего сейчас передо мной.

– Ты... ты сказал ей, что хочешь ребенка.

– Нет, – тихо ответил Гревелю. – Я сказал, что хочу ребенка *от нее*.

Пришлось собрать все силы, чтобы ответить сдержанным тоном:

– Диана никогда бы не изменила мне с таким шутком гороховым...

– Я пригласил ее к себе домой и показал моего так называемого Рубенса...

– Так называемого? – Я растерялся.

– Да, картина, разумеется, не подлинник, просто очень добротная и старая копия, написанная современником Рубенса. Немцы, правда, довольно долго считали, будто это оригинал. Бабушка показывала мне ее, еще когда я был подростком и жил тут. Жаль, что пришлось обмануть тебя насчет подлинности.

Услышанное, вероятно, должно было потрясти меня, но после стольких ковровых бомбардировок я просто принял этот очередной факт к сведению. Одновременно сообразив, что Гревелю знает о подмене полотна.

– Тем не менее копия сослужила свою службу, – сказал он. – Диана, увидев ее и считая, что это – подлинный Рубенс, сделала вывод, что я не только хочу сделать ей ребенка, но и смогу его – и, соответственно, ее – обеспечить, иными словами, дать ей ту жизнь, о которой она мечтала.

– И она...

– Она, разумеется, согласилась похлопотать, чтобы ее будущий муж получил место управляющего директора, означающее респектабельность и как следствие – деньги.

– То есть... тогда вечером в галерее... все сплошной балаган, от начала до конца?

– Разумеется. Если не считать того, что мы не смогли достичь цели так легко, как планировали. Когда Диана позвонила мне и рассказала, что ты решил не рекомендовать меня... – Он театрально возвел глаза к потолку. – Представляешь мой шок, Роджер? Разочарование? Ярость? Я просто-напросто понять не мог, за что ты меня вдруг невзлюбил. За что, Роджер, за что, ну что я тебе сделал?

Я сглотнул. Гревелю выглядел таким безрассудно-расслабленным, словно в запасе у него было все время мира на то, чтобы всадить мне пулю в череп, сердце или любую другую область тела, которую он выберет.

– У тебя слишком маленький рост, – сказал я.

– Что-что?

– Так это ты заставил Диану подложить в машину тот резиновый шарик с курацитом? Чтобы он убил меня, прежде чем я напишу, что не рекомендую тебя на должность?

Гревелю нахмурился:

– Курачит? Занятно, ты даже не сомневаешься, что твоя жена способна совершить убийство ради ребенка и некоторой денежной суммы. И насколько я знаю, ты прав. Но вообще-то, я попросил ее не об этом. Внутри шарика находилась смесь кеталара и дормикума, анестетик мгновенного действия и такой силы, что его применение не всегда безопасно. По нашему плану ты должен был вырубиться в то утро прямо в машине, а Диана – привезти тебя в условленное место.

– Что за место?

– Домик в горах, который я снял. Вроде того, где я надеялся найти тебя вчера вечером. Только с более симпатичным и менее любопытным хозяином.

– И там бы меня...

– Уговорили.

– Каким образом?

– Сам знаешь. Человека можно соблазнить. Припугнуть, если надо.

– Пыткой?

– У пытки есть свои достоинства, но, во-первых, я терпеть не могу причинять физические страдания другим людям. А во-вторых, на известном этапе пытка куда менее эффективна, чем принято считать. Так что нет, пытки было бы не очень много. Ровно столько, чтобы дать тебе ее почувствовать, чтобы пробудить тот безотчетный страх физической боли, который все мы носим в себе. Именно страх, а не боль делает человека сговорчивей. Поэтому серьезные, профессиональные специалисты по ведению допросов не идут дальше легких, ассоциативных пыток... – Он осклабился. – Во всяком случае, если верить руководствам ЦРУ. Они лучше, чем у ФБР, – ты ведь пользуешься руководствами ФБР, правда же, Роджер?

Я почувствовал, как шея взмокла от пота под повязкой.

– А чего именно ты хотел добиться?

– Чтобы ты составил и подписал рекомендацию, такую, как нам надо. Мы уже даже хотели марки наклеить и прислать ее тебе по почте.

– А если бы я отказался? Новые пытки?

– Мы не звери, Роджер. Если бы ты отказался, то мы бы просто оставили тебя там. Пока «Альфа» не назначит на твое место кого-нибудь из твоих коллег. Предположительно того коллегу, его зовут Фердинанд, кажется?

– Ферди, – мрачно отозвался я.

– Точно. И он, как мне показалось, настроен вполне позитивно. Как и правление, и руководитель службы информации. Получается, их мнение

тоже расходится с твоим, Роджер? Ты же согласен, что единственное, что могло мне серьезно помешать, – это негативный отзыв, причем от самого Роджера Брауна? Как видишь, у нас не было ни малейших оснований причинить тебе вред.

– Врешь, – сказал я.

– Да неужели?

– Ты не собирався оставлять меня в живых. Как ты мог отпустить меня, рискуя, что я тебя изобличу?

– Я сделал бы тебе заманчивое предложение. Вечная жизнь за вечное молчание.

– Оскорбленные мужья – ненадежные контрагенты, Грeve. И ты это знаешь.

Грeve провел дулом пистолета по подбородку.

– Пожалуй. Да, ты прав. Мы действительно хотели тебя убрать. Но так, по крайней мере, звучал план, который я изложил Диане. И она мне поверила.

– Потому что хотела верить.

– Эстрогены вообще ослепляют, Роджер.

Я не знал уже, что мне еще сказать... И ведь никто не зайдет, хоть бы одна сволочь...

– Я нашел табличку «Просьба не беспокоить» в том же шкафу, что и этот халат, – сказал Грeve, будто прочитав мои мысли. – Видимо, их вешают снаружи на дверь, когда ведут осмотр пациентов.

Ствол указывал теперь на меня, и я видел палец на спусковом крючке. Грeve не поднял пистолета, – очевидно, выстрелит с бедра, как с нереальной меткостью стрелял Джеймс Кегни в гангстерских фильмах сороковых и пятидесятых. К тому же что-то мне подсказывало, что Клас Грeve как стрелок тоже нереально меток.

– Мне показалось это разумным, – сказал Грeve, чуть сузив глаза в ожидании звука выстрела. – Как бы то ни было, смерть ведь дело очень личное, верно?

Я закрыл глаза. Я был прав с самого начала: я в раю.

– Прошу прощения, доктор!

Голос эхом отдался от стен.

Я открыл глаза. И увидел троих мужчин, стоящих позади Грeve, возле закрывающейся за ними двери.

– Мы из полиции, – произнес тот же голос, принадлежащий одному из троих, одетому в штатское. – Произошло убийство, так что, к сожалению, нам пришлось войти, несмотря на табличку на двери.

Я заметил, что мой ангел-спаситель чем-то похож на вышеупомянутого Джеймса Кегни. А может, впечатление создавалось его серым плащом. Или лекарствами, которыми меня накачали, потому что двое его коллег в черной полицейской форме со светоотражающими полосками в шашечку (вызывающими в памяти детские комбинезончики) выглядели так же нереально: похожие как две капли воды, толстые, как поросята, и высокие, как башни.

Греве застыл, бешено глядя на меня, но не поворачиваясь. Пистолет, не видимый полицейским, по-прежнему указывал на меня.

– Надеюсь, доктор, мы не помешали вам с нашим небольшим убийством? – снова заговорил тот, в штатском, не пытаясь скрыть раздражения оттого, что человек в белом халате его полностью игнорирует.

– Да нет, – сказал Греве, по-прежнему стоя к ним спиной. – Мы с пациентом как раз закончили.

Он отвел полу халата и сунул пистолет в карман брюк.

– Я... я... – начал я, но Греве меня перебил:

– А теперь постарайтесь успокоиться. А я буду держать вашу супругу Диану в курсе вашего состояния. Не волнуйтесь, доверьте ее нам. Понимаете?

Я заморгал. Греве наклонился над моей койкой и похлопал меня по колену под одеялом:

– Мы будем очень осторожны. Понимаете?

Я молча кивнул. Конечно, это просто от лекарств, на самом деле ничего подобного не происходит, не может происходить.

Греве выпрямился и улыбнулся:

– Диана, кстати, права. Волосы у вас правда шикарные.

Потом повернулся, наклонил голову и, не отрывая глаз от папки, тихо произнес, проходя мимо полицейских:

– Теперь он ваш. До поры до времени.

Как только за Греве захлопнулась дверь, «Джеймс Кегни» шагнул вперед:

– Моя фамилия Сюддед.

Я чуть кивнул, ощущая, как повязка впивается в шею:

– Вы успели в последний момент, Сюдент.

– Сюддед, – поправил он серьезным тоном. – Я следователь Отдела убийств и направлен сюда из Крипоса в Осло. Крипос – это...

– Я знаю, что такое Крипос.

– Хорошо. Это Эндриде и Эскиль Монсены, полицейское управление Элверума.

Я с почтением окинул их взглядом. Два моржа-близнеца с одинаковыми усами, упакованные в одинаковую форму. Теперь в два раза больше полиции за те же деньги!

– Сперва я хотел бы разъяснить ваши права, – начал Сюндед.

– Погодите! – вырвалось у меня. – Это вы к чему?

Сюндед устало улыбнулся:

– К тому, господин Хикерюд, что вы арестованы.

– Х...

Я прикусил язык. Сюндед помахал чем-то похожим на кредитную карту. Синюю кредитную карту. Карту Хикерюда. Карту из моего кармана. И вопросительно поднял бровь.

– ...Хрен знает что! – сказал я. – За что вы меня арестуете?

– За убийство Синдре О.

Я таращился на Сюндеда, покуда он простыми, доходчивыми словами – не наизусть, не так как, словно «Отче наш», отбарабанивают «правило Миранды» полицейские в американских фильмах, – объяснял, что я имею право как затребовать адвоката, так и молчать в тряпочку. А в заключение сказал, что начальство дало санкцию задержать меня, как только я очнусь. В конце концов, у меня всего-то пара стежков на загривке.

– Прекрасно! – сказал я. – Лично я двумя руками за!

16. Машина «ноль-один»

Как выяснилось, больница находилась в загородной местности, недалеко от Элверума. Мне полегчало, когда ее белые, похожие на матрасы здания исчезли вдаль. А еще больше – оттого, что нигде не наблюдалось серебристого «лексуса».

Мы ехали в старом, но прилично сохранившемся «вольво», с таким богатым звуком мотора, что я было подумал, что это бывший автомобиль налетчиков, переоборудованный в полицейскую машину.

– Где мы? – спросил я с заднего сиденья, где обретался, зажатый между упитанными телесами Эндриде и Эскиля Монсенов.

Моя одежда, вернее сказать, одежда Уве была отправлена в химчистку, но санитар выдал мне теннисные туфли и зеленый спортивный костюм с логотипом больницы и строго уведомил, что все это должно быть возвращено в выстиранном виде. Кроме того, мне вернули все ключи и бумажник Уве.

– В Хедмарке, – отозвался Сюддед с места возле водителя, которое афроамериканцы именуют the gunshot seat^[29].

– А куда мы едем?

– А это вас совершенно не касается, – прошипел молодой прыщавый водитель, одарив меня ледяным взглядом из зеркала заднего вида.

Bad cop^[30]. Черная куртка из бивернейлона с желтыми буквами на спине: «Клуб Кодо-дзен, Элверум». Я предположил, что это смесь какой-то густой мистики с суперновыми – а на самом деле старыми как мир – приемами единоборств. И что лишь благодаря исступленному жеванию жвачки он развил исключительно мускулатуру своих челюстей, непропорциональных по сравнению с остальным телом. Прыщавый парень был таким худосочным и узкоплечим, что его руки, державшие руль, казалось, сходятся под углом, как буква V.

– Ты за дорогой следи, – вполголоса посоветовал ему Сюддед.

Прыщавый что-то пробурчал и свирепо уставился на прямую, как струна, полосу асфальта, режущую надвое плоский, как блин, сельскохозяйственный ландшафт.

– Мы едем в полицейский участок в Элверуме, Хикерюд, – сказал Сюддед. – Я прибыл сюда из Осло и допрошу вас сегодня и, если нужно, завтра. И послезавтра. Надеюсь, мы найдем общий язык, а то я терпеть не могу Хедмарк.

Он забарабанил пальцами по маленькому саквояжу, похожему на дамскую косметичку, который передал ему Эндриде, так как у нас на заднем сиденье места для данного предмета уже не было.

– Найдем, – заверил я, чувствуя, как обе мои руки немеют.

Близнецы Монсены дышали в такт, вследствие чего меня сжимало с обеих сторон, как тубик с майонезом, каждые четыре секунды. Я прикинул, не попросить ли одного из них дышать с другой частотой, но решил воздержаться. После пистолета Гreve это вселяло некоторое даже чувство защищенности. Я словно вернулся в детство, словно ехал с отцом на работу, потому что мама заболела, и сидел, зажатый между двумя серьезными, но симпатичными взрослыми на заднем сиденье посольского лимузина. И все были нарядно одеты, но отец был наряднее всех в своей шоферской фуражке и вел машину так ровно и элегантно. А потом отец купил мне мороженое и сказал, что я вел себя как настоящий джентльмен.

В рации затрещало.

– Тсс! – Прыщавый нарушил молчание в салоне.

– Внимание всем патрульным машинам, – зашипел гнусавый женский голос.

– Обеим патрульным машинам, – пробурчал прыщавый, сделав звук погромче.

– Эгмон Карлсен заявляет об угоне трейлера...

Конец сообщения утонул в хохоте прыщавого и братьев Монсенов. Их тела тряслись и содрогались, и я ощущал в высшей степени приятный массаж. Наверное, лекарства все еще действовали.

Прыщавый поднял микрофон и произнес в него:

– А голос у Карлсена был при этом трезвый? Прием!

– Нет, не совсем, – ответил женский голос.

– Значит, опять нарезался и сел бухой за руль, а машину где-то забыл. Позвони в «Медвежий паб». Наверняка там и припаркована. Восьмиколесник, на кузове реклама «Кухни „Сигдал“». Конец связи.

Он вернул микрофон на место, и я, заметив общее оживление, воспользовался ситуацией:

– Как я понял, тут кого-то убили. А можно спросить, какое отношение все это имеет ко мне?

Ответом было молчание, но я видел по лицу Сюддеда в зеркале, что он задумался. И вдруг он повернулся ко мне и пристально поглядел:

– Ладно, давайте сразу закроем вопрос. Мы знаем, что это сделали вы, господин Хикерюд, и отвертеться у вас не получится. У нас есть и труп, и место преступления, и улики, которые связывают вас и с тем и с другим.

Мне следовало быть в шоке, в ужасе, чувствовать, как сердце отчаянно колотится или обрывается или что там оно еще делает, когда слышишь, как торжествующий полицейский заявляет, что у него достаточно улики, чтобы отправить тебя в тюрьму на всю жизнь. Но ничего такого я не почувствовал. Потому что я слышал не торжествующего полицейского – я слышал Инбау, Рейда и Бакли. Шаг первый. Прямая конфронтация. Или, как сказано в руководстве: дознавателю в начале допроса следует дать подозреваемому почувствовать, что полиции известно все. Говорить «мы» и «полиция», никогда – «я». И «знаем», а не «считаем». Воздействовать на самооценку допрашиваемого, обращаться к человеку с низким социальным статусом «господин», а с высоким – на «ты» и по имени.

– Но, между нами говоря, – продолжал Сюддед, понизив голос таким манером, который явственно сигнализировал о доверительности, – судя по тому, что я о нем слышал, этот Синдре О – невелика потеря. Не зятни вы веревку на шее старого склочника, это, надо надеяться, сделал бы кто-нибудь другой.

Я подавил зевоту. Шаг номер два. Выразить сочувствие подозреваемому, чтобы разрядить обстановку.

Поскольку я не ответил, Сюддед продолжил:

– Но у меня есть для вас хорошая новость. Если вы немедленно признаетесь, наказание можно будет смягчить.

Ну точно: Конкретное Предложение! Этот прием Инбау, Рейд и Бакли категорически не рекомендовали, им пользуются только самые отчаянные. Видно, этому человеку правда не терпится свалить из Хедмарка домой.

– Так почему вы это сделали, Хикерюд?

Я посмотрел в боковое окно. Поле. Ферма. Поле. Ферма. Поле. Ручей. Поле. Прекрасное снотворное.

– Ну так что же, Хикерюд?

Я слышал, как пальцы Сюддеда барабанят по косметичке.

– Вы лжете.

Барабанная дробь смолкла.

– Повторите.

– Вы лжете, Сюддед. Я понятия не имею, кто такой Синдре О, и никаких улик у вас против меня нет.

Сюддед издал сухой смешок, похожий на стрекот газонокосилки.

– Ах нет? Ну тогда не объясните ли мне, где вы находились последние двадцать четыре часа? Не сделаете ли нам такое одолжение, господин Хикерюд?

– Возможно, – сказал я. – Если вы расскажете мне, в чем, собственно,

дело.

– Двинь ему как следует! – выкрикнул прыщавый. – Слышь, Эндриде, двинь...

– Заткнись, – спокойно осадил его Сюндед и снова повернулся ко мне: – А почему мы должны вам это рассказывать, Хикерюд?

– Потому что тогда я буду с вами разговаривать. В противном случае я буду молчать в тряпочку до прибытия моего адвоката. Из Осло. – Я увидел, как губы Сюндеда сжались в ниточку, и добавил: – Завтра, если нам повезет.

Сюндед склонил голову набок, глядя на меня, как на насекомое и словно раздумывая, взять ли меня к себе в коллекцию или просто раздавить.

– Ладно, Хикерюд. Началось все с телефонного сообщения о том, что обнаружен брошенный на дороге трактор и стая ворон, пирующих сзади на косилке. Питались они там, как выяснилось, мякотью собачьей тушки. Трактор принадлежал Синдре О, но тот в силу известных причин не ответил, когда ему позвонили, так что к нему приехали и обнаружили его в той же качалке, в которую вы его усадили. В амбаре мы нашли «мерседес» с отсоединенным мотором и свидетельство о регистрации машины на ваше имя, Хикерюд. Наконец полиция Элверума уловила связь между останками собаки и сообщением из больницы о том, что найден мужчина в полубессознательном состоянии, весь покрытый нечистотами и сильно покусанный собакой. Позвонили в больницу, и дежурный санитар сообщил, что пациент без сознания, но в его кармане они обнаружили кредитную карточку, на которой стояло имя «Уве Хикерюд». Упс – и вот мы встретились!

Я кивнул. Теперь понятно, как они меня нашли. Но как это удалось Греве? Этот вопрос раз за разом безрезультатно прокручивался в моей довольно-таки отупелой голове, степень тупости которой я осознал, только когда меня посетила совсем дурацкая мысль: а нет ли у Греве связей и в местной полиции? Кого-то, кто устроил, чтобы он оказался в палате еще до них? Нет! Они ведь сразу вошли туда и спасли меня. Хотя нет, не так! Спас меня Сюндед, этот ни о чем не подозревающий Сюндед из Крипоса. Я почувствовал усиливающуюся головную боль, когда явилась следующая мысль: если все так, как я опасаюсь, то на какую безопасность я могу рассчитывать в камере предварительного заключения? И синхронное дыхание близнецов Монсенов уже не вселяло ощущения безопасности. Ее вообще ничто уже не сулило; казалось, в этом мире ни на что нельзя положиться. Ни на кого. За исключением разве что одного человека. Ни о

чем не ведающего. Мужчины с косметичкой. Мне надо раскрыть карты, рассказать Сюндеду все, добиться, чтобы он связался с другим полицейским участком, – Элверумский несомненно куплен, в этой машине как минимум один крот.

Снова затрещала рация:

– Машина «ноль-один», ответьте!

Прыщавый водитель схватил микрофон:

– Да, Лисе?

– Около «Медвежьего паба» никакого трейлера нет. Прием!

Рассказать все Сюндеду означало, в частности, признаться, что я – похититель предметов искусства. И как я смогу убедить полицию, что убил Уве в целях самообороны, что это был практически несчастный случай? У человека ведь от наркоза были глаза в кучку...

– А ты тряхни мозгами, Лисе. Поспрашивай там в округе. Не очень-то спрячешь восьмиметровую дуру в такой местности, правда?

В голосе, послышавшемся в ответ, звучало легкое раздражение:

– Карлсен говорит, ты всегда найдешь его колымагу, ты как-никак полицейский и его деверь. Прием.

– Ни хрена! Ты это из головы выкинь, Лисе!

– Он говорит, что не шибко-то много и просит, потому как тебе досталась самая нестрашная из его сестер.

Меня сотряс раскатистый хохот близнецов Монсенов.

– Скажи придурку этому, что сегодня мы на ответственном задании, – прошипел прыщавый. – Конец связи.

Я понятия не имел, как мне следует играть в этой игре. Скоро они поймут, что я не тот, кем они меня считают, это лишь вопрос времени. Рассказать им все сразу или эта разменная карта мне пригодится потом?

– А теперь ваша очередь, Хикерюд, – сказал Сюндед. – Я пробил вас по базам. Вы наш старый знакомец. И по нашим бумагам, не женаты. Что в таком случае имел в виду врач, говоря, что позаботится о вашей жене? Диане, он, кажется, так сказал?

Вот и все, карта моя бита. Я вздохнул и посмотрел в окно. Пустоши. Поля. Ни одной встречной машины, ни дома, только облачко пыли от трактора или легковушки далеко в полях.

– Не знаю, – ответил я.

Надо думать четче. Яснее. И видеть всю доску.

– А какие у вас были отношения с Синдре О, а, Хикерюд?

Это обращение уже начинало утомлять. И, собравшись ответить, я понял, что опять ошибся. Полиция ведь считает, что я – Уве Хикерюд!

Именно это имя им сообщили в больнице. Но если они передали эту информацию Класу Гreve, зачем ему было посещать этого Хикерюда в больнице? Он никогда не слышал ни о каком Хикерюде, никто на белом свете понятия не имел о том, что Уве Хикерюда что-то связывает со мной, Роджером Брауном! Одно с другим не стыкуется. Нет, он нашел меня каким-то иным способом.

– Вы слышали мой вопрос, Хикерюд?

Сначала Гreve нашел меня в том лесном домике. Потом в больнице. Притом что мобильного у меня с собой уже не было. У Гreve нет связей ни в «Теленоре», ни в полиции. Но как тогда это стало возможно?

– Хикерюд! Алло!

Облачко пыли на боковой дороге двигалось с большей скоростью, чем мне показалось поначалу. Впереди нарисовался перекресток, и вдруг я ощутил, что облако устремлено прямо на нас, что мы вот-вот столкнемся. Оставалось надеяться, что водитель той машины отдает себе отчет в том, что у нас – право преимущественного проезда.

Может, прыщавый должен намекнуть тому водиле воспользоваться клаксоном? Намекнуть. Что там сказал Гreve в больнице? «Диана права. Волосы у вас правда шикарные». Я закрыл глаза и ощутил ее руки у себя в волосах, тогда в гараже. Запах. От нее пахло по-другому. Пахло им, Гreve. Нет, не Гreve. Пахло «ХОТЕ». Облако пыли, нацеленное на нас. И, словно в замедленной съемке, все встало на свои места. Как я раньше не сообразил!

– Нам грозит смертельная опасность, Сюндед.

– Единственный, кому тут грозит опасность, – это вы, Хикерюд. Или как вас там.

– Что?

Сюндед глянул в зеркало заднего вида и поднял кредитную карту, которую показывал мне в больнице:

– Вы не похожи на этого типа по имени Хикерюд, судя по фотографии. А из досье Хикерюда в нашем архиве следует, что его рост – метр семьдесят три. А ваш... сколько? Метр шестьдесят пять?

В машине сделалось тихо. Я не сводил взгляда с облака пыли, которое стремительно приближалось. Это был не легковой автомобиль. А здоровенная фура. Она была уже так близко, что я мог прочитать буквы на ее борту: «КУХНИ „СИГДАЛ“».

– Метр шестьдесят восемь, – ответил я.

– Так кто же вы, черт подери? – буркнул Сюндед.

– Я Роджер Браун. А слева – угнанный трейлер Карлсена.

Все головы повернулись налево.

– Что происходит, черт побери? – продолжал бурчать Сюндед.

– Происходит то, что происходит, – сказал я. – Дело в том, что за рулем этого трейлера сидит тип по имени Клас Грeve. Он знает, что я тут в машине, и намерен лишить меня жизни.

– Но как...

– У него GPS-трекер, благодаря ему он может найти меня, где бы я ни находился. А смог он все это потому, что моя жена погладила меня по волосам сегодня утром в гараже. Рукой в геле, в котором находятся микроскопические передатчики и который так крепко приклеивается к волосам, что смыть его невозможно.

– Что за чушь! – прошипел следователь Крипоса.

– Сюндед... – начал прыщавый. – Это трейлер Карлсена.

– Надо сейчас же остановиться и развернуться, – сказал я. – Иначе он убьет нас всех. Остановитесь!

– Вперед, – сказал Сюндед.

– Вы что, не понимаете, что сейчас произойдет? – крикнул я. – Вы же сейчас умрете, Сюндед!

Сюндед снова рассмеялся было своим газонокосилочным смехом, но в следующий миг газонокосилку словно заклинило. Поскольку теперь и он тоже увидел и понял: слишком поздно.

17. «Кухни „Сигдал“»

Столкновение двух тел – простая физика. Все случайно, но все случайности описываются уравнением: сила, действующая на тело, равна массе, умноженной на ускорение. Стоит подставить вместо случайностей конкретные числа, и получится прогноз, простой, ясный и неумолимый. Из него понятно, например, что будет, когда полностью загруженный трейлер массой в двадцать пять тонн на скорости восемьдесят километров в час столкнется с легковым автомобилем массой восемьсот килограммов (включая массу близнецов Монсенов), идущим с той же скоростью. Исходя из таких случайностей, как точка столкновения, характеристики кузовов и угол расположения тел относительно друг друга, можно получить множество вариантов сценария, но у всех будет как минимум два общих свойства: исход всегда трагический и всегда для легковой машины.

Когда трейлер с Класом Грее за рулем в два часа тринадцать минут врезался в полицейскую машину «ноль-один» – «Вольво-740», модель 1989 года, – чуть впереди водительского места, то двигательный отсек, оба передних колеса и ноги прыщавого переместились вбок от кузова и одновременно машину подбросило в воздух. Никакие подушки безопасности не сработали, поскольку в «вольво» до 1990 года выпуска их просто нет. Полицейская машина – уже превратившаяся в обломок – пролетела над шоссе, пронеслась высоко над ограждением и рухнула под елки, тесным строем стоявшие вдоль реки на дне лощины. Прежде чем вломиться в их верхушки, полицейская машина успела выполнить в воздухе двойное сальто назад с полувинтом. Свидетелей не было, и подтвердить то, что я говорю, некому, но произошло именно так – это факт. Он – как уже сказано выше – простая физика. Равно как и тот факт, что трейлер без особых повреждений проскочил пустой перекресток, после чего затормозил так, что завизжало голое железо. Потом выдохнул, как дракон, разжав наконец тормоза, но еще много минут запах горелой резины и тормозных колодок висел в воздухе.

В два часа четырнадцать минут елки перестали качаться, пыль улеглась, трейлер стоял с включенным мотором, а солнце по-прежнему озаряло земли Хедмарка.

В два часа пятнадцать минут мимо проехал первый автомобиль, водитель которого, судя по всему, ничего не заметил – разве что трейлер, стоящий на боковой гравиевой дороге, да, может, обратил внимание на

хруст битого стекла под колесами. К примеру, он не увидел никаких признаков того, что внизу под деревьями, на берегу реки, валяется перевернутая полицейская машина.

Все это я знаю потому, что находился в позе, не оставляющей сомнений, что машина лежит крышей вниз и закрыта от дороги деревьями, растущими вдоль реки. Точное время я привожу, исходя из того, что наручные часы Сюддеда, которые лежали и тикали прямо передо мной, показывали его верно. Мне, во всяком случае, кажется, что эти часы принадлежали Сюддеду, поскольку находились они на запястье оторванной руки, торчащей из куска серой плащевой ткани.

Ветерок доносил канифольный запах горелых колодок и звук дизельного мотора на холостом ходу.

Из безоблачного неба сквозь кроны пробивался солнечный свет. Но вокруг меня шел дождь. Из бензина, масла и крови. Отовсюду текло и капало. Все были мертвы. У прыщавого больше не было прыщей. То есть вообще лица, если точнее. То, что осталось от Сюддеда, сложилось пополам, как картонная фигурка, я видел, как он смотрит на меня из-под собственных ног. Близнецы на вид казались целыми, но дышать оба перестали. Сам я остался жив целиком и полностью благодаря предрасположенности членов семьи Монсен набирать такую массу тела, которая превращала их в превосходные подушки безопасности. Но те же тела, которые спасли мне жизнь, вот-вот ее отнимут. Весь кузов был смят, и я висел на заднем сиденье вниз головой. Одна рука была свободна, но меня так плотно зажало между обоими полицейскими, что я не мог ни пошевелиться, ни дышать. Хотя мои органы восприятия, увы, работали прекрасно. Так что я видел, как просачивается бензин, чувствовал, как он затекает в штанину, струится по телу и вытекает из-под воротника. Слышал трейлер наверху, на дороге, как тот фыркает, кашляет и запинаясь, стоя в ожидании. И понимал, что там сидит он, Клас Греве, и думает, взвешивает. Смотрит на свой GPS-трекер – шевелюсь я или нет. Он думал, может, все же стоит сходить и убедиться, что все мертвы. С другой стороны, непросто спуститься на дно лощины, а еще труднее из нее выбраться наверх. Да и кто бы мог выжить после такого столкновения? Впрочем, куда спокойнее спать, когда знаешь наверняка, когда видел своими глазами...

Уезжай, молил я. Уезжай!

Потому что самым неприятным в этом варианте – насчет «своими глазами» – было то, что я точно представлял себе его действия, когда он увидит меня, облитого бензином.

Уезжай. Уезжай!

Дизельный двигатель трейлера кудахтал, точно ведя дискуссию с самим собой.

Все произошедшее теперь встало передо мной совершенно отчетливо. Гreve не поднимался к Синдре О на крыльцо, чтобы спросить, где я, – это он и сам наблюдал на своем GPS-трекере с точностью до метра. Синдре убрали просто-напросто потому, что он видел Гreve и его машину. А когда Гreve шел по тропинке к тому домику, я как раз направился в уборную, и, не найдя меня в доме, он снова глянул на свой GPS-трекер. И обнаружил, к своему удивлению, что сигнала от меня нет. Потому что передатчики в моих волосах в тот момент были погружены в дерьмо, эти передатчики «ХОТЕ», у которых, как известно, недостает мощности, чтобы пробить даже слой пыли. Мне, идиоту, незаслуженно пофартило.

Гreve отправил пса меня искать, а сам все ждал. По-прежнему никаких сигналов. Потому что засохшее дерьмо продолжало блокировать сигнал передатчиков все то время, пока я заходил в амбар, посещал мертвого Синдре О и ехал на тракторе. И только среди ночи GPS-трекер Гreve вдруг снова стал принимать сигналы. В этот момент я лежал на носилках в больничном душе и мне отмывали волосы от дерьма. Гreve сел в машину и на рассвете прибыл в больницу. Бог знает, как он похитил этот трейлер, но, во всяком случае, и на этот раз у него не было проблем с тем, чтобы снова найти меня, слабоумное трепло Брауна, который сам буквально напрашивался, чтобы его взяли.

Пальцы оторванной руки Сjunдeда по-прежнему сжимали ручку саквояжа. Часы на запястье тикали. Два шестнадцать. Через минуту я потеряю сознание. Через две задохнусь. Определяйся, Гreve.

И он определился.

Трейлер громко рыгнул. Обороты снизились. Чертов голландец выключает зажигание, он идет сюда!

Или... он просто включил передачу?

Тихое ворчание. Хруст гравия под колесами, на которые давит двадцать пять тонн. Ворчание нарастало и нарастало. А потом сделалось тише. Исчезло, растворилось в пейзаже. Умерло.

Я открыл глаза, благодарный. За то, что теперь меня не сожгут, а умру я от нехватки кислорода. Потому что это совсем не худший способ умереть. Мозг отключает отделы один за другим, ты впадаешь в дремоту, глохнешь, перестаешь думать, и таким образом все проблемы исчезают. В некотором смысле похоже на действие известных крепких напитков. Что ж, подумал я. Таковую-то смерть можно пережить.

И чуть не рассмеялся от этой мысли.

Я, потративший всю жизнь на то, чтобы стать антиподом собственного отца, закончу свои дни, как он, в искореженной машине. Да и стал ли я кем-то сильно иным, чем он? Когда я вырос настолько, что старый пьяница уже не мог меня ударить, я стал бить его сам. Тем же способом, как он бил мать, – не оставляя видимых следов. Я, например, отказался, когда он предложил выучить меня водить машину, сказав, что не собираюсь получать права. Я закадрил некрасивую, избалованную посольскую дочку, которую отец каждый день отвозил в школу, только ради того, чтобы привести ее к нам ужинать и унижить его. Я пожалел об этом, увидев, как мать плачет на кухне после горячего и перед десертом. Я поступил именно в ту лондонскую высшую школу, о которой он говорил, что это притон социалистов, где учат будущих нахлебников общества. Но он расстроился не так сильно, как я рассчитывал. Сумел даже изобразить гордую улыбку, когда я сообщил об этом, черт лицемерный. А когда он позже той же осенью спросил, можно, они с мамой приедут из Норвегии и навестят меня в кампусе, я отказался на том основании, что не хочу, чтобы мои однокашники узнали, что мой отец не высокопоставленный дипломат, а простой шофер. Мне хотелось убедиться, что удар придется в чувствительное место. Что ему будет больно.

За две недели до венчания я позвонил матери и сказал, что женюсь на одной девушке, которую тут встретил, и объяснил, что все будет очень скромно, только мы и два свидетеля. Но что мать я буду рад видеть на свадьбе, только без отца. Мать, конечно, рассердилась и сказала, что без него не придет. Благородные, верные души часто калечит их преданность самым подлым из людей. Исключительным подлецам, непонятно почему.

Диана, разумеется, собиралась посетить моих родителей в то лето после окончания отпуска, но за три недели до того, как мы уехали из Лондона, я получил известие об аварии. По пути домой с дачи, сказал полицейский сквозь треск на линии. Вечер, дождь, слишком большая скорость. Участок старой дороги как раз закрыли для проезда – ремонт. Новая – в объезд, может немного неудобный, но снабженный предупреждающим знаком. Свежеуложенный асфальт поглощает свет, это понятно. Припаркованный асфальтоукладчик. Я перебил полицейского и сказал, что им надо было проверить кровь моего отца на алкоголь. Чтобы получить доказательства того, что я знал и так: старик убил мою маму.

В тот вечер, сидя в одиночку в пабе «Баронский двор», я впервые попробовал крепкое спиртное. И плакал у всех на глазах. В тот вечер, смывая слезы среди вонючих писсуаров, я вдруг увидел в треснутом зеркале дряблое, пропитое лицо отца. И вспомнил тот внимательный,

спокойный блеск в его глазах, когда он, стукнув по шахматной доске, отшвырнул королеву, кувыркнувшуюся в воздухе – двойное сальто назад с полувинтом, – прежде чем достичь пола. И он меня ударил. Единственный раз в жизни. Ладонью наотмашь, ниже уха. И я увидел тогда это в его глазах – то, что мама называла Болезнью. Отвратительное, ловкое и кровожадное чудовище, обитавшее позади его глаз. И в то же время это был он – мой отец, моя плоть и кровь.

Кровь.

Нечто глубоко запрятанное, пролежавшее столько времени под столькими слоями отрицаний, теперь выступило наружу. Смутное воспоминание о мелькнувшей мысли больше не желало подавляться. Оно обрело четкие контуры. Мучительно выговорилось. Стало явью. Явью, от которой я до сих пор отстранялся и лгал самому себе. Я не хотел детей не от страха, что ребенок потеснит меня. Это был страх Болезни. Страх, что у меня, сына, она тоже есть. Что она сидит там, позади моих глаз. Я лгал всем. Лотте я сказал, что не хочу ребенка, потому что у него порок развития, хромосомный сбой. Но сбой на самом деле был во мне.

Вновь нахлынуло настоящее. Моя жизнь была выморочным домом, и вот теперь мозг зачехлял в нем мебель, запирали двери и собирался отключить электричество. Закапало, потекло из глаз – на лоб, по корням волос. Быть задушенным двумя этими надувными пузырями. Я подумал о Лотте. И тут, на этом пороге, что-то вдруг забрезжило. Я увидел свет. Я увидел... Диану? Что делала эта предательница в тот час? Надувными пузырями...

Моя свободная, болтающаяся рука потянулась к саквою. Немеющие пальцы разжали на его ручке пальцы Сюндеда и открыли его. Бензин стекал по мне и капал внутрь саквояжа, но я все рылся там, вытаскивал рубашку, пару носков, трусы и несессер. Я открыл несессер все той же свободной рукой и вышвырнул его содержимое на потолок машины. Зубная паста, электробритва, пластырь, шампунь, прозрачный пластиковый пакет, который, видимо, понадобился Сюндеду на контроле в аэропорту, вазелин... вот! Ножницы, острая маленькая штучка с чуть загнутыми концами, которую кое-кто по той или иной причине предпочитает современным щипчикам для стрижки ногтей.

Я пошарил рукой по животу и груди одного из близнецов в поисках молнии или пуговиц. Но я уже утрачивал сознание, пальцы не желали ни подчиняться командам, идущим от мозга, ни отправлять информацию ему обратно. Так что я схватил ножницы и провел острым концом по пузу... хм, будем считать, что это был Эндриде. Нейлоновая ткань с облегченным

треском разошлась в стороны, выпустив наружу живот, втиснутый в голубую полицейскую рубашку. Я одним движением распорол рубашку, и сало, покрытое волосатой синюшной кожей, вылезло наружу. Тут я испугался. Но мысль о возможной награде – возможности жить, дышать – потеснила все остальные, и, размахнувшись ножницами изо всех сил, я всадил их в его живот над самым пупком. Вытащил их. Ничего не произошло.

Странно. В животе была дырка, но из нее ничего не выходило, ничего такого, что, как я надеялся, уменьшило бы давление на меня. Пузырь оставался таким же надутым.

Я вонзил ножницы снова. Еще одна дырка. Еще один безводный колодец.

Я тыкал ножницами, как бешеный. Чпок, чпок. Никакого результата.

Да из чего же они сделаны, эти чертовы близнецы? Что там – один сплошной жир? И меня удушит эта гора сала?

Еще одна машина проехала по шоссе.

Я попытался закричать, но воздуха мне не хватило.

Из последних сил я вонзил ножницы в это брюхо, но на сей раз не вытащил, просто уже не смог. Спустя мгновение я попытался ими двигать. Развел большой и указательный пальцы и соединил снова. Разрезал что-то внутри. Это оказалось поразительно легко. И тут что-то произошло. Струйка крови вытекла из дырки в нижней части живота, скрылась под одеждой, снова появилась на небритой шее, потекла по подбородку, через губы и исчезла в ноздре. Я продолжал резать. Теперь уже исступленно. Оказывается, человек на самом деле непрочное существо – оно легко вспарывается и расходится в стороны, как в телесюжетах про разделку китовой туши. И все это одними маленькими ножницами!

Я не останавливался, пока на животе не получился разрез от талии до ребер. Но масса из крови и внутренностей, вопреки моим ожиданиям, осталась на месте, а не вывалилась наружу. Рука вдруг онемела, я выронил ножницы, и вернулось знакомое ощущение сужающегося туннеля. На другом конце туннеля я видел потолок машины. Сероватый, в шахматный рисунок. Вокруг меня валялись разбросанные фигуры. Я сдался. Закрыв глаза. Чудесно это было – сдаться! Я почувствовал, как сила тяжести влечет меня вниз, к центру земли, вниз головой, как младенца из утробы, я должен пробиться, вырваться, смерть – это новое рождение. Теперь я даже ощущал схватки, ритмически сжимающую меня содрогающуюся плоть. Увидел белую королеву. Услышал звук – это плодные воды выплеснулись на пол.

И этот запах.

Боже, этот запах!

Я родился, и моя новая жизнь началась падением, ударом по голове и полным мраком.

Полный мрак.

Мрак.

Кислород?

Свет.

Я открыл глаза. Я лежал на спине и видел над собой заднее сиденье, где я только что сидел, зажатый между близнецами. Лежал я, следовательно, на потолке машины – на шахматной доске. И дышал. Воняло смертью, человеческими внутренностями. Я огляделся. Было похоже на бойню, на колбасный цех. Но примечательно, что вместо того, чтобы повести себя, как свойственно моей натуре – вытеснить, подавить, убежать, – мое сознание словно бы расширилось, чтобы вместить всю полноту впечатлений, полученных органами чувств. Я решил быть здесь и сейчас. Я жадно вдыхал запах. Я смотрел. Я слушал. Собирал фигуры с пола. Ставил их на место на доске, одну за другой. Последней поднял я поверженную белую королеву. Осмотрел ее. И поставил напротив черного короля.

Часть четвертая

Выбор

18. Белая королева

Я сидел в искореженной машине, уставившись на электробритву. Белая королева повержена. Та, которой я поставил шах и мат моему отцу, моему прошлому да и всей моей прежней жизни. Она, уверявшая, что любит меня, – и я тогда поклялся, что, будь это даже ложью, какая-то часть меня все равно всегда будет любить ее только за то, что она это сказала. Она, которую я называл своей лучшей половиной, потому что в самом деле считал ее одним из двух моих Янусовых ликов, моей доброй частью. Но я ошибся. И я ненавидел ее. Нет, даже не так: Дианы Стром-Элиассен для меня больше не существовало. И тем не менее я продолжал сидеть не двигаясь в искореженной машине с электробритвой в руке и единственной мыслью в голове.

Будет ли Диана любить меня без волос?

Какие странные вещи приходят иной раз в голову! Я отключил эту мысль и нажал на кнопку «включить». Электробритва, принадлежавшая человеку с пророческой фамилией Сюддед [\[31\]](#), завибрировала в руке.

Мне надо измениться. Я хочу измениться. Прежнего Роджера Брауна больше не существует. И я принялся за дело. Спустя четверть часа я посмотрел на себя в осколок, оставшийся от зеркала заднего вида. Зрелище – как я и опасался – особой красоты не представляло. Моя голова напоминала ядро арахиса в шелухе, продолговатая и чуть вогнутая посередине. Гладко выбритая поверхность бледно светилась на фоне загорелой физиономии. Но это был я – новый Роджер Браун. Между ног у меня лежали состриженные волосы. Я собрал их в пластиковый пакет и засунул в задний карман форменных брюк Эскиля Монсена. Попутно обнаружив в нем бумажник. Внутри была кредитная карточка и немного денег. А поскольку светиться и дальше с кредиткой Уве Хикерюда в мои планы не входило, то бумажник я решил забрать. Зажигалку я уже нашел в кармане черной бивернейлоновой куртки прыщавого и теперь думал, не поджечь ли обломки машины. Это затруднит работу по идентификации останков и, возможно, даст мне сутки передышки. С другой стороны, на дым тут же прибудет пожарная команда, в то время как без него, если мне повезет, может пройти еще много часов, прежде чем кто-то обнаружит эти обломки. Я посмотрел на срез мяса, бывший когда-то лицом прыщавого, и принял решение. У меня ушло почти двадцать минут на то, чтобы стащить с него брюки и куртку и натянуть мой зеленый спортивный костюм. Все-

таки удивительно, до чего быстро человек привыкает свежевать ближних. Срезая кожу с обоих указательных пальцев у прыщавого (я забыл, с какого пальца снимаются отпечатки – с правого или левого), я ощущал лишь спокойную сосредоточенность хирурга. Потом я чуть порезал и большие пальцы, чтобы повреждения рук выглядели более естественно. Покончив с этим, я отошел на два шага от машины, чтобы оценить результат работы. Кровь, смерть, тишина. Это была инсталляция, достойная Мортена Вискума^[32]. Будь у меня фотоаппарат, я бы снял это и послал снимок Диане, чтобы она повесила его у себя в галерее. Потому что... как там Гreve выразился? Именно страх, а не боль делают человека сговорчивей.

Я шел вдоль шоссе. Был, конечно, риск, что Клас Гreve поедет именно по этой дороге и увидит меня. Но это меня не тревожило. Во-первых, он не узнает лысого типа в бивернейлоновой куртке Элверумского клуба Кододзен. Во-вторых, идет этот тип не так, как ходил Роджер Браун, а выпрямившись и медленнее. В-третьих, GPS-трекер Гreve знает абсолютно точно, что я остался там, в искореженной машине, и не сдвинулся ни на метр. Логично. Чего еще ждать от мертвого?

Я миновал фермерский двор и пошел дальше. Мимо проехала машина, чуть притормозив – кто это идет? – потом газанула и исчезла в ярком осеннем свете.

Тут хорошо пахло. Землей и травой, хвойным лесом и коровьим навозом. Чуть саднили раны на затылке, но к затекшему телу понемногу возвращалась чувствительность. Я шагал широким шагом и дышал полной грудью, оживая с каждым вдохом. Через полчаса ходьбы я по-прежнему находился на той же бесконечной земле, но вдалеке показалась синяя табличка и навес.

Автобусная остановка.

Спустя еще четверть часа я вошел в серый автобус местного сообщения, расплатился наличными из бумажника Эскиля Монсена и узнал, что автобус следует в Элверум, откуда можно поездом доехать до Осло. Я уселся в кресло напротив двух платиновых блондинок за тридцать. Ни одна не удостоила меня взглядом.

Я дремал, но проснулся, когда послышалась сирена и автобус, замедлив ход, съехал на обочину. Мимо нас промчалась полицейская машина с синей мигалкой. Машина «ноль-два», подумал я и отметил, что одна из блондинок смотрит на меня. Я посмотрел на нее в ответ и заметил, что она инстинктивно пытается отвести глаза, оттого что мой взгляд слишком пристален, оттого что я, видимо, вызываю у нее отвращение. Но

не смогла. Я криво улыбнулся ей и отвернулся к окну.

Солнце еще озаряло родной город ветхого Роджера Брауна, когда новый сошел с поезда в семнадцать часов десять минут. Но ледяной ветер уже задувал в разинутую пасть бронзового тигра перед Центральным вокзалом Осло, пока я наискось пересекал вокзальную площадь, направляясь в сторону улицы Шиппергата.

Торговцы наркотой и проститутки на Толлбугата смотрели на меня, но не озвучивали своих предложений мне, в отличие от ветхого Роджера Брауна. Перед входом в гостиницу «Леон» я остановился и посмотрел на белые пятна на фасаде в местах, где отвалилась штукатурка. В одном из окон висело объявление, предлагавшее номер по цене четыреста крон за ночь. Я вошел внутрь и направился к стойке администратора, или «РЕСПЕШЕНУ», как было написано на табличке позади мужчины, находившегося за стойкой.

– Да? – произнес он вместо обычного «Добро пожаловать!», к которому я привык в отелях, где останавливался ветхий Роджер Браун.

Лицо администратора покрывала пленка пота, словно после тяжелой работы. Пьет слишком много кофе. Или просто нервный от природы. Мечущийся взгляд свидетельствовал в пользу последнего.

– У вас есть номер на одного? – спросил я.

– Да. На какой вам срок?

– На сутки.

– Полные?

Я никогда прежде не бывал в гостинице «Леон», только проезжал мимо несколько раз, и догадался, что они предоставляют номера с почасовой оплатой тем, кто занимается любовью на профессиональной основе. Иными словами, женщинам, которым не хватает красоты или смекалки, чтобы с помощью своего тела заполучить дом по проекту Уве Банга и собственную галерею в районе Фрогнер.

Я кивнул.

– Четыреста, – сказал мужчина. – Оплата сразу.

У него был легкий шведский акцент, с которым по какой-то причине говорят вокалисты танцевальных групп и некоторые проповедники.

Я бросил на стойку комбинированную кредитно-банковскую карту Эскиля Монсена. Я знал по опыту, что в отелях не очень следят, чтобы подписи были похожи, но на всякий случай потренировался в поезде. Проблемой была фотография. С нее смотрел мордатый детина с длинными вьющимися волосами и черной бородой. Даже не особенно вглядываясь, можно было заметить его неполное сходство со стоящим теперь у стойки

узколицым дядькой с бритым черепом. Администратор разглядывал карточку.

– Вы не похожи на фотографию, – сказал он, не отрывая от нее глаз.

Я ждал, пока он все-таки поднимет свой взгляд и встретится с моим.

– Рак, – сказал я.

– Что?

– Химиотерапия.

Он трижды моргнул.

– Три курса, – сказал я.

Его кадык дернулся, когда он сглотнул. Я видел, его уверенность поколебалась. Ну, давай же! Мне надо скорее лечь в постель, затылок разболелся просто дико. Я не отводил взгляда. Наконец это сделал он.

– Сорри, – сказал он и протянул мне карточку обратно. – Мне никак нельзя попасть в неприятную историю. Я и так под наблюдением. Наличных у вас нет?

Я покачал головой. Купюра в двести крон и монета в десять – вот и все, что осталось у меня после покупки билета на поезд.

– Сорри, – повторил он и вытянул руки, словно в мольбе, так что карточка уперлась мне в грудь.

Я взял ее и вышел.

Не было никакого смысла пытаться счастья в других гостиницах: если карточку не взяли в «Леоне», то не возьмут и в них. А в худшем случае поднимают тревогу.

Я перешел к плану «Б».

Я был новичком, чужаком в этом городе. Без денег, без друзей, без прошлого. Был никем. Фасады, улицы и прохожие представляли мне иными, чем Роджеру Брауну. Тонкая облачная пелена закрыла солнце, и стало еще на несколько градусов холоднее.

На Центральном вокзале пришлось спросить, какой автобус идет в Тонсенхаген, а когда я вошел в автобус, шофер почему-то обратился ко мне по-английски.

От остановки до дома Уве я преодолел два утомительных подъема в гору, но все равно замерз, пока туда добрался. Покружив несколько минут вокруг, чтобы удостовериться, что рядом нет полиции, я быстро подошел к дому и отпер дверь.

Внутри было тепло. Отопление с программируемым термостатом. Я набрал «Наташа», чтобы отключить сигнализацию, и вошел в спальню-гостиную. Здесь пахло так же, как в прошлый раз. Немытой посудой,

грязным бельем, оружейным маслом и серой. Уве все так же лежал на кровати, как и день назад, когда я оставил его. Хотя казалось, прошла целая неделя.

Я нашел пульт, лег на кровать рядом с Уве и включил телевизор. Проллистал странички телетекста, но там не было ничего ни о пропавшей полицейской машине, ни о погибших полицейских. Наверняка полиция Элверума уже спохватилась, но будет тянуть с заявлением об исчезновении машины на случай, если все это окажется банальным недоразумением. Однако рано или поздно машина найдется. Интересно, сколько времени у них уйдет, чтобы установить, что труп в зеленом спортивном костюме и без кончиков пальцев – это не задержанный Уве Хикерюд? Минимум сутки. Максимум двое.

Я, конечно, мало что смыслил в таких вещах. И новый Роджер Браун знал не больше моего о полицейских процедурах, но он хотя бы понимал: в ситуации, требующей быстрых решений на основе сомнительной информации, надо рисковать, а не ждать, пока станет слишком поздно, и поддаваться страху можно ровно настолько, чтобы он обострил чувства, но не мог парализовать.

Поэтому я закрыл глаза и уснул.

Когда я проснулся, часы в телетексте показывали двадцать ноль три. А под часами шла строка о том, что как минимум четыре человека, из них трое – полицейские, погибли в дорожной аварии близ Элверума. Машины хватились еще в первой половине дня, а во второй ее обломки обнаружили в перелеске на берегу реки Треккэльва. Пятого пассажира, также полицейского, в ней не оказалось. По предположениям полиции, его выбросило из машины и он упал в реку, в связи с чем были начаты поиски. Полиция просила общественность сообщить о водителе угнанного трейлера с надписью «Кухни „Сигдал“» на кузове: брошенный трейлер был найден на лесной дороге в двух милях от места аварии.

Как только они поймут, что пропавший – это задержанный Хикерюд, то рано или поздно сюда заявятся. Мне надо искать другое место для ночлега.

Я вдохнул и задержал дыхание. Потом, перегнувшись через труп Уве, взял с тумбочки телефон и набрал единственный номер, который помнил наизусть.

Она взяла трубку после третьего гудка.

Вместо обычного смущенного, но теплого «привет» Лотте ответила еле слышным «да?».

Я тут же положил трубку. Я хотел только удостовериться, что она

дома. Будем надеяться, что она и позже никуда не уйдет.

Я выключил телевизор и встал.

После десятиминутных поисков я нашел два пистолета: один в шкафчике в ванной, другой был засунут за телевизор. Я выбрал второй, черный, маленький, и пошел на кухню, выдвинул ящик, достал две коробки, одну с боевыми патронами, другую с надписью «blanks», вставил в магазин боевые патроны, зарядил пистолет и поставил на предохранитель. Я сунул пистолет за пояс брюк, как это делал Клас Грeve. Пошел в ванную и положил первый пистолет на место. Закрыв шкафчик, я продолжал стоять, разглядывая себя в зеркале. Лицо красивой формы и четких очертаний, брутальная нагота головы, яркий, почти лихорадочный блеск глаз и рот – безвольный, но решительный, безмолвный, но красноречивый.

Вне зависимости от того, где я проснусь завтра утром, на совести у меня будет убийство. *Преднамеренное убийство.*

19. Преднамеренное убийство

Ты идешь по своей улице. Стоишь в вечерних сумерках под деревьями и смотришь на собственный дом, на свет в окнах, на мелькнувший силуэт за занавеской – возможно, силуэт твоей жены. Сосед на вечерней прогулке со своим сеттером проходит мимо, смотрит на тебя и видит чужака на улице, где большинство знает друг друга. Сосед насторожен, и сеттер негромко ворчит, оба чувствуют, что ты терпеть не можешь собак. Потому что животные и люди сплываются против посторонних, вторгающихся сюда, на этот склон, в их крепость, высящуюся над городом с его суетой и бестолковой, случайной смесью интересов и целей. Здесь, на холме, они хотят лишь, чтобы все шло как идет, потому что все идет хорошо и незачем пересдавать колоду заново. Нет уж, пусть тузы и короли остаются в тех же руках, что и теперь, неуверенность вредна для инвестиционного климата, жесткие рамочные условия гарантируют высокую производительность труда, которая, в свою очередь, идет на пользу всем. Надо что-то сперва создать, чтобы было что делить.

Удивительное дело: самым большим консерватором из всех встреченных мною в жизни был шофер, возивший людей, получавших в четыре раза больше его самого и разговаривавших с ним с той высокомерной снисходительностью, которую может передать только самая корректная вежливость.

Отец как-то сказал, что если я стану социалистом, то чтобы ноги моей в его доме не было, и к матери это тоже относится. Вообще-то, он был тогда не совсем трезв, но тем больше оснований верить, что он не кривил душой. Он, кстати, считал, что в индийской кастовой системе что-то есть, и коль скоро мы по воле Божьей рождены в своем сословии, то наш злосчастный долг – прожить свою жалкую жизнь именно в нем. Или, как отвечает звонарь, когда пробст Сигисмунд предлагает ему перейти на «ты»: «Звонарь – это звонарь, а пробст – это пробст»^[33].

Поэтому моим бунтом – бунтом сына шофера – стало высшее образование, брак с дочкой капиталиста, костюмы от Фернера Якобсена и дом в Воксенколлене. Но удар пришелся мимо цели. Отцу хватило наглости простить меня и притворства, чтобы изобразить, что он мной гордится. И я знал, рыдая, как ребенок, на похоронах, что плачу не от горя по маме, а от лютого гнева на отца.

Сеттера и соседа (примечательно, я уже не помнил, как его зовут)

поглотила темнота, и я перешел дорогу. На улице не было чужих машин, и, припав лицом к окошку гаража, я увидел, что и там тоже пусто.

Я поспешно скользнул в сырую, почти осязаемую темноту сада и встал под яблонями, под которыми, как я знал, разглядеть что-либо было невозможно.

Но ее я мог видеть.

Диана расхаживала туда-сюда по гостиной. Ее нетерпеливые жесты в комбинации с телефоном «Прада», прижатым к уху, заставляли предположить, что она пытается дозвониться кому-то, чей номер не отвечает. Она была в джинсах. Ни на ком джинсы не сидят так, как на Диане. Несмотря на белый шерстяной свитер, свободной рукой она обхватила себя за плечи, словно мерзла. Большой дом постройки тридцатых годов не сразу прогреешь, если на улице резко холодает, хоть все печки включи. Я ждал, чтобы удостовериться, что она одна. Проверил пистолет за поясом брюк. Сделал глубокий вдох. Это будет самым трудным делом в моей жизни. Но я знал, что справлюсь. Что этот новый, он справится. Наверное, слезы подступили именно поэтому, хотя исход был уже предreshen. Я позволил им течь. Они струились теплой лаской вниз по щекам, пока я сосредоточился на том, чтобы не шевельнуться, не сделать бесконтрольного вдоха, не всхлипнуть. Через пять минут я их выплакал и вытер. Затем направился к входной двери и открыл ее как можно тише. Остановился в коридоре и прислушался. Казалось, сам дом затаил дыхание, единственным, что нарушало тишину, были ее шаги по паркету наверху в гостиной. Но скоро и они стихнут.

Было десять часов вечера, и за дверью, закрытой на цепочку, я разглядел бледное лицо и карие глаза.

– Можно, я тут переночую? – спросил я.

Лотте не ответила. Раньше такого за ней не водилось. Она уставилась на меня, словно увидела привидение. Такого перепуганного лица у нее раньше тоже не бывало.

Я криво улыбнулся и провел рукой по бритой голове.

– Я расквитался с... – я подбирал слово, – со всем.

Она дважды моргнула. И открыла дверь, и я проскользнул внутрь.

20. Воскрешение из мертвых

Я проснулся и посмотрел на часы. Восемь. Пора начинать. Предстоял, как говорится, большой день. Лотте лежала рядом на боку, спиной ко мне, завернутая в простыни, которые предпочитала одеялу. Я выскользнул из постели на свою сторону и быстро оделся. Холод был собачий, и я насквозь продрог. Прокравшись в коридор, я надел куртку и кепку и пошел на кухню. В одном из шкафчиков я нашел полиэтиленовый пакет и сунул в карман брюк. Потом открыл холодильник, подумав, что сегодня я впервые проснулся убийцей. Мужчина, застреливший женщину. Звучало как газетный заголовок, такие статьи я пролистывал не читая, слишком они злорадные и пошлые. Я достал пакет с соком красного грейпфрута и собрался уже отпить прямо из него. Потом передумал и взял стакан из верхнего шкафчика. Нельзя опускаться только из-за того, что ты убийца. Напившись, сполоснув стакан и убрав пакет с соком обратно в холодильник, я вышел в гостиную и сел на диван. Маленький черный пистолет, лежавший в кармане куртки, уперся мне в живот, и я вытащил его. От него по-прежнему пахло, и я знал, что этот запах будет теперь всегда напоминать мне об убийстве. О казни. Хватило одного выстрела. С близкого расстояния – она уже собиралась обнять меня. Я выстрелил в эти распахнутые объятия и попал ей в левый глаз. Нарочно? Возможно. Возможно, я хотел отнять у нее хоть что-то, раз уж она отняла у меня все. И вероломная лгунья приняла свинец в свои объятия – пуля, как маленький фаллос, проникла в ее тело, как однажды я сам. Больше этого не будет. Теперь, когда она мертва. Вот такие приходили мысли, короткими фразами, констатирующими факты. Хорошо, надо продолжать думать так же, беречь этот холод, не дать пробиться чувству.

Я поднял пульт и включил телевизор. В телетексте не появилось ничего нового, слишком рано, редакторов еще нет на работе. Там по-прежнему сообщалось, что четыре трупа будут идентифицированы в течение завтрашнего дня, то есть сегодня, и что один человек по-прежнему не найден. Один человек. Раньше было «один полицейский». Значит ли это в таком случае, что теперь они знают: пропавший человек – это задержанный? Возможно, а возможно, нет, расследования пока не было. Я перегнулся через подлокотник и взял трубку желтого стационарного телефона Лотте, который всегда стоял у меня перед глазами, когда я звонил ей, так же как ее алые губы. И кончик ее языка словно ласкал мое ухо. Я

набрал 1881, попросил дать мне два номера и перебил, когда женщина сказала, что сейчас их мне сообщит автомат:

– Я хотел бы, чтобы вы сами мне их назвали, на случай, если я плохо разберу, что скажет ваш компьютер.

Я получил оба номера, запомнил их и попросил меня сразу же соединить с первым. Коммутатор Крипоса ответил после второго гудка.

Я назвался Рюнаром Братли и сказал, что прихожусь родственником Эндриде и Эскилю Монсенам и что семья попросила меня забрать их одежду. Но мне не сказали, к кому обратиться и кого спросить.

– Минуточку, – сказала дама на коммутаторе и поставила меня в режим ожидания.

Я слушал потрясающее исполнение «Wonderwall»^[34] на флейте Пана и думал о Рюнаре Братли. Это был кандидат, которого я некогда отказался порекомендовать на руководящую работу, притом что квалификация у него была самая высокая. И сам он был высокий... Такой высокий, что на последнем собеседовании пожаловался, дескать, ему приходится сидеть согнувшись в три погибели в своем «феррари» – приобретении, которое, признал он с мальчишеской улыбкой, на самом деле было детской причудой и налицо кризис среднего возраста и все такое. И я пометил тогда: «Открытый, достаточно уверенный в себе – не боится показаться глупым». Иными словами, все шло как по нотам. Если бы следом он не заметил:

«Когда я упираюсь головой в крышу этой машины, то завиду...»

Он оборвал фразу, перевел глаза с меня на одного из представителей заказчика и продолжал в том духе, что «феррари» придется теперь сменить на какой-нибудь «универсал» с полным приводом, какой и жене отдать не жалко. Все за столом засмеялись. Я тоже. Разве что лицо чуть дрогнуло, выдав, что я сумел закончить фразу за него: «...завидую вам, что вы такой маленький». И что я не подпишу ему рекомендации. Тем более что у него нет ничего интересного из предметов искусства.

– Они лежат в судебно-медицинском отделении Главного государственного госпиталя, – снова раздался голос дамы с коммутатора. – В Осло.

– Ой? – изобразил я простачка, стараясь, впрочем, не переигрывать. – А почему?

– Таков порядок, когда есть основания подозревать уголовное преступление. Похоже, на машину наехал тот самый трейлер.

– Тогда понятно, – сказал я. – Вот почему они меня попросили помочь с этим делом. Я сам-то в Осло живу, видите, какая штука.

Дама не ответила. Я так и видел ее возведенные к потолку глаза и

длинные, свеженаманикюренные ногти, барабнящие по столу.

Но я, конечно, мог ошибаться. Охотникам за головами не обязательно быть знатоками людей или уметь почувствовать себя в чужой шкуре. Тому, кто хочет достичь высот в этой сфере, такие качества, по-моему, наоборот, только вредят.

– Не могли бы вы сообщить там кому следует, в этом судебно-медицинском отделении, что я сейчас к ним приеду? – спросил я. – Рюнар Братли меня звать.

Я слышал, как она колеблется. Задача явно не входила в круг ее должностных обязанностей. Должностные обязанности во властных структурах состоят в том, чтобы делать как можно меньше, уж поверьте мне, я их сам читал от корки до корки.

– Я-то тут никаким боком, просто помочь согласился, – сказал я. – Ну и хотелось бы, чтобы меня хоть кто-нибудь принял и чтобы побыстрее со всем этим закончить.

– Я попробую, – сказала она.

Я положил трубку и набрал второй номер. Там ответили после пятого гудка.

– Да? – Его голос звучал нетерпеливо, почти раздраженно.

Я попытался понять по звуковому фону, где он. В моем доме или у себя в квартире.

– Буу! – сказал я и повесил трубку.

Теперь Клас Гревье забеспокоится.

Я не знал, что он намерен делать, но уж наверняка включит свой GPS-трекер и проверит, где в данный момент находится оживший покойник.

Я вернулся и снова встал в открытых дверях спальни. В темноте едва можно было различить очертания тела под простыней. Я подавил внезапный импульс – раздеться, скользнуть обратно под простыни и прижаться к Лотте. Взамен я ощутил странное чувство: всё, что произошло, связано не с Дианой, а со мной самим. Я тихонько прикрыл дверь спальни и вышел. В подъезде, как и вчера по пути сюда, мне не встретился никто, с кем бы я мог поздороваться. И когда я вышел на улицу, никто не ответил на мой вежливый кивок, никто не взглянул на меня и не подтвердил факт моего существования каким-нибудь иным способом. Потому что до меня уже дошло, что это за чувство: меня больше нет.

Но пора уже снова быть.

Главный государственный госпиталь расположен на одном из многочисленных пологих холмов, возвышающихся над Осло. До него тут

находился небольшой сумасшедший дом. Потом название изменили на заведение для душевнобольных. Потом на психбольницу, потом на психиатрическое отделение. И так всякий раз, пока до последней деревенщины не доходило, что новое слово подразумевает все то же самое – безумие. Лично я никогда не понимал смысла этой словесной игры – разве что те, кто принимает такие решения, считают народ толпой набитых предрассудками идиотов, которым надо по мере возможности морочить голову. И не то чтобы они в этом сильно заблуждаются, – впрочем, я с облегчением услышал, как женщина за стеклянной перегородкой сказала:

– Вам надо спуститься в трупохранилище, Братли.

Труп – как это удобно. Почему-то никто не указывает с возмущением, оказавшись холодным трупом, что есть существенная разница между словами «покойник» и «труп», ведь «труп» сводит мертвого человека к куску плоти, в котором перестало биться сердце. Может, все дело в том, что сами трупы не могут затребовать для себя статуса меньшинства – поскольку их все-таки, увы, подавляющее большинство?

– Вниз по вон той лестнице. – Она показала рукой. – Я позвоню и скажу, что вы идете.

Я последовал ее указаниям. Мои шаги эхом отдавались от белых стен в пустом коридоре, где, кроме них, не слышалось ни звука. В самом конце длинного, узкого, белого коридора этажом ниже, выставив одну ногу из открытой двери, стоял мужчина в зеленом врачебном халате. Похож на хирурга, но что-то в его нарочито ленивой манере или, может, усы убеждали меня, что его ступень в больничной иерархии значительно ниже.

– Братли? – выкрикнул он так громко, что это прозвучало как сознательное оскорбление всем почившим на этом этаже. Эхо угрожающе раскатилось взад и вперед по коридору.

– Да, – сказал я и поспешил к нему, чтобы в дальнейшем избежать этого перекрикивания.

Он придержал дверь, и я шагнул внутрь. Там было что-то вроде раздевалки. Мужчина прошел впереди меня к одному из шкафчиков и открыл его.

– Тут звонили из Крипоса, сказали, вы заберете вещи обоих Монсенов, – сказал он, по-прежнему используя возможности своего голоса с некоторой избыточностью.

Я кивнул. Мой пульс молотил быстрее, чем я рассчитывал. Но не так быстро, как я боялся. Как-никак это критический момент, слабое место моего плана.

– А вы-то кто сами?

– Их четвероюродный брат, – непринужденно ответил я. – Их близкие попросили меня забрать одежду. Только одежду, а не ценные вещи.

Я тщательно подобрал заранее это «близкие». Конечно, это звучит несколько казенно, но поскольку я не знал, женаты ли были близнецы Монсены и живы ли их родители, то пришлось воспользоваться словом, допускающим различные толкования.

– А почему фру Монсен самой одежду не забрать? – спросил санитар. – Она ведь будет тут около двенадцати.

Я сглотнул.

– Так она же не выносит и мысли о крови.

Он ухмыльнулся:

– В отличие от вас.

– Да, – просто ответил я, надеясь изо всех сил, что больше вопросов не будет.

Санитар пожал плечами и протянул мне листок, пришпиленный к подложке:

– Распишитесь в получении вот тут.

Я нацарапал «Р» с волнистой чертой позади, затем «Б» с последующей волнистой чертой и заключительное «и».

Санитар задумчиво поглядел на подпись.

– А нет у вас удостоверения личности, Братли?

Этого я и боялся. План трещал по швам. Я полез за бумажником, потом изобразил виноватую улыбку:

– Забыл бумажник. В машине, видно, внизу на парковке.

– Вы хотели сказать – наверху на парковке?

– Нет, внизу. У Технопарка.

– Аж там?

Я видел, что он колеблется. Естественно, подобный вариант я тоже обдумал заранее. Если без удостоверения личности я получу от ворот поворот, то просто уйду и не вернусь. Не катастрофа, однако и с пустыми руками уходить тоже не хотелось. Я ждал. И понял по двум первым словам, что решение принято не в мою пользу.

– Мне жаль, Братли, но мы вынуждены подстраховываться. Не обижайтесь, но вещи, связанные с убийством, привлекают всякую странную публику. С очень необычными интересами...

Я изобразил растерянность:

– Вы хотите сказать... что некоторые коллекционируют одежду убитых?

– Ой, чего только не бывает, вы даже не поверите, – сказал санитар. – Мне подумалось, что сами-то вы даже никогда не виделись с этими Монсенами, только в газетах читали. Очень жаль, но так уж получилось.

– Ладно, я сейчас вернусь, – сказал я и направился к двери.

Где остановился, словно мне в голову вдруг пришла некая мысль, и пошел со своей последней карты. С кредитной карты, если уж совсем точно.

– Я тут вспомнил, – сказал я и сунул руку в задний карман. – Эндриде, когда был у меня в последний раз, забыл свою кредитку. Не могли бы вы передать ее их маме, когда она придет...

Я протянул карточку санитару, который взял ее и внимательно поглядел на имя и фотографию бородатого детины. Я выждал, но был уже на полпути к дверям, когда услышал наконец позади голос санитаря:

– Да ладно, мне этого достаточно, Братли. Можете забирать вещи.

Я с облегчением повернул назад. Достал из кармана брюк припасенный пластиковый пакет и засунул в него одежду Монсенов.

– Вы все забираете?

Я пощупал задний карман форменных брюк Эскиля. Почувствовал, что он все еще там, пакет с моими остриженными волосами. И кивнул.

Мне приходилось делать усилие над собой, чтобы не помчаться бегом, когда мы с санитаром расстались. Я уже воскрес, я снова существовал, и это наполняло меня невероятным ликованием. Колеса закрутились снова, сердце билось, кровь и судьба опять пришли в движение. Я прыжками взлетел вверх по лестнице, легкими шагами миновал женщину за стеклянной перегородкой и уже взялся за ручку двери, когда сзади послышался знакомый голос:

– Эй вы, мистер! Погодите-ка.

Ну конечно. Иначе все было бы слишком просто.

Я медленно обернулся. Мужчина, чье лицо тоже показалось знакомым, приближался ко мне. И протягивал удостоверение личности. Тайная Дианина любовь. И тут у меня мелькнула еретическая мысль: дело дрянь.

– Крипос, – сообщил мужчина глубоким баритоном командира воздушного судна. Объемный звук, проглоченные согласные. – Позвольте с вами немного побеседовать, мис-ер?

Как пишущая машинка с затертой буквой.

Утверждают, что на телеэкране или в кино люди кажутся нам больше, чем на самом деле. Но не в случае с Бреде Сперре. Он оказался еще выше, чем я себе представлял. Я заставил себя не двигаться с места, пока он шел ко мне. И вот он навис надо мной. И сверху, из-под светлого мальчишеского

чуба, подстриженного и подкрученного, чтобы казаться непослушным, на меня смотрели серо-стальные глаза. В числе фактов, которые мне удалось накопать про Сперре, было и то, что он, судя по всему, имел связь с очень известным и очень brutальным норвежским политиком. Правда, сегодня слухи о том, что ты гей – это просто высшее подтверждение того, что ты знаменитость, что-то вроде свидетельства о дворянстве. Вот только человек, который мне это рассказал, – парень из числа моделей «Барона фон Бульдога»^[35], напросившийся на какой-то Дианин вернисаж, – утверждал, будто и сам позволил совратить себя, как он почтительно выразился, «этому полицейскому божеству».

– Почему бы и не побеседовать, – сказал я с натянутой улыбкой, надеясь, что в моих глазах не виден страх проникновения.

– Прекрасно, мистер. Я -ут слышал, что вы че-вероюродный брат Монсенов и хорошо их знаете. Не могли бы вы нам помочь их опознать?

Я сглотнул. Преувеличенно любезное «не могли бы вы» и фамильярное «мистер» в одной реплике. Но выражение лица Сперре было нейтрально-любезно. Игры с моим статусом? Или это просто по привычке – так сказать, профессиональный рефлекс? Я услышал, как сам повторил это «опознать?», словно понятия не имел, что это значит.

– Их мать приедет сюда через несколько часов, – сказал Сперре. – Но каждый час на сче-у... Для нас это очень важ-о и отнимет у вас несколько секунд.

Мне этого совсем не хотелось. Тело сделало шаг навстречу, но мозг настаивал, чтобы я отклонил его просьбу и дул отсюда на всех парах. Потому что я вернулся к жизни. Я – точнее, находящийся при мне полиэтиленовый пакет с волосами – снова пришел в движение на GPS-приемнике. И Клас Греве, разумеется, снова выйдет на охоту, это всего лишь вопрос времени, в воздухе уже снова запахло псиной, и паника забила копытами. Но другая часть мозга, отвечающая за голос нового Брауна, говорила, что отказываться нельзя. Что это вызовет подозрения. И что все займет какие-то секунды.

– Разумеется, – сказал я и сдержал улыбку как неподходящую к случаю – как-никак предстоит опознать трупы собственных родственников.

Мы прошли обратно тем же коридором.

Санитар с ухмылкой кивнул мне, когда мы проходили мимо раздевалки.

– Вам следует подготовиться к тому, что покойные выглядят неприглядно, – сказал Сперре и открыл тяжелую металлическую дверь.

Мы вошли в морг. Я поежился. Все в помещении напоминало

внутренность холодильника: белые стены, пол и потолок, от силы пара градусов тепла и мясо с вышедшим сроком годности.

Четыре трупа лежали каждый на своем металлическом столе.

Ступни торчали из-под белых простыней, и я убедился, что киношный штамп имеет корни в реальности: у каждого к большому пальцу была прикручена металлическая бирка.

– Готовы? – спросил Сперре.

Я кивнул.

Быстрым и элегантным движением фокусника он сорвал две простыни.

– Авария, – пояснил он и покачнулся на каблуках. – Крайне неприятно. Как видите, опознать не так просто.

Мне вдруг показалось, что Сперре говорит патологически медленно.

– В машине должно было быть пять человек, но мы нашли только эти четыре тела. Пятого, скорее всего, выбросило в реку и унесло течением.

Я смотрел, сглатывал и тяжело сопел. Притворно, разумеется. Потому что голые близнецы Монсены выглядели лучше, чем тогда в разбитой машине. Вдобавок и запаха того тут не было. Не пахло ни испражнениями, ни кровью, ни бензином, не воняло человеческими внутренностями. Мне пришло в голову, что роль зрительных впечатлений преувеличена, что звук и запах по своему ужасающему воздействию куда эффективнее. Как, скажем, хруст, когда затылок мертвой женщины, которой пуля попала точно в глаз, ударяется о паркет.

– Вот близнецы Монсены, – прошептал я.

– Да, это мы как-то и сами сообразили. Вопрос в том... – Сперре выдержал долгую, в самом деле долгую, театральную паузу. Господи... – Кто из них Эндриде и кто Эскиль?

Несмотря на зимнюю температуру в помещении, я взмок от пота. Он что, сознательно тянет время? Какой-то новый метод допроса, которого я не знаю?

Мой взгляд скользнул по мертвым телам и нашел оставленный мною знак. Рана, тянувшаяся от ребер вниз через весь живот, зияла по-прежнему, по краям чернели засохшие сгустки крови.

– Это Эндриде, – выпалил я, указывая рукой. – А вон тот другой – Эскиль.

– Гм, – отозвался довольный Сперре и добавил: – Вы, видимо, их и правда хорошо знаете. Никто из их коллег, побывавших тут, так и не смог найти между ними разницы.

Я скорбно кивнул в ответ:

– Я был очень дружен с обоими близнецами. Особенно в последнее время. Могу я теперь идти?

– Конечно, – сказал Сперре, но продолжил делать записи с видом, который отнюдь не подразумевал, что я могу так просто взять и удалиться.

Я взглянул на часы за его головой.

– Одняйцовые близнецы, – произнес Сперре, который все писал и писал. – Ирония судьбы, а?

Что он там пишет, черт его дери? Один Эндриде, другой Эскиль, неужели на все это надо столько букв?

Я понимал, что лучше смолчать, но не смог:

– В чем тут ирония?

Сперре перестал писать и взглянул на меня.

– Появиться на свет одновременно из одной яйцеклетки. Умереть в одну и ту же секунду в одной машине.

– В этом нет никакой иронии.

– Разве?

– По крайней мере, я ее не вижу.

– Мм. Вы правы. Парадокс, вот правильное слово. – Сперре улыбнулся.

Я почувствовал, как кровь во мне закипает.

– И не парадокс.

– Во всяком случае, это удивительно. Тут некая космическая логика, разве вы не замечаете?

Я уже терял над собой контроль, видел, как белеют костяшки пальцев, которыми я сжимал пакет, слышал, как дрожит мой голос:

– Никакой иронии, а также пародии или космической логики. – Громкость нарастала. – Только случайная симметрия жизни и смерти, причем случайность не такая редкая, поскольку многие одняйцовые близнецы предпочитают проводить большую часть времени в обществе друг друга. Ударила молния, а они вместе. End of story^[36].

Последнюю фразу я выкрикнул.

Сперре смотрел на меня задумчивым взглядом. Он прижал большой и указательный пальцы к уголкам рта и оттянул их вниз. Я узнал этот взгляд. Сперре был одним из немногих. У него был взгляд дознавателя, взгляд, видящий ложь.

– Послушайте, Братли, – сказал он. – Что вас так мучает?

– Сожалею, – сказал я, устало улыбаясь, и понял, что должен сказать теперь какую-нибудь правду, что-то, от чего не сработает этот детектор лжи, не сводящий с меня глаз. – Вчера вечером я выяснял отношения с

женой, а сегодня эта авария. Я немного не в себе. Очень жаль. А теперь мне надо идти.

Я повернулся на каблуках и пошел прочь.

Сперре что-то сказал, возможно слова прощания, но их заглушила металлическая дверь, захлопнувшись за мной и наполнив помещение низким басовым гулом.

21. Приглашение

Я сел в трамвай на остановке напротив Главного государственного госпиталя, расплатился с кондуктором наличными и сказал «до центра». Он криво усмехнулся, набирая сдачу, – наверное, цена была одна и та же, как бы далеко я ни ехал. Я, разумеется, и раньше пользовался трамваем, когда-то в детстве, но правила проезда помнил уже смутно: выходить через заднюю дверь, приготовить билет для контроля, заранее нажать на кнопку, не отвлекать водителя. Много успело измениться. Звон рельсов стал тише, рекламные тексты на стенах трамвая, наоборот, были более кричащими и обращенными наружу. По контрасту с пассажирами, погруженными внутрь себя. В центре я пересел на автобус, идущий в сторону северо-восточной окраины. И узнал, что могу ехать на нем по тому же самому трамвайному билету. Фантастика. Вот так, за смешные деньги, я колесил по городу способом, который плохо себе представлял. Мигающая точка на GPS-экране Класа Гreve, я, казалось, ощущал его замешательство: что за чертовщина? Они что, возят труп туда-сюда?

Из автобуса я вышел в Орволле и направился вверх, в сторону Тонсенхагена. Я мог бы выйти и поближе к квартире Уве, но все, что я теперь делал, делалось не просто так. Тут, среди жилых кварталов, царил утренний покой. Пожилая горбатая дама брела спотыкаясь по тротуару, волоча за собой сумку на визжащих несмазанных колесах. И тем не менее улыбалась мне, словно день был чудесен, мир прекрасен и жизнь удалась. А что думает теперь Клас Гreve? Что, наверное, катафалк везет Брауна к дому, где прошло его детство, но почему-то едет чертовски медленно, пробка, что ли?

Две жующие жвачку сильно накрашенные девицы лет четырнадцати прошли мимо меня, обе со школьными ранцами и в тесных брюках, вытесняющих проблемы с весом наверх и вперед. Девицы глянули на меня исподлобья, не прекращая громко обсуждать что-то явно возмутительное. Пока мы шли мимо друг друга, до меня донеслось: «несправедливо, короче». Я предположил, что они прогуливают урок, идут в кондитерскую в Орволле и что слово «несправедливо» вряд ли относится к тому факту, что у восьмидесяти процентов четырнадцатилетних жителей белого света нет денег на булочки с ванильным кремом, которыми эти девицы вот-вот займутся. И мне пришло в голову, что если бы мы с Дианой оставили тогда ребенка, то она бы – я был убежден, что это девочка, хотя Диана называла

его Эйольфом, – глянула на меня однажды из-под таких же густо накрашенных ресниц и крикнула, что это несправедливо, короче, что они с подругой хотят на Ибицу, они ведь на самом деле уже гимназистки! И что я... я пережил бы и это.

Дорога шла через парк с большим прудом посередине, и я зашагал по одной из узких коричневых тропок, ведущих к купе деревьев на другом берегу. Не потому, что это был более короткий путь, но чтобы заставить точку на GPS-трекере у Гreve двигаться вне указанных на карте дорог. Трупы можно возить туда-сюда на машине, но они не перемещаются по пересеченной местности. Это должно было подкрепить подозрение, которое мой утренний звонок с телефона Лотте вселил в башку голландского охотника за головами: что Роджер Браун восстал из мертвых. Что Браун лежит не в морге Главного государственного госпиталя, как то показывает GPS-навигатор, а, возможно, на больничной койке того же госпиталя. Но ведь сообщили же, что все находившиеся в той машине погибли, тогда как?..

Я, конечно, не слишком способен почувствовать себя в шкуре другого человека, зато неплохо могу оценить его умственные способности, настолько неплохо, что высших руководителей крупнейших предприятий Норвегии назначают в соответствии с моими рекомендациями. И, шагая вокруг пруда, я еще раз проанализировал вероятный нынешний ход мысли Класа Гreve. Довольно несложный. Меня необходимо выследить и со мной покончить, даже притом что теперь это намного более рискованно, чем раньше. Потому что теперь я не только помеха для «ХОТЕ» и их планов поглотить «Патфайндер» – я еще и свидетель, способный сильно осложнить жизнь ему самому в связи с убийством Синдре О. Если, конечно, я проживу настолько долго, что дело успеет дойти до суда.

Иными словами, я послал ему приглашение, не принять которого он не может.

Я вышел на другую сторону парка и, проходя через купу берез, провел пальцами по тонкой, белой, шелушащейся коре, чуть прижал их к жесткому стволу, согнул пальцы так, что ногти царапнули поверхность. Понюхал кончики пальцев, остановился, закрыл глаза, втягивая запах, и воспоминания о детстве, играх, смехе, об изумлении и радостном ужасе от открытия мира нахлынули на меня. Все эти крохотные мелочи, которые я, казалось, навсегда утратил, были, естественно, на месте, закапсулировались, но никуда не исчезли – как водяные младенцы. Просто ветхий Роджер Браун был не в состоянии отыскать их снова, а новый сумел. Долго ли осталось жить этому новому? Теперь уже не особенно. Но это

ничего не меняет, он проживет оставшиеся несколько часов с большей полнотой, чем прежний – свои тридцать пять лет.

Мне было жарко, когда я добрался наконец до дома Уве Хикерюда. Я вышел на опушку леса и сел на пень, откуда было хорошо видно дорогу, таунхаусы и многоэтажки. И отметил, что вид, открывающийся жителям восточных окраин, не очень отличается от того, что видят живущие на западном краю города. Нам всем видны высотки Норвежской почты и отеля «Плаза». Город отсюда выглядит не хуже и не лучше. Единственная разница – что отсюда видна западная окраина. В этой связи вспомнилось, что, когда Гюстав Эйфель построил свою знаменитую башню ко Всемирной выставке в Париже в 1889 году, его критики говорили, что лучший вид на Париж открывается с башни, потому что ее оттуда не видно. Прямая аналогия с Класом Греве: мир для него, видимо, чуть менее ужасное место, потому что он не видит в нем себя. Чужими глазами. Моими, например. А я видел его. И ненавидел. Так всепоглощающе и люто, что самому было страшно. Но в ненависти моей не было ничего темного и мутного, напротив, это была ясная, честная, почти невинная ненависть – так участник Крестового похода мог ненавидеть еретиков. И поэтому я мог осудить Греве на смерть с той же продуманной и наивной ненавистью, с какой истовый американский христианин отправляет на плаху ближнего, осужденного за убийство. И эта ненависть словно все расставила по местам. Например, я понял: то, что я испытывал к отцу, ненавистью не было. Злость? Да. Презрение? Пожалуй. Сострадание? Определенно. А почему? Причин, конечно, множество. Но теперь я видел главную: мое бешенство порождалось тем, что я чувствовал, что и сам в душе такой же. Нищий, склонный к алкоголизму и домашнему насилию, убежденный, что восток есть восток и никогда не станет западом. И вот теперь, получается, я реализовался, стал им целиком и полностью.

Смех пузырился во мне, и я даже не пытался его унять. Пока между деревьями не услышал гул мотора, пока птица не взлетела с ветки надо мной и я не увидел на дороге приближающуюся машину.

Серебристый «Лексус-GS430».

Он приехал раньше, чем я рассчитывал.

Я вскочил и пошел вниз, к дому Уве Хикерюда. Стоя на крыльце и вставляя ключ в замок, я взглянул на собственные руки. Дрожь была почти незаметной, но я ее видел. Инстинкт, первобытный страх. Такие звери, как Клас Греве, вселяют ужас в других животных.

Я попал в скважину с первой попытки. Повернул ключ, открыл дверь и вошел внутрь. По-прежнему никакого запаха. Сел на кровать и подвинулся

назад, пока не оказался спиной к изголовью и окну. Проследил, чтобы одеяло полностью скрывало Уве, лежащего рядом со мной.

Я ждал. Секунды стрекотали, улетаая прочь. Так же точно и сердце. Два удара в секунду.

Клас Гревел был, естественно, осторожен. Хотел удостовериться, что я один. И даже если я один – он знает теперь, что я не столь безвреден, как ему сперва казалось. Во-первых, со мной как-то связана пропажа его пса. Во-вторых, он наверняка побывал там, в доме, видел ее труп и знает теперь, что я способен убить и человека.

Я не слышал, чтобы кто-то подходил к дверям. Не слышал его шагов. Увидел только, как он внезапно встал передо мной. Голос его был ласковым, а улыбка почти виноватой.

– Прости, что я снова врываюсь без приглашения, Роджер.

Клас Гревел был одет во все черное. Черные свободные брюки, черные ботинки, черный свитер с высоким воротом, черные перчатки. На голове – черная вязаная шапка. Черным не был только серебристый «глок».

– Все нормально, – сказал я. – Теперь как раз время для посетителей.

22. Немое кино

Утверждают, будто бы механизм восприятия времени мухой, в силу которого она ощущает приближение к ней ладони как смехотворно долгий процесс, объясняется тем, что информация, которую она получает с помощью своих фасеточных глаз, несет такое немыслимое количество данных, что природе пришлось оснастить насекомое сверхбыстрым процессором.

На несколько секунд в комнате воцарилась полная тишина. На сколько именно – я не знаю. Я был мухой, и ладонь приближалась. «Глок», пистолет Уве Хикерюда, был направлен мне в грудь. Взгляд Класа Гreve – на мой лысый череп.

– А-га, – сказал он наконец.

Это единственное слово вместило все. Все о том, как мы, люди, смогли подчинить себе Землю, овладеть элементами и научиться убивать существ, превосходящих нас в силе и ловкости. Все о мощности процессора. «А-га!» увенчало собой шквал версий, поиск и отсеивание гипотез, беспощадную дедукцию – все то, что вело к неизбежному выводу:

– Ты сбрил волосы, Роджер.

Клас Гreve был – как уже говорилось выше – человеком умным. Он, разумеется, сумел не только установить тот банальный факт, что мои волосы пропали, но также сообразить, когда, где и почему. А это снимало все недоразумения, отвечало на все вопросы. Поэтому он лишь добавил, скорее в качестве утверждения, нежели вопроса:

– В разбитой машине.

Я кивнул.

Он уселся на стул в изножье кровати, качнулся на нем к стене, но так, что дуло пистолета продолжало смотреть на меня, не сдвинувшись ни на дюйм.

– И? Ты что, подложил волосы одному из трупов?

Я сунул левую руку в карман куртки.

– Стой! – крикнул он, и я увидел палец на спусковом крючке.

Никакого взведенного курка. «Глок-17». «Дамка»!

– Это левая рука, – сказал я.

– Ладно. Только медленно.

Я медленно вытащил руку и бросил пакет с волосами на стол. Гreve тихо кивнул, не сводя с меня взгляда.

– Значит, ты понял, – сказал он. – Что передатчики находились на твоих собственных волосах. И что это она их туда пристроила – ради меня. Поэтому ты и убил ее, не так ли?

– Это утрата для тебя, Клас? – спросил я, откинувшись на спинку кровати. Мое сердце бешено колотилось, однако сам я ощущал в этот прощальный миг удивительную расслабленность. Смертный ужас плоти и спокойствие духа.

Он не ответил.

– Или она была только – как ты выражаешься – средством достижения цели? Издержкой производства?

– Зачем это тебе, Роджер?

– Затем, что я хочу знать: такие, как ты, в самом деле существуют или это только выдумки?

– Такие, как я?

– Люди, не способные любить.

Греве улыбнулся:

– Если тебе правда нужно это знать, то можешь посмотретья в зеркало, Роджер.

– Я любил.

– Возможно, ты имитировал влюбленность, – сказал Клас. – Но любил ли ты по-настоящему? Я, вообще-то, вижу скорее подтверждение обратного: ты не позволил Диане того единственного, что ей было нужно в жизни, не считая тебя самого, – ребенка.

– Я собирался подарить ей ребенка.

Он снова улыбнулся:

– Значит, ты передумал? И когда же? Когда ты успел превратиться в раскаявшегося мужа? Когда узнал, что она трахается с другим?

– Я верю в покаяние, – сказал я. – В искупление. И в прощение.

– Поздно, – сказал он. – Диана не получила от тебя ни прощения, ни ребенка.

– От тебя тоже.

– В мои планы совершенно не входило делать ей ребенка, Роджер.

– А если бы и входило, ты бы все равно этого не смог, правда же?

– Разумеется смог бы. Ты что, считаешь меня импотентом? – быстро проговорил он, так быстро, что только муха уловила наносекундное колебание.

Я сделал вдох:

– Я видел тебя, Клас Греве. Так сказать, глазами лягушки...

– Что-то я не пойму, о чем ты, Браун.

– Я видел твои детородные органы ближе, чем мне бы хотелось.

Я увидел, как его рот приоткрывается, и тут же продолжил:

– В деревенском нужнике в окрестностях Элверума.

Рот Грeve шевельнулся, чтобы что-то произнести, но оттуда не донеслось ни звука.

– Так вот как тебя заставили говорить в том подвале в Суринаме? Воздействуя на твои тестикулы? Ногами? Ножиком? Они не отняли у тебя сладострастия, только семя, да? Твои яйца, вернее, то, что от них осталось, выглядят так, словно их пришили назад толстой ниткой.

Губы Грeve плотно сжались. Прямая поперечная черта на окаменевшем лице.

– Теперь понятно, Клас, почему ты с таким остервенением преследовал по джунглям этого, по твоим же словам, довольно незначительного наркодилера. Шестьдесят пять дней, правильно? Потому что это ведь был он самый, да? Лишивший тебя мужского начала. Способности создать копию тебя самого. Он отнял у тебя все. Почти все. Поэтому ты отнял у него жизнь. И я тебя понимаю.

У Инбау, Рейда и Бакли это, правда, уже подпункт три шага номер два: предложить для совершенного преступления морально приемлемый мотив. Но я не добивался признания от него, а признался сам:

– Я понимаю, Клас, потому что решил убить тебя по той же причине. Ты отнял у меня все. Почти все.

Изо рта Грeve донесся звук, который я истолковал как смешок.

– А у кого из нас тут пистолет, а, Роджер?

– Я убью тебя, как тогда убил твою поганую псину.

Я видел, как заходили желваки у него на скулах, когда он стиснул челюсти, как побелели костяшки пальцев.

– Ты ведь ее больше не увидел, верно? Она закончила свои дни кормом для ворон. Наколотая на тракторную косилку Синдре О.

– Меня тошнит от тебя, Роджер Браун. Ты сидишь тут и рассуждаешь о морали, притом что сам – живодер и детоубийца.

– Тут ты прав. А тогда, посетив меня в больнице, ты ошибся. Что у нашего ребенка был синдром Дауна. Наоборот, все анализы подтверждали, что он был здоров. Я уговорил Диану сделать аборт, просто-напросто не желая делить ее с кем-то еще. Представляешь, какое неслыханное ребячество? Чистая, неприкрытая ревность к нерожденному младенцу. Я, наверное, сам в детстве недополучил любви – как ты считаешь? А может, и с тобой такая же точно штука, Клас? Или злоба в тебе от рождения?

Вряд ли Клас Грeve слышал мои вопросы – он уставился на меня с тем

недоуменным выражением, которое свидетельствовало, что его мозг снова работает на полную катушку. Реконструирует, отслеживает каждую развилку выбора решения – обратно к стволу, к истине, к тому, с чего все началось. Есть! Простая фраза, сказанная в больнице: «...сделать аборт, поскольку у младенца якобы синдром Дауна».

– Так Расскажи мне, – произнес я, видя, что он все понял. – Ты любил хоть кого-нибудь, кроме своей собаки?

Он поднял пистолет. Оставались последние секунды короткой жизни нового Роджера Брауна. В льдисто-голубых глазах Грeve плясали искры, голос превратился в шепот:

– Я собирался наградить тебя простым выстрелом в голову, Роджер, за то, что ты был достойной добычей для охотника. Но теперь думаю вернуться к первоначальному плану. Выстрелить тебе в живот. Я не рассказывал тебе, что это такое? Как пуля пробивает селезенку, а желудочный сок вытекает и жжет все остальные внутренности? И я погожу убивать тебя, пока ты не взмолишься об этом сам. А ты это сделаешь, Роджер.

– Не пора ли кончать трепаться и выстрелить, Клас? Не тянуть резину, как тогда в больнице?

Грeve снова улыбнулся:

– О, не думаю, что ты пригласил полицию и сюда, Роджер. Ты убил женщину. Ты такой же убийца, как я. Мы все уладим с глазу на глаз.

– Подумай хорошенько, Клас. Почему, по-твоему, я рискнул отправиться в судебно-медицинское отделение и пудрил им там мозги, чтобы забрать у них пакет с моими волосами?

Грeve пожал плечами:

– Элементарно. Это улика с твоей ДНК. По-видимому, единственная, которую можно использовать против тебя. Они ведь думают, что того, кого они ищут, зовут Уве Хикерюд. Вряд ли ты собирался вернуть себе свою пышную гриву. Парик, что ли, сделать? Диана рассказывала, как ты дорожил своими волосами. Что для тебя это была компенсация твоего роста. Не очень большого, прямо скажем, а?

– Верно, – сказал я. – Но не совсем. Иногда охотник за головами забывает, что голова, за которой он охотится, способна думать. Я не знаю, лучше или хуже она думает без волос, но в данном случае она заманила охотника в ловушку.

Грeve медленно моргнул, и я заметил, как его тело напряглось, когда он почувал неладное.

– Не вижу никакой ловушки, Роджер.

– Вот же она, – сказал я и отодвинул вбок одеяло.

Его взгляд упал на труп Уве Хикерюда. И на пистолет-пулемет «узи», пристроенный у того на груди.

Греве среагировал молниеносно, навел на меня пистолет:

– Не вздумай, Браун.

Я протянул руки к пистолету-пулемету.

– Нет! – крикнул Греве.

Я поднял оружие.

Греве выстрелил. Грохот наполнил комнату.

Я направил ствол на Греве. Тот привстал на стуле и выстрелил еще раз. Я нажал на спуск. Потом отпустил. Раздался хриплый рев свинца, режущий воздух, стены дома Уве Хикерюда, стул, черные брюки Класа Греве, прекрасно развитые мышцы бедер под ними, пах и, как я надеялся, член, побывавший в теле Дианы, литую мускулатуру живота и органы, которые она защищает.

Он упал назад на спинку стула, пистолет грохнулся на пол. Вдруг снова стало тихо, было слышно только, как пустая гильза катится по паркету. Я склонил голову набок и поглядел на Греве. Он в ответ уставился на меня глазами, черными от болевого шока.

– Теперь ты не сможешь пройти медкомиссию в «Патфайндере», Греве. Сожалею. И никогда не сможешь украсть их технологии. Несмотря на всю твою основательность. На самом деле твоя проклятая основательность тебя и подвела.

Греве простонал что-то, еле слышно и по-голландски.

– Твоя основательность привела тебя сюда. На последнее собеседование. Потому что знаешь что? Ты именно тот человек, которого я искал для этой должности. Я не просто считаю – я уверен, что ты для нее оптимален. И это значит, что должность оптимальна для вас, уж поверьте мне, господин Греве.

Греве не отвечал, только смотрел вниз. От крови его свитер стал еще чернее. И я продолжил:

– Теперь вы станете козлом отпущения, господин Греве. Тем, кто убил Уве Хикерюда, короче, вот этого субчика рядом со мной. – Я похлопал Уве по животу.

Греве застонал и поднял голову:

– Что за чушь ты мелешь? – Голос его был полным отчаяния и в то же время безразличным, сонным. – Вызови неотложку, Браун, ты ведь снова стал убийцей. Подумай сам, ты же самоучка, ты не сможешь спрятаться от полиции. Звони прямо сейчас – и я тебя тоже пощажу.

Я поглядел на Уве. Он лежал так мирно в своей постели.

– Но это не я тебя убиваю, Гreve. Это Хикерюд, ты что, не понимаешь?

– Нет. Но, господи, вызови ты эту чертову неотложку, ты что, не видишь, что я сейчас на хрен кровью истеку?

– Увы, слишком поздно.

– Слишком поздно? Ты что, решил бросить меня тут умирать? – В его голос прокралось что-то новое. Неужели плач? – Ну пожалуйста, Браун. Только не здесь и не так! Я умоляю тебя, прошу тебя!

И правда плач. Слезы катились по его щекам. Наверное, неудивительно, если то, что он говорил про выстрел в живот, – правда. Я видел, как кровь вытекает из его штанин на сверкающие туфли от «Прада». Он сам взмолился о пощаде. Не смог сохранить достоинства в смерти, хоть и Гreve. Говорят, никто этого не может на самом деле, что видимая выдержка некоторых объясняется простой апатией от болевого шока. Самым унижительным для Гreve было, разумеется, то, что его гибель происходила на глазах у стольких свидетелей. А сейчас их станет еще больше. Ведь спустя пятнадцать секунд после того, как я отпер дверь дома Уве Хикерюда и вошел в комнату, не набрав «Наташа» на клавиатуре, автоматически включились камеры и одновременно сработал сигнал тревоги в «Триполисе». Я так и видел, как публика сгрудилась там у монитора, как недоуменно смотрит немое кино с Гreve в качестве главного и единственного видимого персонажа, наблюдая, как тот открывает рот, но не слыша слов. Видя, как он стреляет, как его самого находят пули, и костеря Уве на чем свет стоит за то, что ни одна камера у него не показывает того, кто находится на кровати.

Я взглянул на часы. Прошло четыре минуты после срабатывания тревоги и, по-видимому, три после того, как из «Триполиса» позвонили в полицию. Там, в свою очередь, позвонили в группу «Дельта», как полагается в случае вооруженного нападения. Той надо еще собраться. Потом доехать из центра до Тонсенхагена. Надо думать, первые полицейские машины появятся тут не раньше чем через четверть часа. Из семнадцати патронов в магазине Гreve отстрелял только два.

– Я пошел, Клас, с твоего позволения, – сказал я и открыл окно у изголовья кровати. – У тебя есть последний шанс. Подними пистолет. Если сможешь убить меня, то сможешь потом и «скорую» вызвать.

Он уставился на меня пустыми глазами. Ледяной ветер ворвался в комнату. Определенно наступила зима.

– Давай, – сказал я. – Что тебе, вообще говоря, терять?

Видимо, эта логика смогла пробиться в его оглушенный шоком мозг. И

быстрым движением, гораздо быстрее, чем это представлялось возможным при его ранах, он кинулся на пол и схватил пистолет. Град пуль из пистолета-пулемета, свинец, этот мягкий, тяжелый, ядовитый металл, взметнул щепки паркета между его ног. Но прежде, чем автоматная очередь ударила снова, полоснув по груди, пройдя сквозь сердце и изрешетив оба легких, он успел сделать выстрел. Одиночный выстрел. Его звук эхом отдался от стен. И снова наступила тишина. Мертвая тишина. Только негромкое гудение ветра. Немое кино завершилось немым кадром, застыв на морозе, проникшем в комнату.

И кадр этот был безупречен.

Часть пятая
Месяц спустя
Последнее собеседование

23. «Вечерняя редакция»

Музыкальная заставка информационно-дискуссионной программы «Вечерняя редакция» – простой гитарный перебор – рождала у зрителя скорее ассоциации с босановой, покачивающимися бедрами и разноцветными коктейлями, чем с сухими фактами, политикой и удручающими социальными проблемами. Скажем, с преступностью – темой сегодняшнего вечера. Музыкальная фраза была совсем короткой, потому что «Вечерняя редакция» – передача серьезная, где говорят по существу и стремятся проникнуть в суть проблемы.

Наверное, поэтому в начале программы камера, висящая на операторском кране в «Студии-3», показала всех участников обсуждения сверху, а потом стала медленно опускаться, замерев крупным планом на ведущем передачи, Одде Г. Дюбваде. И тот, как обычно, оторвался в этот момент от бумаг и снял очки для чтения. Наверное, таков был замысел режиссера, наверное, он или она предполагали таким образом создать впечатление, что новости тут обсуждаются с пылу с жару, что Г. Дюбвад едва сам успел их прочесть.

У Одда Г. Дюбвада были густые, коротко остриженные волосы, седые на висках, и характерное сорокалетнее лицо. Он выглядел на сорок лет и в свои тридцать, и в пятьдесят. У Одда Г. Дюбвада была степень кандидата социологических наук, аналитическая, интеллигентная манера вести беседу и явные таблоидные задатки. Но не это, по-видимому, явилось решающим для руководства канала, когда оно выбрало именно его ведущим дискуссионной программы, а та работа, которую Одд Г. Дюбвад делал половину своей сознательной жизни в качестве ведущего новостей. Эта работа состояла большей частью в том, чтобы зачитывать готовые тексты с правильной интонацией и выражением лица, в правильном костюме и с правильным галстуком, и, по-видимому, интонация, выражение лица и галстук Г. Дюбвада оказались до такой степени правильными, что обеспечили своему носителю более высокий уровень доверия, нежели любому другому ныне живущему обитателю Норвегии. А высокий уровень доверия – это именно то, что требуется тому, кто ведет программу типа «Вечерней редакции». Как ни странно, безупречности имиджа Одда Г. Дюбвада лишь поспособствовали его неоднократные признания, что он обожает свои рейтинги и что на редакционных совещаниях именно он, а не руководство канала продвигает наиболее коммерциализованные проекты.

Одд Г. Дюбвад желал слышать от своих гостей высказывания провокационные и возбуждающие, а не всякие там сомнения, рассуждения и двоякие мнения, более уместные в газете.

На вопросы СМИ его неизменным ответом было:

– Стоит ли поручать дискуссии о королевской семье, приемных детях в гомосексуальных семьях и злоупотреблениях страховых компаний каким-то несерьезным деятелям, когда мы можем все это обсудить в «Вечерней редакции»?

«Вечерняя редакция» имела несомненный успех, а Одд Г. Дюбвад был звездой. То есть до такой степени звездой, что после громкого скандала и не менее громкого бракоразводного процесса позволил себе жениться на одной из юных звезд женского пола с того же самого канала.

– На сегодня у нас две темы, – произнес он голосом, уже чуть вибрирующим от сдерживаемого предвкушения, проникновенно глядя с экрана. – В первой части программы мы подведем итоги одной из самых кровавых драм за всю историю Норвегии. После месяца напряженной работы полиция утверждает, что сумела наконец свести воедино все нити так называемого «Дела Грече». Оно включает в себя восемь умышленных убийств. Мужчина был задушен у себя на ферме в окрестностях Элверума. Четверо полицейских насмерть задавлены угнанным трейлером. Женщина оказалась застрелена у себя дома в Осло. Пока наконец главные действующие лица не застрелили друг друга в тонсенхагенском доме. Последний эпизод оказался, как известно, зафиксирован на видео благодаря тому, что в доме имелась система автоматического наблюдения, и эти кадры за последние недели успели обойти весь Интернет.

Тут Г. Дюбвад подбавил пафоса:

– Но мало того: в центре этой странной истории оказалось всемирно знаменитое полотно Питера Пауля Рубенса. Картина «Охота на калидонского вепря» исчезла после Первой мировой войны и считалась безвозвратно утраченной. Пока наконец четыре недели тому назад не обнаружилась... – Г. Дюбвад даже запнулся от восторга, – в норвежском деревенском туалете!

Здесь Одд Г. Дюбвад был вынужден сделать промежуточную посадку, прежде чем снова взмыть в воздух.

– У нас в студии сегодня гость, который поможет нам подвести некоторые итоги этого нашумевшего дела. Бреде Сперре...

Г. Дюбвад сделал крохотную паузу, это сигнал режиссеру в аппаратной переключиться на вторую камеру. Оператор выбирает план в три четверти, и камера наезжает на единственного гостя в студии, высокого интересного

блондина. Дорогой костюм публичного чиновника, рубашка с расстегнутым воротом, перламутровые пуговицы – все, вероятно, придумано стилистом из «ELLE», с которым Сперре трахается в полной – или почти в полной – тайне от всех. Теперь уж ни одна телезрительница не переключится на другой канал!

– Вы как сотрудник Крипоса вели расследование этой серии убийств. У вас за плечами почти пятнадцатилетний опыт полицейской работы. Случалось ли в вашей практике что-либо подобное?

– Все случаи разные, – сказал Бреде Сперре с небрежной самоуверенностью.

Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться: память его мобильного сейчас окажется забита эсэмэсками. Женщина, проведавшая, что он холост, хотела бы попить кофе с интересным человеком. Мать-одиночка, живущая в окрестностях Осло, имеет машину и кучу времени на той неделе. Молодой парень, которому нравятся взрослые решительные мужчины. А кто-то сразу взял быка за рога и прислал свою фотку. Самую удачную: очаровательная улыбка, только-только от парикмахера, нарядное платье с соответствующим вырезом. Можно и без лица. Или без платья.

– Но разумеется, восемь уби-ых – такое бывает не каждый день, – сообщил Сперре. И добавил, поняв, что сказанное прозвучало почти пренебрежительно: – Ни здесь, ни в стране, с ко-орой у нас приня-о себя сравнивать.

– Господин Бреде Сперре, – сказал Г. Дюбвад, никогда не забывавший несколько раз произнести имя гостя в начале передачи, чтобы оно зафиксировалось в памяти у зрителей. – Эта история вызвала международный резонанс. Однако подобный интерес к ней вызван ведь не гибелью восьми человек, а прежде всего тем, что ключевую роль во всем этом сыграла всемирно известная картина?

– Пожалуй, да, во всяком случае, эта картина достаточно известна искусствоведам.

– А теперь ее можно с полным правом называть всемирно знаменитой! – перебил Одд Г. Дюбвад и попытался поймать взгляд Сперре, возможно, для того чтобы напомнить: они говорят для программы, они – команда и должны работать в паре, чтобы рассказать публике сенсационную историю. А ведь занижение известности картины автоматически снижает сенсационность! – Как бы то ни было, картина Рубенса оказалась центральным моментом, когда Крипос в отсутствие выживших жертв и каких бы то ни было свидетелей, сумел собрать и сложить эту головоломку. Разве не так, господин Сперре?

– Все именно так.

– Окончательные результаты вашего расследования будут опубликованы завтра, но не могли бы вы уже теперь немножко рассказать нашим телезрителям про дело Гревве, как все происходило, от начала и до конца?

Бреде Сперре кивнул. Но вместо того чтобы заговорить, поднял стакан с водой и отпил глоточек. Г. Дюбвад широко улыбнулся в правый край экрана. Возможно, они оба заранее обговорили этот маленький фокус, эту паузу, которая заставит зрителей подвинуться на самый край дивана и напрячь глаза и уши. Или Сперре сам перехватил режиссуру?

Полицейский чиновник отставил стакан и сделал вдох:

– Прежде чем начать работу в Крипосе, я, как вы знаете, работал в Отделе ограблений, где, в частнос-и, расследовал многочисленные похищения художественных ценностей, случившиеся в Осло в течение последних двух лет. Одинаковый почерк указывал на то, что за этим стоит некая преступная группа. Уже тогда в наше поле зрения попало охранное предприятие «Триполис», так как большинство домов, где произошли кражи, было оборудовано именно их системами защиты. И теперь мы знаем, что один из тех, кто стоял за кражами, работал как раз в «Триполисе». Уве Хикерюд имел доступ к ключам от жилищ и, кроме того, мог отключать сигнализацию. Очевидно, этот же Хикерюд нашел способ убирать сообщения об этих отключениях из журналов компьютеров. Мы полагаем, что сам Хикерюд и осуществил большую часть похищений. Но он нуждался в человеке, разбирающемся в искусстве, который мог бы, общаясь с другими знатоками в Осло, получить информацию, где хранится та или иная картина.

– И тут появляется Клас Гревве?

– Да. У него самого имелась приличная коллекция живописи в квартире на Оскарс-гате, он терся среди искусствоведов и галеристов, особенно в тусовке вокруг «Галереи Э», где многие его видели. Там он общался с людьми, которые сами владели ценными картинами или могли рассказать, у кого такие есть. Эту информацию Гревве в свою очередь передавал Хикерюду.

– А что делал Хикерюд с картинами после похищения?

– Анонимный источник навел нас на след скупщика в Гётеборге, давнего знакомого полиции, который уже сознался, что имел контакты с Хикерюдом. На допросе этот скупщик сообщил нашим шведским коллегам, что в последний раз, когда он был на связи с Хикерюдом, тот позвонил и предупредил, что выехал и везет Рубенса. Скупщик говорит, он не мог

поверить, что это правда. Но ни картина, ни Хикерюд до Гётеборга тогда не доехали...

– Не добрались, – пророкотал Г. Дюбвад с трагической бронзой в голосе. – Но что же произошло?

Сперре криво усмехнулся, прежде чем продолжить, словно мелодраматическая манера ведущего казалась ему немного смешной.

– Похоже, Хикерюд с Гreve решили кинуть скупщика. Представляете, ведь скупщик забирает пятьдесят процентов вырученной суммы, а в этот раз речь шла совсем о других деньгах, чем в случаях с обычными картинами. Как руководитель нидерландского предприятия по производству смешанных технологий, которое торгует с Россией и некоторыми другими странами бывшего Восточного блока, Гreve имел множество кон-актов, причем далеко не только в легальной сфере. У Гreve и Хикерюда появился шанс прожить оставшуюся жизнь в полной экономической независимости.

– Но ведь Гreve производил впечатление состоятельного человека?

– Предприятие, совладельцем которого он был, оказалось в тяжелом финансовом положении, и он к тому же лишился там должности руководителя. А образ жизни, который он вел, требовал затрат. Нам известно, например, что он искал работу на одном норвежском предприятии, входящем в концерн «Хортен».

– Итак, Хикерюд не поехал на встречу со скупщиком, несмотря на договоренность, потому что они с Гreve решили продать картину сами. И что же было дальше?

– Пока они не нашли покупателя, картину надо было спрятать в надежном месте. И они поехали в домик в лесу, который Хикерюд много лет снимал у Синдре О.

– В окрестностях Элверума?

– Да. Соседи говорят, домик использовался редко, но туда время от времени приезжали двое мужчин. К ним, правда, никто не заглядывал, и вообще было такое впечатление, что оба стараются не особо попадаться соседям на глаза.

– И по-вашему, это были Гreve с Хикерюдом?

– Они работали крайне профессионально и общались предельно осторожно, чтобы не оставлять следов, которые бы их связывали друг с другом. Ни один свидетель не видел их вместе, и они, судя по распечаткам звонков, никогда не перезванивались.

– Но тут происходит нечто непредвиденное?

– Да. Мы точно не знаем, что именно. Они оба отправились в этот

домик, чтобы спрятать картину. Когда такие суммы на кону, не так уж и удивительно, что к напарнику, на которого ты прежде полагался, закрадывается недоверие... Возможно, началась ссора. Причем оба, вероятно, были не вполне трезвы, наши анализы выявили в крови у обоих следы наркотиков.

– Наркотиков?

– Смесь кеталара с дормикумом. Довольно крепкие вещи и совершенно не в ходу у наших местных наркоманов. Так что мы полагаем, Гreve привез это дело с собой из Амстердама. Видимо, смесь подействовала таким образом, что оба утратили осторожность, а затем и всякий контроль над собой. Дело дошло до того, что они убили Синдре О. Затем...

– Минуточку, – прервал Г. Дюбвад. – Не могли бы вы более подробно рассказать нашим зрителям, как именно произошло это первое убийство?

Сперре поднял бровь, как бы обозначая некоторое недоумение в связи с такой неприкрытой кровожадностью телеведущего. Затем продолжил:

– Нет, о деталях мы можем только догадываться. Возможно, Хикерюд и Гreve отправились выпивать к Синдре О и там похвастались украденной картиной. А тот попытался или пригрозил вызвать полицию. После чего Клас Гreve убил его с помощью гарроты.

– А гаррота – это...

– Тонкая петля, нейлоновая или металлическая, которая затягивается на горле у жертвы и прекращает поступление кислорода в ее мозг.

– И жертва погибает?

– Э-э-э... Да.

На пульте в аппаратной нажали на кнопку, и вот уже на выходе, на мониторе, показывающем картинку, что разойдется по тысячам телеэкранов, Одд Г. Дюбвад медленно кивает, устремив на Сперре отработанный взгляд, сочетающий в себе отвращение и озабоченность. Позволяет взгляду проникнуть в самую душу. Секунда, две, три. Три телевизионных года. Режиссер, надо думать, уже взмок. Наконец Одд Г. Дюбвад прерывает молчание:

– Откуда вы знаете, что его убил именно Гreve?

– Это подтверждается технической экспертизой. Когда мы обнаружили труп Гreve, в кармане его куртки оказалась эта гаррота. На ней выявлены следы крови Синдре О и частицы кожи Гreve.

– И вам, стало быть, известно, что Гreve с Хикерюдом находились в гостинице Синдре О на месте убийства?

– Да.

– А это вы откуда знаете? Тоже данные технической экспертизы?

Сперре заворочался:

– Да.

– Какие именно?

Бреде Сперре, хмыкнув, глянул на Г. Дюбвада. Видимо, данный пункт ими уже обсуждался. Сперре, вероятно, предпочитал перескочить через некоторые подробности, но Г. Дюбвад настоял, что они нужны, чтобы сделать историю «вкусной».

Сперре взял разбег:

– Мы нашли следы – как на трупе, так и вокруг трупа Синдре О. Следы экскрементов.

– Экскрементов? – перебил Г. Дюбвад. – Человеческих?

– Да. Мы отправили их на анализ ДНК. Большая часть соответствовала ДНК-профилю Уве Хикерюда. Но кое-что принадлежало и Класу Гревелу.

Г. Дюбвад всплеснул руками:

– Господи, Сперре, да что же там произошло?

– Разумеется, сложно разобраться во всех деталях, но похоже на то, что Гревелу с Хикерюдом там... – новый разбег, – вымазались в собственных испражнениях. Такое тоже бывает.

– Иными словами, речь идет о глубоко больных людях?

– Я уже говорил: они употребили наркотики. А вообще-то... ну да, они были безусловно, гм... с отклонениями.

– И ведь на этом дело не кончилось?

– Нет.

Сперре умолк, когда Г. Дюбвад поднял указательный палец – условленный сигнал, означающий, что Сперре следует сделать крошечную паузу. Чтобы зрители успели переварить полученную информацию и сгруппироваться, подготовиться к тому, что прозвучит теперь. Затем следователь Крипоса продолжил:

– Уве Хикерюд, находясь в состоянии сильного наркотического опьянения, решил заняться садистскими играми с собакой, которую привел с собой Клас Гревел. И пригвоздил ее к зубьям тракторной косилки. Однако собака оказывается бойцовой породы, и в разгаре боя Хикерюд получает глубокие укусы в заднюю часть шеи. Затем Хикерюд в тракторе с косилкой и собакой на ней разъезжает по окрестностям. До такой степени обколотый, что едва не съехал в кювет и был остановлен водителем легковой автомашины. Водитель даже не представлял себе, в какую угодил историю, он просто выполнил то, что считал своим гражданским долгом: посадил раненого Хикерюда к себе в машину и отвез в больницу.

– Такой контраст... человеческого материала! – перебивает Г. Дюбвад.

– Пожалуй. Вот этот водитель и рассказал нам, что, когда нашел Хикерюда, тот был весь перемазан своими испражнениями. Водитель решил, что тот нечаянно свалился в навозную яму, но медицинские работники, которые мыли Хикерюда, смогли сообщить нам, что это были испражнения людей, а не животных. У них имеется достаточный опыт подобного... подобных...

– Что сделали с Хикерюдом в больнице?

– Хикерюд был в полубессознательном состоянии, но они вымыли его под душем, перевязали раны и уложили в постель.

– Это в больнице нашли следы наркотиков у него в крови?

– Нет. Там у него взяли, разумеется, анализы крови, но, когда следствие добралось до этого момента, сами пробы, согласно правилам, были уже уничтожены. Мы обнаружили следы наркотиков в крови во время вскрытия.

– Прекрасно. Но давайте все-таки вернемся назад. Итак, Хикерюд лежит в больнице, а Гревье пока еще на ферме Синдре О. Что происходит дальше?

– Клас Гревье, естественно, почуял неладное, видя, что Хикерюд не возвращается. Обнаружив, что трактор пропал, он отправляется за собственной машиной и принимается колесить по округе в поисках подельника. Мы полагаем, что приемник в машине у Гревье брал полицейские радиочастоты и он таким образом узнал, что полиция нашла трактор и – уже утром – труп Синдре О.

– Ага, понятно. Итак, мы видим: у Гревье неприятности. Подельник пропал, полиция обнаружила труп О, а его ферма теперь – место преступления. И полиция в поисках орудия убийства неизбежно наткнется на картину Рубенса. Что же думает Гревье?

Сперре колебался. Вообще-то, в полицейских рапортах принято избегать предположений о том, что человек думает, там указывается только, что соответствующие лица достоверно сделали или сказали. В крайнем случае излагается, что те, по их собственным словам, думали. Но в данном случае никакой информации вообще нет. С другой стороны, Сперре знал, что нужно что-то предложить, помочь оживить историю для того, чтобы... чтобы... Он, видимо, никогда не позволял себе додумать эту мысль до конца, поскольку догадывался, что там, в конце. Что это приятно, когда о тебе трубят СМИ, когда тебя приглашают, если надо что-то прокомментировать или объяснить, когда незнакомые люди кивают тебе на улице или шлют ММС-фотки на мобильный. А стоит прекратить

поставлять им материал – и СМИ тебя забудут. Так что же получается в сухом остатке? Альтернатива: профессионализм или популярность, уважение коллег или успех у толпы?

– Гревек думает, – сказал Бредек Сперре, – что ситуация у него трудная. Он ездит и ищет напарника, а тем временем наступает утро. И тут он слышит по полицейскому радио, что Уве Хикерюда собираются арестовать и привезти из больницы на допрос. Тут Гревек понимает, что ситуация из трудной превращается в отчаянную. Он ведь знает, что Хикерюд не особенно крепкий орешек, что полиция возьмется за него жестко, что, вероятно, Хикерюду предложат смягчить наказание, если он сдаст подельника, что Хикерюд, естественно, не захочет взять на себя вину за убийство Синдре О.

– Логично, – поддержал Г. Дюбвад, подавшись вперед.

– И Гревек видит: единственный выход – это освободить Хикерюда из полиции еще до начала допроса. Либо... – На этот раз Сперре и без тактично поднятого указательного пальчика Г. Дюбвада понял, что тут следует сделать маленькую паузу: – Либо отнять у него жизнь при попытке освобождения.

Казалось, телесигнал потрескивает в воздухе студии, настолько пересушенном прожекторами, что может вспыхнуть в любую минуту.

– И тогда Гревек ищет машину, которой можно было бы воспользоваться. И обнаруживает на парковке у ресторана брошенный трейлер. Как бывший боец нидерландского элитного подразделения, Гревек сумел завести мотор. Он по-прежнему прослушивал полицейские частоты и, по-видимому, просчитал по карте, когда полицейская машина с Хикерюдом окажется в нужном квадрате, следуя в Элверум. Он поставил трейлер на боковой дороге и стал их поджидать...

Тут драматическим голосом вступает Г. Дюбвад:

– И вот происходит самая ужасная трагедия во всей этой истории.

– Да. – Сперре потупил взгляд.

– Я знаю, как это тяжело лично для вас, Бредек, – сказал Г. Дюбвад.

Бредек. Назвал по имени. Это сигнал.

«Сперре самым крупным планом», – командует режиссер в наушниках первой камере.

Сперре шумно вздыхает:

– Четверо прекрасных сотрудников полиции погибли в результате наезда трейлера на полицейскую машину, среди них – мой ближайший коллега по Крипосу, Юар Сундед.

Сперре зумят настолько осторожно, что тот словно бы не

догадывается, что его лицо постепенно занимает большую часть экрана, просто камера как бы сгущает настроение – доверительности, проникновения в самую душу этого импозантного и взволнованного полицейского.

– Полицейская машина вылетела за ограждение и упала за деревьями у самой реки, – вступает Г. Дюбвад. – Но Уве Хикерюд непостижимым образом умудряется выжить в этой аварии.

– Да. – Сперре уже овладел собой. – Он выбирается из покореженной машины, сам или с помощью Гreve. Тот снова пересаживается в свой автомобиль и вместе с напарником возвращается в Осло. Когда местные полицейские, обнаружив останки машины, недосчитались одного тела, то сперва предположили, что оно упало в реку. К тому же Хикерюд передел одного из погибших полицейских в свою одежду, так что поначалу возникла некоторая путаница – чье же тело пропало на самом деле.

– И что же мы видим? Когда Гreve с Хикерюдом вроде бы уже в безопасности, в обоих пышным цветом расцветает паранойя!

– Да. Хикерюд сообразил, что, когда Гreve наехал трейлером на полицейскую машину, ему было, по-видимому, безразлично, выживет напарник или нет. И тут Хикерюд понимает, что находится в смертельной опасности, что у Гreve есть минимум две причины свести с ним счеты: во-первых, как со свидетелем убийства Синдре О, во-вторых, чтобы не делиться выручкой за картину Рубенса. И что Гreve нанесет удар при первом же удобном случае.

Г. Дюбвад заинтересованно наклонился вперед:

– Итак, мы переходим к последнему акту кровавой драмы. Оба персонажа вернулись в Осло, и Хикерюд отправляется к себе домой. Но не отдыхать. Он знает, что должен действовать первым: если сам не съешь, то съедят тебя. И вот он берет из своего обширного арсенала маленький черный пистолет марки... марки...

– «Рорбау Р-9», – сказал Сперре. – Калибр девять миллиметров, полуавтоматический, шесть пуль в магази...

– И с ним, – перебил Г. Дюбвад, – отправляется туда, где, по его мнению, находится Клас Гreve. А именно к любовнице Гreve. Не так ли?

– Нам неизвестно, какие взаимоотношения были у Гreve с этой женщиной. Но мы знаем, что они имели регулярные контакты, что они встречались и что отпечатки пальцев Гreve обнаружены в том числе и в ее спальне.

– То есть Хикерюд отправляется по адресу любовницы и стоит с оружием наготове, когда та открывает дверь, – сказал Г. Дюбвад. – Она

впускает его в переднюю, где он ее и застреливает. Потом осматривает квартиру в поисках Класа Гreve, но там его нет. Хикерюд укладывает труп женщины на ее кровать и едет домой. И следит, чтобы оружие было под рукой везде, где бы он ни был, даже в постели. И тут появляется Клас Гreve...

– Да. Мы не знаем, как он сумел войти, – возможно, вскрыл замок. Во всяком случае, он не понял, что тем самым активировал беззвучный сигнал тревоги. А тот в свою очередь запустил камеры наблюдения в доме.

– Это значит, что у полиции есть видеозапись того, что происходит дальше, – последней разборки между обоими преступниками. А теперь – для тех, кому не хватит терпения отыскать ее в Интернете, – не могли бы вы вкратце рассказать, что же там происходит?

– Они начинают стрелять друг в друга. Гreve первым делает два выстрела из своего «глока-17». И странным образом промазывает оба раза.

– Станным образом?

– Да, с близкого расстояния. Гreve как-никак бывший боец командос.

– То есть он попадает в стенку?

– Нет.

– Нет?

– Нет, в стене возле изголовья кровати никаких пуль не было. Он попадает в окно. Даже, скажем так, не в окно, потому что окно было открыто настежь. Он стреляет за окно.

– За окно? А откуда это известно?

– Мы нашли пистолетные пули снаружи.

– Мм?

– В лесу за домом. В дуплянке для сов, которая висела на дереве. – Сперре криво усмехнулся, как люди, сознающие, что скромничают и занижают масштабы собственного успеха.

– Понимаю. А дальше?

– Хикерюд открывает в ответ огонь из пистолета-пулемета «узи», который на всякий случай держал в своей постели. Как показывает видеозапись, пули попадают Гreve в пах и живот. Он роняет пистолет, но поднимает его и успевает сделать третий, и последний, выстрел. И попадает Хикерюду в лоб, над правой бровью. Но все не так, как мы привыкли видеть в кино, – что выстрел в голову влечет мгновенную смерть. Хикерюд успеет выпустить еще одну очередь, прежде чем умрет. И она отнимет жизнь у Класа Гreve.

Наступило долгое молчание. Режиссер, по-видимому, показал Одду Г. Дюбваду один палец, означающий, что по сценарному плану осталась одна

минута и пора подводить итоги и закругляться.

Одд Г. Дюбвад откинулся на спинку стула, на этот раз с облегчением.

– То есть у Крипоса нет сомнений, что все происходило именно так?

– Нет, – сказал Сперре, твердо глядя на Г. Дюбвада. Затем развел руками: – Но понятно, что всегда останутся какие-то сомнения касательно отдельных моментов. Кое-что смущает. Вот, например, судмедэксперт отметил в своем заключении, что температура тела Хикерюда упала удивительно быстро, так что, устанавливая ее время по обычным расчетным таблицам, он бы сказал, что тот погиб почти на сутки раньше. Но полицейские сообщили, что на момент их прибытия окно позади кровати было распахнуто настежь. А тот день был как раз первым морозным днем в Осло. Подобные странности возникают постоянно, они – в самой природе нашей работы.

– Да, и хотя на видеозаписи самого Хикерюда не видно, но пуля, попавшая ему в голову...

– ...выпущена из того самого пистолета «глок», из которого стрелял Гревье, да-да. – Сперре снова улыбнулся: – Технические улики тут, как выражается пресса, более чем убедительные.

Г. Дюбвад ответил такой же широкой улыбкой и принялся складывать бумаги перед собой, сигнализируя о завершении первой части программы. Теперь осталось поблагодарить Бреду Сперре, устремить взгляд в объектив и предложить публике следующую тему: новый раунд обсуждения государственных дотаций сельхозпроизводителям. Но вдруг Г. Дюбвад замер с полуоткрытым ртом и обращенным внутрь взором. Подсказка в наушник? Он что-то забыл?

– И совсем уж напоследок, Сперре, – произнес Г. Дюбвад спокойно, невозмутимо, отработанным тоном. – Что вам, собственно, известно об убитой женщине?

Сперре повел плечами:

– Не так уж много. Как я уже сказал, мы считаем, что она была любовницей Гревье. Один из соседей говорит, что видел, как тот входил и выходил от нее. Уголовного прошлого у нее нет, но с помощью Интерпола мы установили, что много лет назад она была замешана в историю с наркомафией, когда жила с родителями в Суринаме. Она была подругой одного тамошнего наркобарона, но, когда тот был убит группой нидерландского спецназа, она помогла найти остальных участников банды.

– А ее, значит, не судили?

– Она тогда еще не достигла возраста уголовной ответственности. И была беременна. Власти выслали всю семью из страны на родину.

– То есть в...

– Да, в Данию. Там эта женщина с тех пор и жила – насколько нам известно, тихо и мирно. Пока три месяца назад не приехала в Осло. И вот – трагический конец.

– Да. И в конце мы благодарим Бреде Сперре. – Очки сняты, взгляд снова устремлен в камеру номер один. – Должна ли Норвегия выращивать собственные помидоры любой ценой? В «Вечерней редакции» нас ждет встреча с...

Картинка на экране свернулась и погасла – я нажал на пульте кнопку «off» левым большим пальцем. Обычно я это делаю правой рукой, но теперь она была занята. И хотя она уже совсем затекла, я ни за что на свете не хотел ею шевелить. Потому что на ней лежала самая прекрасная голова из всех мне известных. Голова повернулась ко мне, и рука отвела одеяло, мешавшее меня видеть.

– Ты правда спал с ней рядом в ту ночь после того, как ее застрелил? Прямо у нее на кровати? Какая там, ты говорил, ширина?

– Сто один сантиметр, – сказал я. – Согласно каталогу «Икеи».

Огромные синие глаза Дианы уставились на меня с ужасом. Но – если я не ошибался – было в них и некоторое восхищение. Она была в тончайшем неглиже от Ива Сен-Лорана – прохладном на ощупь, когда оно едва касалось меня, как теперь, но горячем, как уголь, когда я притискивал его к ее телу.

Она приподнялась на локтях:

– Куда ты ее застрелил?

Я простонал, закрыв глаза:

– Диана! Мы же, кажется, договорились не упоминать про это.

– Да, но теперь я выдержу, Роджер. Честное слово!

– Дорогая, но послушай...

– Нет! Завтра опубликуют официальный рапорт полиции, и я так и так узнаю все подробности. А мне хочется их услышать от тебя.

Я вздохнул:

– Точно?

– Абсолютно.

– В глаз.

– В какой?

– В этот. – Я коснулся указательным пальцем ее прекрасно очерченной левой брови.

Она закрыла глаза и сделала глубокий медленный вдох. Потом выдох.

- А из чего ты ее застрелил?
- Из маленького черного пистолета.
- Но где...

– Я нашел его в доме Уве. – Я провел пальцем вдоль ее брови к виску, погладил высокие скулы. – И вернул его на место. Без моих отпечатков, разумеется.

- Где вы были, когда ты убил ее?
- В передней.

Дыхание Дианы заметно участилось.

- Она что-то заметила? Испугалась? Поняла, что произошло?
- Не знаю. Я выстрелил сразу, как только вошел.
- Что ты почувствовал?
- Грусть.

Она слабо улыбнулась:

- Грусть? Правда?
- Да.

– Притом что она пыталась заманить тебя в ловушку к Класу?

Палец мой замер. Даже теперь, через месяц после того, как все это закончилось, мне не нравилось, что она называет его по имени. Но она, разумеется, была права. Задачей Лотте было стать моей любовницей, это она должна была свести меня с Класом Гreve и уговорить меня пригласить его на собеседование в «Патфайндер», а потом сделать так, чтобы я его порекомендовал. Как долго она держала меня на крючке? Три секунды? А я беспомощно извивался на нем, пока она подтягивала меня все ближе. Но случилось нечто удивительное: я сорвался с крючка. Мужчина так сильно любил жену, что по доброй воле дал отставку самоотверженной и ничего не требующей любовнице. Поразительно! И им пришлось менять свои планы.

– Кажется, мне было ее жалко, – сказал я. – Но, думаю, я просто оказался последним в ряду мужчин, обманывавших Лотте всю ее жизнь.

Я почувствовал, как Диана чуть вздрогнула, когда я произнес это имя. Это хорошо.

- Может, поговорим о чем-нибудь другом? – предложил я.
- Нет, сейчас я хочу говорить об этом.
- Ладно. Давай поговорим про то, как Гreve соблазнил тебя и уговорил мной манипулировать.

Она тихо рассмеялась:

- Давай!
- Ты любила его?

Она повернулась ко мне и посмотрела долгим взглядом.

Я повторил вопрос.

Она вздохнула и прижалась ко мне:

– Я влюбилась.

– Влюбилась?

– Он хотел подарить мне ребенка. И я влюбилась.

– Так просто?

– Да. Только это совсем не просто, Роджер.

Она, разумеется, была права. Это совсем не просто.

– И ради этого ребенка ты решила пожертвовать всем? Даже мной?

– Да. Даже тобой.

– Даже если бы мне пришлось заплатить за это жизнью?

Она тихонько потерлась виском о мое плечо.

– Нет, не настолько. Ты прекрасно знаешь – я считала, что он просто сможет уговорить тебя подписать рекомендацию.

– Ты правда в это поверила, Диана?

Она не ответила.

– Правда, Диана?

– Да. Мне так казалось, по крайней мере. Можешь считать, что я хотела в это верить.

– Насолько, что согласилась подложить резиновую капсулу с дормикумом мне на сиденье?

– Да.

– А в гараж ты спустилась, чтобы отвезти меня в то место, где он меня уговорит, правильно?

– Мы ведь уже все с тобой обсудили, Роджер. Он сказал, что это наименее рискованный способ для всех. Мне конечно же следовало понять, что это безумие. И я, наверное, понимала это. Не знаю, что еще тебе сказать.

Мы лежали и думали каждый о своем и слушали тишину. Летом мы могли слушать дождь и ветер в листве деревьев нашего сада, но не теперь. Теперь все кроны стояли голые. И безмолвные. Одна надежда – когда-нибудь снова придет весна. Может быть.

– И долго ты была влюблена? – спросил я.

– Пока до меня не дошло, что я наделала. В ту ночь, когда ты не вернулся домой...

– Да?

– Мне хотелось только одного – умереть.

– Я не про него спрашиваю, – сказал я. – Я имел в виду – в меня.

Она тихонько рассмеялась.

– Откуда же я знаю – ничего пока еще не кончилось!

Диана не лгала почти никогда. Не потому, что не умела, – Диана необыкновенно одаренная лгунья, – но потому, что не давала себе такого труда. Красивым людям это ни к чему, им незачем овладевать теми защитными механизмами, которые мы, прочие, развиваем в себе, чтобы было чем ответить, когда нас отталкивают и отвергают. Но когда женщины вроде Дианы все же решают солгать, то лгут смело и успешно. Не потому, что они менее нравственны, чем мужчины, а потому, что лучше владеют технической стороной этого дела. Именно поэтому я и отправился к ней тогда в последний вечер. Потому что знал: она – превосходная кандидатура.

Тогда, заперев за собой дверь, я постоял в холле, слушая ее шаги, потом поднялся по лестнице в гостиную. Я услышал, как шаги замерли, потом мобильник упал на журнальный столик, а следом шепот, задыхающийся от плача, – «Роджер...», – и тут слезы хлынули у нее из глаз. И я не пытался ее остановить, когда она бросилась мне на шею.

– Слава богу, ты жив! Я пыталась тебе дозвониться весь день вчера и сегодня... Где ты был?

И Диана не лгала. Она плакала, потому что решила, что потеряла меня. Потому что сама убрала меня и мою любовь прочь из своей жизни, как собаку, которую отправляют к ветеринару на усыпление. Нет, она не лгала. Я нутром чуял. Но я уже говорил, что неважно разбираюсь в людях, а Диана – необыкновенная лгунья. Так что, когда она ушла в ванную смыть слезы, я все же взял ее телефон, чтобы убедиться, что она набирала именно мой номер. На всякий случай.

Когда она вернулась, я рассказал ей все. Абсолютно все. Где я был, кем я был и что произошло. О кражах картин, о ее телефоне под кроватью в квартире Класа Гreve, о датчанке Лотте, поймавшей меня на удочку. О разговоре с Гreve в больнице. После которого я понял, что он знает Лотте, что именно она – его ближайший союзник, что гель с передатчиками втерла мне в волосы не Диана, а кареглазая бледная девушка с волшебными пальцами, переводчица, говорившая по-испански и предпочитавшая чужие истории своей собственной. Что гель был у меня в волосах еще с вечера, еще прежде, чем я обнаружил Хикерюда в машине. Диана молча смотрела на меня во все глаза.

– Гreve сказал мне в больнице, что я уговорил тебя сделать аборт, потому что у ребенка был синдром Дауна.

– Дауна? – Диана впервые за много минут нарушила молчание. – Откуда он это взял? Я не говорила...

– Знаю. Это я придумал, когда рассказывал Лотте про тот аборт. Она

сказала, что родители уговорили ее сделать аборт, когда она была подростком. Ну, я и сочинил это, насчет Дауна, чтобы лучше выглядеть в ее глазах.

– И она... она...

– Да, – сказал я. – Она единственная, кто мог рассказать это Класу Гreve.

Я подождал. Дал ей время осмыслить мои слова.

А потом рассказал Диане, что должно произойти дальше.

Она испуганно взглянула на меня, крикнула:

– Я не могу этого сделать, Роджер!

– Разве? Ты сможешь, и ты это сделаешь, – сказал новый Роджер Браун.

– Но... но...

– Он лгал тебе, Диана. Он не способен зачать ребенка. Он стерилен.

– Стерилен?

– Я подарю тебе ребенка. Обещаю. Только сделай это, ради меня.

Она отказывалась. Плакала. Умоляла. И наконец пообещала.

В тот вечер, когда я отправился к Лотте, чтобы стать убийцей, я проинструктировал Диану и знал, что она справится с заданием.

Я так и видел, как она принимает Гreve, как он приходит, а она улыбается этой ослепительной лживой улыбкой, и коньяк уже в бокале, который она протягивает ему, – за победителя, за будущее, за еще не зачатого ребенка. Как она требует, чтобы они зачали его как можно скорее, теперь же, сегодня ночью!

Я вздрогнул, когда Диана ущипнула меня за сосок:

– Ты о чем это задумался, а?

Я подтянул одеяло:

– О той ночи. Как Гreve пришел сюда. Как он лежал с тобой вот тут, где теперь лежу я.

– Ну и что? А сам ты в ту же ночь лежал в постели с трупом.

До сих пор я избегал спрашивать об этом, но тут не утерпел:

– Вы занимались сексом?

Она тихо рассмеялась:

– Долго же ты держался, милый.

– Так да или нет?

– Скажем так: эти капли с дормикумом, которые я выдавила ему в бокал из резинового шарика, сработали быстрее, чем я думала. Когда я привела себя в порядок и пришла сюда, он уже спал, как сурок. А утром, наоборот...

– Отзываю вопрос, – поспешно сказал я.

Диана провела рукой вниз по моему животу и снова засмеялась:

– А утром он был ужасно бодрый. Но не из-за меня, а из-за телефонного звонка, который его разбудил.

– Весточка от меня.

– Да. Во всяком случае, он тут же оделся и ушел.

– Где у него был пистолет?

– В кармане куртки.

– Он проверил пистолет, прежде чем уйти?

– Я не знаю. Он так и так не заметил бы разницы, вес был примерно одинаковый. Я ведь заменила только три верхних патрона в магазине.

– Да, но холостые патроны, которые я тебе дал, были помечены красной буквой «В» на дне гильзы.

– Если он проверял, то подумал, наверное, что это значит «back»^[37].

Смех наполнил спальню, смех двух человек. Я слушал его с наслаждением. Если все пойдет как надо и лакмусовые полоски не врут, скоро в этот хор добавится смех третьего человечка. И вытеснит наконец прочь иные звуки, от эха которых я все еще порой просыпаюсь по ночам. Грохот выстрелов Грече, когда вырывается пламя из пистолетного дула и в сотую долю секунды успеваешь подумать, что Диана так и не заменила патроны, снова предав меня. А потом – эхо, звон пустых гильз, раскатившихся по паркету, они потом затеряются среди прочих гильз, использованных и новых, от боевых и от холостых патронов, гильз, валяющихся там в таком количестве, что полицейские ни за что не смогут в них разобраться, даже если вдруг поймут, что камеры наблюдения поведдали им совсем другую историю.

– Тебе было страшно? – спросила она.

– Страшно?

– Да, ты ведь никогда не рассказывал мне, что ты чувствовал. И тебя нет в кадре...

– В кадре... – Я чуть отодвинулся, чтобы увидеть ее лицо. – Значит, ты зашла в Сеть и нашла эту видеозапись?

Она не ответила. И я подумал, что по-прежнему еще многого не знаю об этой женщине. Что загадок там, наверное, хватит на целую жизнь.

– Да, – сказал я. – Мне было страшно.

– Но почему? Ты же знал, что его пистолет...

– Боевыми не были лишь три верхних патрона. Я должен был устроить так, чтобы он отстрелял их все, чтобы полиция не нашла в магазине холостых, правда же? Но он ведь мог сделать и четвертый выстрел. Мог и

вообще заменить магазин. И вообще у него мог быть сообщник, о котором я не подозревал.

Наступило молчание.

Потом она тихонько спросила:

– Значит, ты не опасался каких-то других вещей?

Я понял, что она думает о том же, о чем и я.

– Опасался. – Я повернулся к ней. – Я боялся еще одной вещи.

Я ощущал лицом ее дыхание, частое и жаркое.

– Что он убил тебя той ночью, – сказал я. – Грече не собирался заводить с тобой семью, а ты была опасным для него свидетелем. Я знал, что подвергаю тебя смертельной опасности, когда спрашивал, согласна ли ты сыграть роль приманки в ту ночь.

– Я знала об этой опасности с самого начала, любимый, – прошептала она. – Именно поэтому я и подала Класу бокал с коньяком, как только он перешагнул порог. И не будила его, пока ты ему не позвонил. Я знала, что у него будет хлопотливый день после того, как он услышит голос с того света. А кроме того, я ведь заменила три первых патрона, правильно?

– Правильно, – сказал я.

Диане легко даются логические задачи с простыми числами – я вроде бы об этом как-то уже рассказывал?

Она провела рукой по моему животу.

– К тому же я оценила, что ты вполне сознательно подверг мою жизнь опасности...

– Что?

Ее ладонь скользнула ниже, накрыла мой член, охватила яички. Взвесила их и чуть сжала эти мешочки с семенем.

– Самое главное – это баланс, – сказала Диана. – Он – основа всех добрых, гармонических взаимоотношений. Баланс вины, стыда и нечистой совести.

Я принялся мысленно пережевывать услышанное, пытаюсь усвоить, заставить мозг переварить эту довольно тяжелую пищу.

– Ты хочешь сказать... – начал я и бросил и начал снова. – Ты хочешь сказать, то, что ты оказалась в смертельной опасности по моей вине... что это...

– ...справедливая цена за все, что я сделала тебе во вред, да. Как «Галерея Э» была справедливой ценой за сделанный аборт.

– И давно ты так думаешь?

– Давно, разумеется. И ты тоже.

– Точно, – сказал я. – Искупление...

– Вот именно. Искушение. Крайне недооцененное успокоительное.

Она сжала мою мошонку чуть сильнее, и я попытался расслабиться, наслаждаясь болью. Вдохнул Дианин запах. Он был чудесный, но приведется ли мне когда-нибудь вдохнуть такой аромат, который сможет отшибить вонь человеческих экскрементов? Услышать что-то, способное заглушить звук, с каким очередь прошивает легкие Гreve? Потом уже мне казалось, что он смотрел на меня заплаканными, недоумевающими глазами, пока я прижимал холодные пальцы Уве к рукояти и спусковому крючку «узи» и маленького черного пистолета «рорбау», из которого застрелил Лотте. И случится ли мне хоть когда-нибудь попробовать еду, способную своим вкусом отбить вкус мертвой плоти Уве? Я нагнулся тогда над его телом, лежащим на кровати, и заставил себя вонзить клыки ему в загривок. И сжимал челюсти, пока кожа не порвалась и трупный вкус не наполнил мой рот. Крови почти не выступило, и, убрав за собой после мучительной рвоты, я изучил результат – может сойти за собачий укус, если вдруг следователь станет его искать. Потом я боком выкарабкался через окно позади изголовья, стараясь не попасть в поле зрения камер. Ломанулся напрямик в лес, потом уже стал искать тропки и дорожки. Приветливо кивал гуляющим. Воздух делался тем холоднее, чем выше я поднимался, и когда я добрался до Грефсена, то продрог окончательно. И там я уселся и глядел на осенние краски, которые уже наполовину высосала зима, на город, фьорд и свет. Свет, всегда предваряющий собой наступающую тьму.

Я ощутил, как кровь устремилась к пенису, пульсирует в нем.

– Иди сюда, – шепнула Диана мне в самое ухо.

И я овладел ею. Систематически и основательно, как человек, честно делающий свою работу. Который любит эту работу, но тем не менее отдает себе отчет: она все-таки работа. И работает, пока не включится сирена. Тогда женщина заботливо зажмет его уши ласковыми ладонями, и он, больше не сдерживая себя, наполнит ее горячим, житнетворным семенем, хотя место уже и занято. А потом она уснет, а он будет лежать, слушая ее дыхание и ощущая удовлетворение от хорошо сделанной работы. И знать, что того, что было, никогда уже не будет. Но может, будет похожее. Может, будет жизнь. Может, он сумеет сберечь ту, что уснула рядом. Сберечь их обоих. Что он сможет любить. И, как нечто само собой разумеющееся, к нему вдруг приходит понимание этой любви, ее сути – эхо давней фразы, прозвучавшей на футболе в лондонском тумане: «Потому что я им нужен».

Эпилог

Первый снег выпал и растаял.

Я успел выяснить в Сети, что опцион на покупку и право экспонирования «Калидонской охоты» был продан на парижском аукционе. Покупателем выступил Музей Гетти в Лос-Анджелесе, который теперь может выставить картину и – если в течение периода опциона, равного двум годам, не объявится неизвестный на сегодняшний день владелец и не предъявит своих требований на это полотно, – сможет воспользоваться своим правом приобрести шедевр в постоянную собственность. Дальше шло несколько коротких фраз об истории картины, что много лет подряд шли споры о том, копия ли она или оригинальная работа совсем другого художника, потому что ни в одном источнике нет свидетельств, что Рубенс когда-либо писал «Вепря». Но на сегодня все эксперты сходятся, что автор все-таки Рубенс. Однако на сайте ни слова не было ни о том, откуда взялась эта картина, ни о том, что продавцом выступило норвежское государство, ни о цене.

Диана, поняв, что теперь, когда она ждет ребенка, ей будет тяжело заниматься галереей в одиночку, решила – предварительно посоветовавшись со мной – подыскать партнера, который мог бы заняться практической стороной дела, прежде всего финансовой частью, в то время как она сосредоточилась бы на самом искусстве и художниках. Кроме того, мы выставили наш дом на продажу. Мы оба решили, что ребенку лучше расти в таунхаусе чуть меньшей площади, зато на природе. И я уже получил очень заманчивое предложение о покупке. От человека, который позвонил мне тут же, как увидел объявление в газете, и попросил разрешения посмотреть дом в тот же вечер, частным порядком. Я узнал его, едва открыв дверь. Костюм от Корнелиани и очочки в стиле «я ботан».

– Не самое лучшее творение Уве Банга, – изрек он, промчавшись по всем комнатам со мной в кильватере. – Но все равно беру. Сколько вы хотите?

Я назвал цену, указанную в объявлении.

– Плюс миллион, – сказал он. – Деньги будут не позднее послезавтра.

Я сказал, что нам надо подумать, и проводил его к выходу. Он протянул мне визитку. Должность не указана, только имя и мобильный номер. Название фирмы по подбору персонала, написанное такими маленькими буквами, что прочесть практически невозможно.

– Скажите, – сказал он уже на пороге. – Вы ведь по-прежнему царь горы? – И прежде, чем я успел ответить, добавил: – Мы подумываем расширяться. Пожалуй, мы вам позвоним.

Мы. С маленькой буквы.

Я дождался истечения срока, не сообщив о предложенной сумме ни маклеру, ни Диане. Никаких звонков от «мы» тоже не было.

Поскольку я всегда руководствовался принципом – не начинать работу, пока мне самому не захочется, – то в тот день, как и многие другие, я парковался на стоянке напротив «Альфы» последним. «И последними встанут первые», эту привилегию я лично сформулировал и провел в жизнь, – привилегию, которую лучший в фирме охотник за головами может себе позволить. Подобный статус предполагает, в частности, что никто не посмеет поставить свою машину на твоё место, хотя формально оно и подпадает под общее для всей парковки правило «кто первым встал, того и тапки».

Однако в тот день там стояла чужая машина. Незнакомый «пассат», наверняка кого-то из наших клиентов, решивших, что может преспокойно припарковаться, едва увидев табличку «Альфа» на цепи, огораживающей площадку, – придурок, неспособный прочесть большое табло у входа, где написано: «ПАРКОВКА ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ».

И все-таки я ощутил легкую неуверенность. Может, кто-то в «Альфе» тоже пришел к выводу, что я больше не... Я не додумал этой мысли.

Пока я злобно искал, куда бы мне приткнуться, из офисного здания неторопливо вышел мужчина и продолжил движение курсом как раз на «пассат». Эта походка показалась мне вполне подходящей владельцу «пассата», и я перевел дух. Потому что это явно был не претендент на мое место, а просто клиент.

Демонстративно поставив свою машину перед «пассатом», я ждал и надеялся. Может, это как раз наоборот хорошее начало дня, может, сейчас я смогу отвести душу на идиоте. И правда: в мое боковое окно постучали, и я увидел за ним мужское пальто на уровне живота.

Я немного подождал, прежде чем нажать на кнопку стеклоподъемника, и стекло скользнуло вниз – чуть быстрее, чем мне бы хотелось.

– Послушайте, – начал мужчина, но был перебит мной:

– Чем я могу вам быть полезен, господин хороший? – Прежде чем я удостоил его взглядом и приготовился прочесть бодрящую лекцию о пользе чтения табличек.

– Вы не могли бы чуть подвигнуть вашу машину, вы мне выезд загородили.

– Вообще-то, это вы первый мне его загородили, сударь...

И тут знакомые радиопомехи достигли наконец моего мозга. Я высунулся из окна и глянул вверх. И сердце у меня остановилось.

– Конечно, – сказал я. – Минуточку.

Я отчаянно шарил рукой в поисках кнопки, чтобы снова поднять стекла. Но мелкая моторика пропала напрочь.

– Погодите-ка, – сказал Бреде Сперре. – Мы с вами нигде не встречались?

– Вряд ли, – попытался я сказать спокойным, расслабленным басом.

– Вы уверены? Мне кажется, что мы точно где-то виделись!

Черт, неужели он вспомнил четвероюродного брата близнецов Монсенов из судебно-медицинского отделения? Тот был лысый и одет как бомж. А у этого густые волосы, костюм от Эрменеджилльдо Зеньи и наглаженная рубашка от Борелли. Но я знал, что нельзя все отрицать чересчур усердно, заставляя Сперре защищаться и тем самым напрягать память. Я глубоко вздохнул. Я устал, сегодня мне нельзя было быть таким усталым. Сегодня я должен выполнить взятые обязательства. Показать, что я по-прежнему достоин своей репутации.

– Кто знает? – сказал я. – Да и я вас вроде где-то видел...

Он поначалу даже смутился от этой контратаки. И улыбнулся чудесной мальчишеской улыбкой, которая так пленяет фото- и тележурналистов.

– Вы, вероятно, видели меня по телевизору. Я там постоянно...

– Точно, именно там вы и меня видели, – сказал я.

– А-а-а! – оживился он. – А в какой передаче?

– Может, в той же самой, где были вы. Раз уж вам кажется, что мы встречались. Телевизор ведь окно, хоть и непростое, не все могут через него разглядеть друг друга. С вашей стороны телекамеры это скорее... зеркало, правильно?

Вид у Сперре сделался растерянный.

– Шутка, – сказал я. – Сейчас отъеду. Всего вам доброго!

Я поднял стекло и отвернулся. Ходили слухи, будто Сперре трахает новую жену Одда Г. Дюбвада. И будто раньше он трахал его прежнюю жену. И будто бы даже трахал самого Г. Дюбвада.

Выехав с парковки, Сперре остановился, прежде чем повернуть, так что мы две секунды простояли лоб в лоб. Я поймал его взгляд. Это был взгляд обманутого человека, только что сообразившего, что его провели. Я светски кивнул. Он газанул и уехал. А я глянул в боковое зеркало и шепнул:

– Так держать, Роджер.

Я вошел в двери «Альфы», оглушительно гаркнув: «Доброе утро,

Ода!», и увидел Фердинанда, вылетающего мне навстречу.

– Ну? – спросил я. – Они уже тут?

– Да, готовенькие, – ответил он, семена за мной по коридору. – Тут к нам, кстати, один полицейский заглядывал. Высокий, блондинистый, такой... шикарный мужчина.

– Чего ему тут понадобилось?

– Узнать, что нам рассказывал о себе Клас Гreve во время собеседования.

– Так ведь он давно уже умер, – сказал я. – Они что, до сих пор с этим делом ковыряются?

– Не с убийством. Это насчет той картины Рубенса, они никак не поймут, у кого он ее украл, никто не заявлял о пропаже. Теперь они хотят отследить все его контакты.

– Ты сегодня газет не читал? Теперь уже вообще сомневаются, была ли у Рубенса такая картина. Так что, может, Гreve и не крал ее. А, скажем, в наследство получил.

– Да ладно!

– Что ты сказал этому полицейскому?

– Дал ему наш отчет по собеседованию, естественно. По-моему, он ничего интересного там не нашел. Сказал, что выйдет на связь, если понадобится.

– И ты, конечно, на это очень рассчитываешь?

Фердинанд рассмеялся своим визгливым смехом.

– Как бы то ни было, – сказал я, – займись этим сам. Я целиком полагаюсь на тебя, Ферди.

Я мог заметить, как он вырос и как уменьшился – вырос от оказанного доверия и сжался от уменьшительного имени. Баланс – это наше все.

Тем временем мы дошли до конца коридора. Я остановился перед дверью и поправил галстук. По ту сторону двери уже сидели они, ожидая последнего собеседования. Чистый ритуал. Потому что кандидат уже рекомендован и уже назначен, просто заказчик этого еще не осознал, они полагают, что им теперь следует еще сказать какие-то слова.

– Запускаешь кандидата ровно через две минуты, начиная с этой, – сказал я. – Через сто двадцать секунд.

Фердинанд, кивнув, посмотрел на свои часы.

– Один момент, – сказал он. – Ее на самом деле зовут Ида.

Я открыл дверь и вошел.

Скрип отодвигаемых кресел – все встали.

– Прошу прощения за опоздание, господа, – сказал я и пожал три

протянутые мне руки. – Но кто-то занял мое место на парковке.

– Ничего страшного, – сказал председатель правления «Патфайндера» и вопросительно повернулся к руководителю службы информации.

Тот энергично закивал. Третьим был представитель коллектива, парень в красном пуловере и выглядывающей из-под него дешевой белой рубашке, наверняка какой-нибудь инженеришка.

– Кандидат собирает правление в двенадцать часов, так что давайте, наверное, начнем? – сказал я и сел к столу с торца.

Другой торец был, разумеется, предназначен для человека, которого они через полчаса единодушно признают новым главой «Патфайндера». Свет падал под таким углом, чтобы освещать его наилучшим образом, а кресло кандидата было с виду такое же, как остальные, но с чуть более высокими ножками. На стол перед ним я уже положил заранее купленную мной кожаную папку с его инициалами и авторучку «Монблан» с золотым пером.

– Конечно, – сказал председатель правления. – Я хотел бы взять назад свои требования. Просто Клас Гreve произвел на нас очень хорошее впечатление после того собеседования.

– Да, – сказал руководитель службы информации. – Мы решили, что мы нашли нам великолепного кандидата.

– Конечно, он был иностранец, – сказал председатель, и его шея покачнулась, как резиновый шланг. – Но шпарил по-норвежски, словно тут родился. И мы тут, кстати, вспомнили, когда вы пошли его проводить, что голландцы всегда умели работать с рынком экспорта гораздо лучше нас.

– А мы со временем, возможно, смогли бы овладеть более, так сказать, европейским стилем управления, – подхватил руководитель службы информации.

– И когда вы сказали, что все-таки не уверены, что он – подходящая фигура, то мы все страшно удивились, Роджер.

– Правда?

– Да, мы просто-напросто решили, что у вас не хватает способностей оценить человека. Я раньше вам этого не говорил, но мы думали отозвать у вас наш заказ и выйти на Гreve напрямую.

– И вы это сделали? – спросил я с кривой усмешкой.

– Чего мы не можем понять, – сказал руководитель службы информации, переглянувшись с председателем правления и улыбнувшись, – так это как вы разглядели, что с ним что-то не так?

– Как вы интуитивно смогли понять это, пока мы были словно слепые? – сказал, кашлянув, председатель правления. – Как вы ухитряетесь

так здорово разбираться в людях?

Я медленно наклонил голову. Пододвинул мои бумаги на пять сантиметров ближе к середине стола. И откинулся на высокую спинку кресла. Оно качнулось – несильно, чуть-чуть – назад. Я посмотрел в окно. На свет. На темноту, которая придет. Сто секунд. В комнате наступила теперь полная тишина.

– Просто это моя работа, – сказал я.

И краем глаза увидел, как все трое многозначительно кивнули друг дружке.

Я добавил:

– К тому же я тогда уже начал подумывать о более подходящем кандидате.

Троица повернулась ко мне. И я был готов. Думаю, что-то похожее чувствует дирижер в последние секунды, оставшиеся до начала концерта, ощущает, что взгляды всех оркестрантов прикованы к его палочке, и слышит, как напряженный гул замирает в зале у него за спиной.

– Именно поэтому я и пригласил вас сегодня, – сказал я. – Человек, которого вы сейчас увидите, – это новая звезда не только на норвежском, но и на мировом небосклоне топ-менеджеров. В прошлый раз мне казалось совершенно нереальным вытащить его с его нынешней работы, он ведь там Бог Отец, Сын и Дух Святой в одном лице.

Я переводил взгляд с одного лица на другое.

– Я и теперь ничего не могу обещать, но рискну сказать все-таки, что, кажется, сумел его перехватить на лету. И если нам удастся его... – Я завел глаза в потолок, показывая, что это, конечно, всего лишь мечта, утопия, но все-таки...

И председатель правления с руководителем службы информации предсказуемо и неизбежно подались вперед. Даже представитель трудового коллектива, который все время сидел, скрестив руки на груди, теперь положил их на стол и подвинулся чуть ближе.

– Кто? Кто? – шепнул руководитель службы информации.

Сто двадцать.

Дверь распахнулась. И там стоял он, мужчина тридцати девяти лет в костюме от Камикадзе из магазина на Бугстадвейен, где для персонала «Альфы» действует пятнадцатипроцентная скидка. Прежде чем впустить его сюда, Фердинанд припудрил ему правую руку тальком телесного цвета, поскольку, как известно, ладони у кандидата потеют. Но кандидат знал, что от него требуется, потому что я дал ему все инструкции, отрежиссировав сцену до мельчайшей детали. А еще он красил волосы, так что на висках

виднелась легкая седина, и когда-то владел литографией Эдварда Мунка под названием «Брошь».

– Позвольте вам представить Иеремиаса Ландера, – сказал я.

Я – охотник за головами. Вообще-то, это не очень трудно. Но я – царь горы.

notes

СНОСКИ

1

Здесь: маскировочная вода (фр.).

Крупнейшая в Норвегии экономическая газета.

Одна из самых богатых и успешных предпринимательниц Норвегии и одновременно гламурная львица, Селина Мидельфарт в 2000 г. приобрела в собственность здание посольства ГДР в Осло.

Норвежский писатель, муж норвежской принцессы Мэрти Луисы, дочери правящего короля Харальда V.

Вокалист норвежской хард-рок-группы «Турбонегро», настоящее имя – Ханс Эрик Дювик Хусбю.

Актриса и одна из самых успешных моделей в Швеции 1990-х.

«Допрос по уголовному преступлению и признательные показания»
(англ.).

Я впечатлен (*англ.*).

Юхан Фалькбергет (псевдоним Юхана Петтера Лиллебаккена) – норвежский писатель; роман «Четвертая ночная стража» (1923) повествует о жизни горнорабочих.

Понтопиддан Хенрик – датский писатель-романист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1917).

«И теперь будет... ПРЕКРАСНО!» (*англ.*) Видимо, перифраз рефрена песни «Perfect day» из репертуара Клея Эйкена: «Its gonna be a perfect day!» – «И теперь будет прекрасный день!»

«Это была ночь после трудного дня...» (англ.)

Главное управление криминальной полиции Норвегии.

По-норвежски – «ломать, крушить».

«Кто-то вроде тебя делает все это имеющим смысл» (*англ.*).

- Не соедините меня с вашим новеньким?
- Новеньким, сэр?
- Ну этим, руководителем технического отдела.
- Фельсенбринк не такой уж и новенький, сэр.
- Ну, по крайней мере для меня. Так Фельсенбринк на месте? *(англ.)*

– Я Роджер Браун из «Альфа рекрутинг» (*англ.*).

– Мистер Клас Гreve порекомендовал мне обратиться к вам (*англ.*).

– Здесь: Верно (*англ.*).

– Клас Грече – лучший руководитель, с которым мне приходилось работать (*англ.*).

– Значит, вы... (*англ.*)

– Да, сэр. Я его от всей души рекомендую. Он оптимальный человек для «Патфайндера». И для любой другой компании, занимающейся такими вещами (*англ.*).

– Спасибо, мистер Фенсельбринк (*англ.*).

– Фельсенбринк. Обращайтесь, если что (*англ.*).

Руне Рюдберг – популярный вокалист норвежской танцевальной группы «Скандинавия»; был вынужден покинуть ее в 2005 г., когда стало известно, что он злоупотребляет наркотиками.

Чего? (англ.)

«Прошу прощения?», «Простите, сэр?», «Могу я вам чем-то помочь, мадам?» (*англ.*)

Вы не из... (англ.)

Букв.: место для выстрела (англ.).

Плохой полицейский (*англ.*).

По-норвежски – «разбитый вдребезги».

Современный скандально известный норвежский художник, автор многих провокационных работ, в том числе картины, написанной кистью руки, отрезанной от трупа.

Эпизод из романа Юхана Фалькбергета «Четвертая ночная стража».

Песня британской рок-группы «Oasis».

Один из современных норвежских модных домов, названный по псевдониму его главного дизайнера Челя Нурстрёма.

Конец истории (*англ.*).

Здесь: «задняя сторона» (*англ.*).